

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2019 Том 2 № 7

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77 - 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курылев Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Курылев Константин Петрович

доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Москва,
Российская Федерация,
kuryljov@narod.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Пархитько Никроай Петрович

кандидат исторических наук, доцент
РУДН, Москва, Российская Федерация,
scharnchorst@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Губайдулина Мара Шаукатовна

доктор исторических наук,
профессор, КазНУ им. Аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан,
maragu@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Смолик Надежда Григорьевна

старший преподаватель,
РУДН, Москва,
Российская Федерация,
nadian@list.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Баку, Республика Азербайджан

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Ереван, Республика Армения

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, Начальник Главного управления образовательной деятельности Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Тбилиси, Грузия

Аджай Кумар Патнайк, доктор философии по политическим наукам, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Университета им. Дж. Неру, Дели, Республика Индия

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Ибраева Эльмира Алпамысовна, доктор исторических наук, вице-президент в Казахстанской Академии информации и бизнеса, Алматы, Республика Казахстан

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Борисов Николай Александрович, доктор политических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Грачев Михаил Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры постсоветского зарубежья Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Дегтерев Денис Андреевич, доктор экономических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российский университет дружбы народов" (РУДН), Москва, Российская Федерация

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Российская Федерация

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации" (МГИМО (Университета)), Москва, Российская Федерация

Ныгусие Кассеа Вальтер Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российский университет дружбы народов" (РУДН), Москва, Российская Федерация

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российский университет дружбы народов" (РУДН), Москва, Российская Федерация

Федорченко Сергей Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области "Московский государственный областной университет" (МГОУ), Москва, Российская Федерация

Мавланов Ибрагим Раджабович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Международной торговли и инвестиций» Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол, Ташкент, Республика Узбекистан

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

07.00.15 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального и регионального развития (политические науки)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>.

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутриполитических процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2019 г. следующий:

№ 8 2019	Беларусь в мировой политике	До 15 декабря 2019 г.
№ 1 2020	20 лет современной внешней политики России	До 15 января 2020 г.
№ 2 2020	Номер не тематический	До 1 февраля 2020 г.
№ 3 2020	Конфликтный потенциал постсоветского пространства	До 15 марта 2020 г.
№ 4 2020	Номер не тематический	До 1 апреля 2020 г.
№ 5 2020	К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне	До 1 мая 2020 г.
№ 6 2020	Номер не тематический	До 15 июня 2020 г.
№ 7 2020	Казахстан в мировой политике	До 1 октября 2020 г.
№ 8 2020	Номер не тематический	До 1 декабря 2020 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>.

Почтовый адрес:

117513, Москва, Россия, ул. Академика Бакулева, д. 6

e-mail: article@postussr.org

Фактический адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2

e-mail: article@postussr.org

© К.П. Курьлев, 2019

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2019 VOLUME 2 No. 7

[http://](http://www.postussr.org) <https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications.

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Konstantin P. Kurylev

Doctor in History, Professor, RUDN
University,
Moscow, Russia
kuryljov@narod.ru

DEPUTY EDITOR

Nikolay P. Parkhitko

PhD, Assistant Professor RUDN
University,
Moscow, Russia
scharnchorst@mail.ru

DEPUTY EDITOR

Mara Sh. Gubaydulina

Doctor in History Professor, KazNU Al-
Frabi,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
maragu@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Nadejda G. Smolik

Senior Lecturer RUDN University,
Moscow, Russia,
nadian@list.ru

EDITORIAL BOARD

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Erevan, Republic of Armenia

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Head of the Main Department of Educational Activities of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia, Tbilisi, Georgia

Ajay Kumar Patnaik, PhD in political sciences, professor of the Centre for Russian and Central Asian Studies of the Jawaharlal Nehru University, New Delhi, Republic of India

Esdauletova Ardak Melsovna, Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Vice President, Kazakhstan Academy of Information and Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

Beibutova Risbybyu Aldzhambaevna, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Borisov Nikolai Aleksandrovich, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Historical Archive Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Humanitarian University" (RSUH), Moscow, Russian Federation

Grachev Mikhail Nikolaevich, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Historical Archive Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Humanitarian University" (RSUH), Moscow, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of the Department of Post-Soviet Abroad, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Degterev Denis Andreevich, Doctor in Politics, Head of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia of the Saratov National Research State University by N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Moscow, Russian Federation

Nygussie Kassae Walter Mikael, Doctor in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Moscow, Russian Federation

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economy, Head of the Department of International Trade and Investments, University of Global Economy and Diplomacy, Republic of Uzbekistan, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Tashkent, Republic of Uzbekistan

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity - 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

07.00.15 - History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

23.00.04 - Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar. Languages: Russian, English, French, German.

Aims and Scope

The journal "Post-Soviet Studies" aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First of all, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues of the Vestnik RUDN for 2019 will deal with the following issues:

№ 8 2019	Belarus in world politics	До 15 декабря 2019 г.
№ 1 2020	20 years of modern foreign policy of Russia	До 15 января 2020 г.
№ 2 2020	Non-thematic	До 1 февраля 2020 г.
№ 3 2020	The conflict potential of the Post-Soviet space	До 15 марта 2020 г.
№ 4 2020	Non-thematic	До 1 апреля 2020 г.
№ 5 2020	To the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War	До 1 мая 2020 г.
№ 6 2020	Non-thematic	До 15 июня 2020 г.
№ 7 2020	Kazakhstan in world politics	До 1 октября 2020 г.
№ 8 2020	Non-thematic	До 1 декабря 2020 г.

Manuscript submission rules are posted on the journal website.
<https://www.postussr.org/avtoram>

Postal Address of the Editorial Board:

6 Academic Bakuleva str., 117513, Moscow, Russia

e-mail: article@postussr.org

Фсгсфд Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia

e-mail: article@postussr.org

Содержание

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

Международное образовательное сотрудничество

Каримова А.Б. Грядущее и грянувшее постиндустриальное общество: Институт науки и образования в России, ЕС и США в преддверии кризиса.....1458

Шнейдер В.М. Основные аспекты сотрудничества России и Узбекистана в сфере образования на современном этапе.....1472

Parkhitko N.P., Kurmanova D.B. Russian Educational Programs for Armenia and Georgia. Promotion Through Mass Media as an Alternative Factor of Cooperation in the Sphere of Education (Пархитко Н.П., Курманова Д.Б. Российские образовательные программы для Армении и Грузии. Продвижение через СМИ в качестве альтернативного фактора сотрудничества в области образования).....1477

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Мавланов И.Р. К формированию новой концепции регионального сотрудничества в Центральной Азии.....1485

Караваев А.В. Узбекистан - ЕАЭС: ожидания и параметры переходного периода..1492

Шарипов А.Н. Основные этапы формирования внешней политики Республики Таджикистан 1503

Vargahovskis E. Searching for middle power diplomacy. South Korea's approach toward Kyrgyzstan (Варпаховскис Э. В поисках дипломатии «средней силы». Подход Южной Кореи к отношениям с Кыргызстаном).....1511

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Ибрагимов А.Г. Энергетические ресурсы как инструмент внешней политики России.....1521

Тарарышкин Ю.В. Финансовый механизм и его роль в финансовой политике в исследованиях ученых СНГ..... 1531

ПРОБА ПЕРА

Канарова В.Н. Украинско-турецкие отношения в 2014-2019 гг.: динамика, тенденции, перспективы.....1536

Contents

THEMATIC DOSSIER:

International educational cooperation

Carimova A.B. The coming and bursting post-industrial society: Institute of Science and Education in Russia, EU and USA in the run-up to the crisis 1458

Shneyder V.M. The main aspects of educational cooperation between Russia and Uzbekistan at the present time 1472

Parkhitko N.P., Kurmanova D.B. Russian Educational Programs for Armenia and Georgia. Promotion Through Mass Media as an Alternative Factor of Cooperation in the Sphere of Education 1477

CENTRAL ASIA

Mavlanov I.R. Toward a new concept of regional cooperation in Central Asia.....1485

Karavaev A.V. Uzbekistan - EAEU: expectations and transitional parameters 1492

Sharipov A.N. The main stages of the formation of the foreign policy of the Republic of Tajikistan 1503

Varpahovskis E. Searching for middle power diplomacy. South Korea's approach toward Kyrgyzstan 1511

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Ibrahimov A.G. Energy Resources as a Tool for Foreign Policy of Russia 1521

Tararyshkin Ju.V. Financial mechanism and its role in financial policy from CIS's scientists' point of view 1531

FIRST STEPS

Kanarova V.N. Ukrainian-Turkish Relations in 2014-2019: Dynamics, Trends, Prospects 1536

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

Международное образовательное сотрудничество

Грядущее и грянувшее постиндустриальное общество: Институт науки и образования в России, ЕС и США в преддверии кризиса

А.Б. Каримова

Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Москва, Россия

Аннотация. В статье изложены результаты эмпирических исследований социальных явлений, вызванных генеративным воздействием феномена будущего (теория постиндустриального общества) на системы производства, накопления и утилизации знания, структуры обучения, реформу системы образования и научной экспертизы в России, США и Европейском союзе. Цель исследования – сформулировать проблему организации научной работы, рассматривая ее как процесс производства знаний во взаимосвязи с обработкой, хранением и извлечением ценной информации. Автор рассматривает производство знания и сопутствующие ему процессы как гуманитарный уровень развития общества, в котором знание и обучение выступают основными индикаторами состояния и накопления человеческого капитала. В ходе сравнительного анализа, опираясь на методологию кодификации знания ОЭСР, поток знания интерпретирован через модули научной работы. Смысловые рамки анализа определяют гипотеза: любой гуманитарный процесс принимает форму и окраску структур, в рамках которых функционирует.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, теория знаков, услуга, поток знания, наукометрия, модемное управление.

The coming and bursting post-industrial society: Institute of Science and Education in Russia, EU and USA in the run-up to the crisis

A.B. Carimova

Institute of World Economy and International Relations, RAS, Moscow, Russia

Abstract. The article presents the results of empirical studies of social phenomena caused by the generative impact of the phenomenon of the future (theory of post-industrial society) on the systems of production, accumulation and utilization of knowledge, on the structures of training, and on the reform of the system of education and scientific expertise in Russia, the USA and the European Union. The aim of the study is to formulate the problem of the organization of scientific work, considering it as a process of production of knowledge interconnected with the processing, storage, and extraction of valuable information. The author considers the production of knowledge and the processes accompanying it as a humanitarian level of the model of development of society, in which knowledge and training come out as the main indicators of the state and accumulation of human capital. In the course of the comparative analysis, based on the methodology of knowledge codification OECD, the flow of knowledge is interpreted through modules of scientific work. The semantic framework of the analysis defines the following hypothesis: any humanitarian process takes the form and colouring of the structures within which it functions.

Keywords: post-industrial society, sign theory, service, scientometrics, flow of knowledge, modem governance.

Теория постиндустриального грядущего: модель Д. Белла

Злободневные для российского научного сообщества наукометрические коллизии заставили вновь вернуться к гипотезе постиндустриального общества североамериканского социолога Д. Белла (1973).

Сравнивая два альтернативных варианта индустриальных обществ XX в. (СССР и США), ученый пришел к выводу, что неучтенные в марксовых схемах «чистого» и «банковского» капитализма социальные изменения являются частями модели, позволяющей заглянуть в будущее и навсегда

снять проблему экономических противоречий капиталистического способа производства [Белл, 1999: 82].

Согласно гипотезе, марксизм не смог предусмотреть интеллектуализацию способа производства, возрастание роли теоретического знания, появление высоких технологий (алгоритмов решения проблем). Социальным результатом этого процесса явилось созревание новой структуры общественных отношений, обусловленное разделением собственности и управления; «проникновением специализации функций из сферы экономики в сферу интеллектуальной деятельности»; стратегической ролью научного знания, технологий и инноваций, изменивших культурную среду. Тенденция структурного сдвига особенно заметна в здравоохранении и образовании [Белл, 1999: 178].

В условиях кризиса западной экономики 1970-х гг. теория постиндустриального будущего была привлекательна инсталляцией прагматического подхода к научному знанию (Дж. Дьюи), его измеряемости (теория знаков Ч. Пирса) и возможностью монетизации услуг [Каримова, 2016: 301].

Таким образом, в гипотезу постиндустриального общества были заполированы феномены (интеллектуальная собственность), процессы (интеллектуализация способа производства) и источник новых социальных отношений и стоимостей (человеческий капитал). Теоретические знания выступили инструментом связи профессиональных коллективов, а университеты, академические институты и исследовательские организации – ключевыми предприятиями «сообщества науки» [Белл, 1999: 505-546].

Табл.1

Структурное сочетание проблемы постиндустриального общества, его институтов и социальных движений

<i>Осевой принцип:</i>		<i>Центральная роль теоретических знаний и их кодификация</i>
Основные институты:		Университет, академические институты, исследовательские организации
Экономическая база:		Научоемкие отрасли промышленности
Основной ресурс:		Человеческий капитал
Политические проблемы:		Научная политика; политика в области образования
Структурная проблема:		Соотношение между частным и общественным секторами
Стратификация:	Основа -	Способности и навыки.
	Доступ -	Образование
Теоретическая проблема:		Сплоченность «нового класса»
Социальные движения:		Противостояние бюрократии; Альтернативная культура

Источник: [Белл, 1999: 160].

Теория Д. Белла имела широкий резонанс в международных академических кругах. На родине ученого с практическим энтузиазмом была воспринята идея об услуге как о центральном виде экономической деятельности и новом источнике роста прибыли, занятости, расширения сферы взимания налогов, более продвинутой системы измерения бюджетных расходов. Она стала ядром третичной (сервисной) отрасли в (либертарианской?) конструкции глобального рынка, инструментализировавшего два тезиса предсказательной аналитики:

- знание и образование – «гуманитарный вид услуг» [Белл, 1999: схi];

- «знание подвержено оценкам со стороны рынка», «грубым количественным оценкам» стоимости его создания, прикладной ценности и использования средств связи [Белл, 1999: 235-246].

В поиске выхода из кризисов 1980-2000-х гг. ключевые игроки финансовой политики стимулировали введение механизма экономической эффективности в структуры образования и производства знания, определившись с источниками подъема.

В настоящее время образование – второй по величине рынок США и третья (после финансовой и медицинской) отрасль, в которой совершается on-line революция, включающая в себя создание альтернативных субсистем внутри и вокруг образовательных полей (стартапы, компании для интерактивного обучения, сетевые университеты, цифровые учебники, программное обеспечение для удаленного управления образовательными процессами, дополнительное образование и пр.).

Во второй половине «нулевых» годов объем мирового рынка образования составил 4,5–5,0 трлн. долл. с тенденцией роста до 6–7 трлн. А затраты «на обучение выросли на 559% и почти в два раза опережают темпы роста расходов на здравоохранение»¹.

В 2018 г. суммарный объем рынка образования в США достиг 1,75 трлн. долл.²

Аналитики Forbes оценивают общий объем российского рынка образования суммой в 1,8 трлн. руб. с долей частного бизнеса в нем в 19,2% (351,7 млрд руб.)³. В стоимостном отношении российский рынок в 65 раз дешевле/меньше (?) американского.

Однако все эти показатели неприменимы к преподавателю, ученому, исследователю. Кто он на этом рынке? Что продает? Новизну? Результаты исследования? Лекции? Идеи? Публикационную активность?

Образовательный процесс: формализация грядущего

В 1983 г. специально созданная Национальная комиссия по качеству образования, обследовав государственные и частные школы, колледжи и университеты

¹ Koller D. Top college courses, for free? September 23, 2012. URL: http://edition.cnn.com/2012/09/23/opinion/koller-online-college-courses/index.html?iid=article_sidebar.

² Бровкина Ю. Где лучше всего развивать EduTech-проект: большой обзор мирового рынка. <https://rb.ru/opinion/obzor-rynka-edutech>. Для сравнения: в 2012 г. североамериканский рынок образования стоил 1,3 трлн. долл. США.

³ Кречетова А. Будущее онлайн-образования в России: рост и осторожные инвестиции. <https://www.forbes.ru/tehnologii/342961-budushchee-onlayn-obrazovaniya-v-rossii-rost-i-ostorozhnye-investicii>.

США, выпустила доклад «Нация в опасности: императивы для реформы образования. Документ констатировал, что в результате «акта бездумного одностороннего образовательного разоружения: нанесен колоссальный урон американскому процветанию, безопасности и цивилизованности; плохое состояние американского образования имеет экономические последствия; снижение качества образования ведет к уменьшению конкурентоспособности США в условиях глобальной рыночной экономики; без реформы образования американская демократия разрушится» [A Nation at Risk...1983].

Комиссия Министерства образования установила, что необходимому уровню образования соответствует только 13 % населения; примерно 23 миллиона взрослых и 13 % всех 17-летних американцев функционально неграмотны.

Рис. 1. Результаты оценки качества обра-

зования в США до реформы 2008 г. Источник: [U.S. Department of Education...2008: 2].

Анализ качества жизни отчисленных из школ в 1983 г. выявил социальную составляющую рисков национального развития. После 20 лет реформ почти 60 процен-

тов бросивших учебу в возрасте 25 лет были безработными, а их навыки не соответствовали минимальным требованиям работодателей.

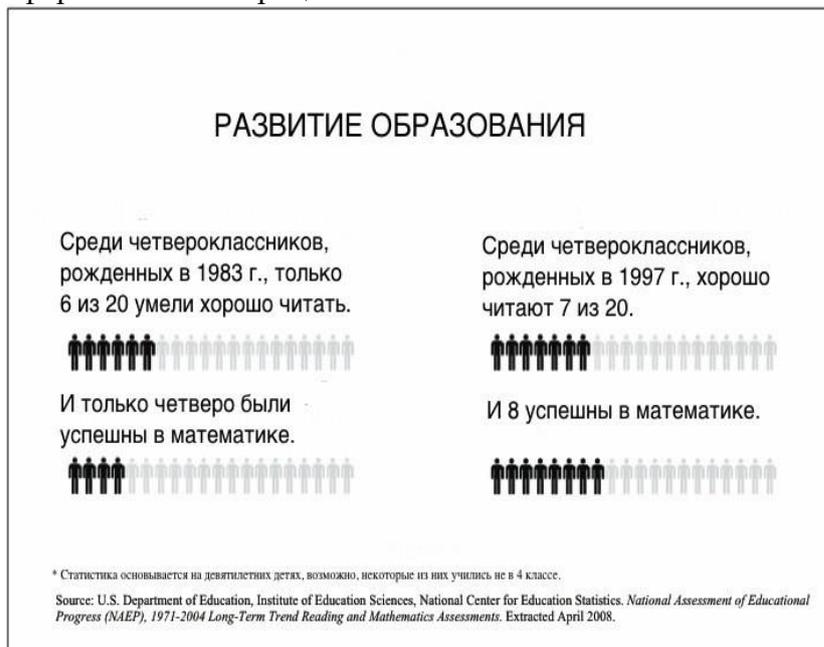

Рис. 2. Результаты обследования качества школьного образования в США после 25 лет реформ Источник: [U.S. Department of education..., 2008: 9].

Одновременно с реформой школьного образования в США была запущена реформа высшего образования. В докладе министра образования М. Спеллингс «A Test of Leadership. Charting the Future of U.S. Higher Education» предлагалось осуществить перестройку на всех этажах высшего образования как «тест на лидерство» в завтрашнем мире – «более жестком, более конкурентоспособном, менее прощающим потраченные впустую ресурсы и упущенные возможности» [A Test of Leadership..., 2006: xii]. Теперь богатство и благополучие нации зависело от «граждан, способных работать умнее и быстрее учиться».

Комиссия Министерства образования определила четыре ключевых направления преобразований:

- access (доступность как основа концепции непрерывного образования),
- affordability (допустимые меры, сделавшие возможным онлайн-образование, инвестиции венчурного капитала, альтернативные формы образования и др.),
- quality (статистика качества, критерии которой были интерпретированы в различных методиках ранжирования),

- accountability (ответственность, предусматривающая общественную оценку). Конечной целью реформы было системное преобразование структур высшего образования в *зрелые предприятия экономики знаний* [A Test of Leadership..., 2006: xii].

В последующее десятилетие, особенностью которого стал процесс конкуренции между классическим образованием и «завтрашними методиками преподавания»⁴, традиционным и венчурным финансированием, тенденция роста стоимости образования переросла в очевидность сокращения доступности.

Обзор смысловой реакции североамериканских, новозеландских, канадских, британских представителей академического сообщества⁵, как минимум, позволяет устано-

⁴ Teaching tomorrow. September 5, 2015. (From the print edition.). URL: <http://www.economist.com/news/technology-quarterly/21662654-sebastian-thrun-pioneer-googles-autonomous-cars-wants-teach-people-how>.

⁵ Нунн А. Генеральное соглашение по торговле услугами, высшее образование и реформы в Соединенном Королевстве. 2005. URL: http://scepssis.net/library/id_387.html; Amsler S., Bolsmann C. University ranking as social exclusion. *British journal of sociology of education*. 33 (2), 2012: P.

вить, что за годы реформ список рисков увеличился за счет двух факторов:

- *высокой* стоимости *низкого* качества образования;
- студенческого долга национального масштаба.

Это подтверждает рекомендация провайдера финансовой информации Блумберг, предложившего брокерам в анализе причин общего снижения спроса на товары и услуги учитывать объемы долгов обучающихся заемщиков. Его аргументы: «объем образовательных кредитов в США в четвертом квартале 2018 г. равнялся 1,46 трлн долл., или 7,5% ВВП США. Это второй по величине тип долга в США после ипотеки⁶, объем которой 9,54 трлн долл. И первый по величине серьезной просрочки (более 90 дней): ее объем 166,4 млрд долл. – 11,4% студенческих долгов»⁷.

Другую группу рисков североамериканскому лидерству в мировой экономике знаменитые эксперты сформулировали как «глобальное давление» стран ОЭСР. Тем самым в пространстве мирового рынка образования и науки было конфигурировано поле «теста на лидерство».

В целом динамику формализации грядущего передает процесс адаптации рыноч-

ных идей постиндустриального и информационного обществ в механизмы управления процессами образования и производства знания.

Движущая сила постиндустриализма

Характерно, что почти синхронно опубликованные модели будущего имели и сходные цели: привлечь внимание своих аудиторий (социальных мыслителей, политиков, средний класс, менеджеров среднего уровня) к интеллектуализации способа производства как к возможности развития предпринимательства в структурах концентрации, производства, трансляции и хранения знания.

Если Д. Белл стал экспортером идеи социального сдвига, компьютерной грамотности, превращения знания в товар, а образовательных услуг – в источник прибыли и выхода из кризиса, то лоном идеи *модерного управления*, безусловно, является концепция *видимой руки*. Под этим логотипом североамериканский историк бизнеса А.Д. Чандлер-младший создал образ капитализма, изменившегося в ходе *революции управления*. Центральный и самый влиятельный, по оценке историка, персонаж новой модели капитализма – менеджеры среднего звена с предпринимательскими навыками, «заменившие небольшую традиционную семейную фирму в качестве основного инструмента управления процессами производства и распределения товаров» [Chandler A.D, Jr, 1977: 1; 6-12].

283-301; Berrell M., Martin T., Changarath R. Indexing as a Method of Ranking Higher Education Institutions. *Mevlana International Journal of Education (MIJE)* Vol. 5(2), pp. 61-77, 31 August, 2015; Anderson N., Douglas-Gabriel D. Nation's prominent public universities are shifting to out-of-state students. January 30, 2016. URL: https://www.washingtonpost.com/local/education/nations-prominent-public-universities-are-shifting-to-out-of-state-students/2016/01/30/07575790-beaf-11e5-bcda-62a36b394160_story.html; Barback J. Note Sharing: Cheating The System Or Yourself? October 2014. URL: <http://www.educationreview.co.nz/magazine/october-2014/note-sharing-cheating-the-system-or-yourself/#.VrrYdy5CGdV>; Campos P. F. The Real Reason College Tuition Costs So Much. April 4, 2015. URL: http://www.nytimes.com/2015/04/05/opinion/sunday/the-real-reason-college-tuition-costs-so-much.html?_r=1; Carnegie Mellon president: industry is failing to fund basic research. February 1, 2016. URL: <https://www.timeshighereducation.com/news/carnegie-mellon-president-industry-failing-fund-basic-research>.

⁶ В 2008 г. ипотечные долги населения США привели к мировому финансовому кризису.

⁷ Tanzi A. U.S. Student Debt in «Serious Delinquency» Tops \$166 Billion. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-02-16/u-s-student-debt-in-serious-delinquency-tops-166-billion>.

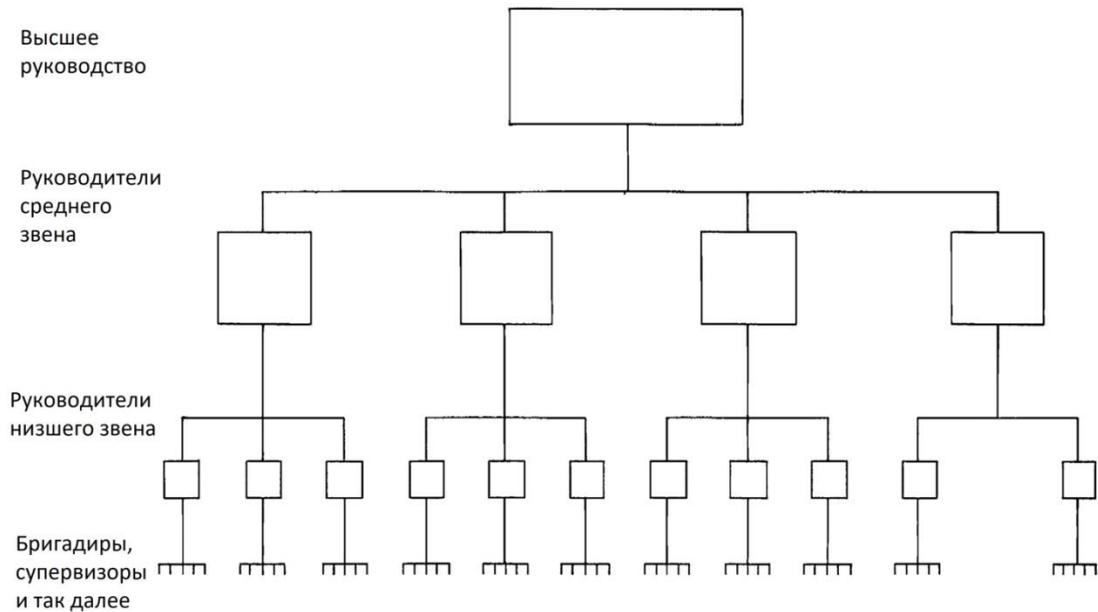

Рис. 3. The Visible Hand: базовая иерархическая структура современного делового предприятия (каждая коробочка представляет офис). Источник: [Chandler, 1977: 2]

Как отмечает один из критиков концепции «видимой руки» профессор Иллинойского университета Дж.Р. Ричард, А.Д. Чендлер отвел более важную роль в управлении американской экономикой предпринимателям, чем «изобретателям, строителям империи и финансистам». Несмотря на серьезные возражения, эта книга «входит в основные списки рекомендуемой учебной литературы и служит колыбелью для бесчисленных лекций по истории США» [Richard, 1997: 153].

Но, если знание технологически отделить от его носителей, т.е. интерпретировать его:

- «как товар, как продукт, который может быть произведен, обменен, продан в соответствии с моделями экономической деятельности»; или

- «как орудие, как всепроникающая демонстрация нематериальных инструментов, использование которых существенно для обеспечения наилучшего действия всех секторов экономики» [Агацци, 2012:6],

то можно понять алгоритм эффективности и выявить другие особенности современного управления, где нет ничего кроме цифровых комбинаций.

Одним из самых убедительных аргументов перестройки академических сообществ в торгово-предпринимательские структуры

является введение принципов эффективности и общественной оценки.

Крупнейшие исследователи капитализма указывают на эффективность как на механизм препятствия для вступления на рынок новых игроков [Валлерстайн, 2004: 88]. Общественная оценка – элемент облачного конструкта «знающего общества» (knowledgeable society, Р. Лейн), акцентирующего роль экспертных знаний. В образовательное пространство России они внедрились вместе с квалитетрией международных рейтингов университетов.

Экономисты исследуют рейтинги как инструменты экономической политики и конкурентной борьбы, отмечая, что в контексте задач мирового образовательного рынка они превратились в инструменты рынка образовательных услуг.

Дискурсивный анализ исследовательской литературы позволяет сделать вывод: контентная составляющая рейтинга сконцентрирована на крайних точках предпринимательского спектра задач.

Научный труд в цифровом измерении: модерное управление

Термин модерное управление специально введен как сопровождающее определение, наиболее адекватно отражающее специфику управления объектами виртуальной среды, параметры которых преобразованы в информационные потоки. «Экспертом каче-

ства» их функционирования становится программное обеспечение, действующее как мутаген виртуальной реальности.

Тезис 1. Статистика статусных порядков (лидерство). Большинство объяснений динамики статуса опираются на поведение рыночных субъектов или их принадлежность к другим субъектам в качестве основных движущих сил изменений. Однако статус все чаще опосредуется посредниками из числа третьих сторон (ранкеров), которые определяют его посредством упорядочения количественных показателей человеческой активности. Статусные порядки меняются через изменения в базовой методологии ранжирования или в случаях, когда ранжируемые объекты вынуждены изменить свое поведение ввиду необходимости увеличения шансов на выживание.

Известно, что распространенным показателем рейтингов лучших университетов является количество заявок, поданных для поступления. Введение национальной стандартизированной формы подразумевает возможность подать заявку в несколько вузов одновременно (расширение доступности). «Некоторые университеты, включая Чикагский, какое-то время противостояли подобным играм, но затем их уровень избирательности упал. Когда Чикагский университет начал с 2007 года принимать стандартизированные заявки, тысячи студентов, не имевших никакой возможности поступить, могли подать заявку одним кликом мышки. Уровень зачисления в университете упал, а показатель избирательности взлетел, повышая тем самым рейтинг» [Харфорд, 2016:187].

Тезис 2. Статистика услуг. Цифровое распределение специфики академической среды воспроизводят регламенты сбора и обработки информационных потоков, включенных в структуру измерения качества услуг (международные рейтинги).

Это статистическое распределение позволяет «распаковать» академическую среду как «коллективы» цифровых идентичностей (digital object identifier – цифровой идентификатор ученого), финансирующих услуги

библиометрических платформ⁸, которые собирают «ценную информацию для фирм и политиков, стремящихся стимулировать и направлять научные исследования» [Rahmandad & Vakili, 2017]. Иными словами, доступ к академическим ресурсам играет важную роль в создании конкурентных преимуществ компаний, заинтересованных в постоянном упорядочивании потока знаний, формируемых алгоритмом действия – публикационная активность.

Чтобы отразить сложность научной работы, К. Вакили (Лондонская школа бизнеса) и Х. Рахмандад (Массачусетский технологический институт) интерпретировали ученых как агентов публикационной активности (academic scientists as publication-maximizing agents) в рамках формальной модели действий исследователя в реальном времени. Этот метод согласуется с аргументом теории знаков: реальность носит динамический, а не качественный характер [Пирс, 2000: 120].

Рис. 4. Образ сопричастия человека в «пространстве без тел» (воображаемое пространство К. Лейбница, 1716 г.) и пространство человеческих движений (реальное пространство)

⁸ Сколько стоит DOI?
<https://vniigis.ru/menu/partnery/identifikator-tsifrovogo-obekta-doi-i-crossref-/skolko-stoit-doi>.

Уровнями модели стали все виды работ, связанные с разработкой проекта исследования: поиск средств на его осуществление, наблюдение, производство и распространение результатов, подготовка и выход публикации, стрессы и болезнь и т.д. Эмпирика процесса научной работы подтверждена опросами профессорско-преподавательского состава Политехнического университета Виргинии и скорректирована данными Национального опроса ППС университетов США.

Вторичный анализ данных К. Вакили и Х. Рахмандада позволяет выделить два самостоятельных модуля организации научной работы:

- производство новизны (методология наблюдения и объяснения, определение, методы, стандарт, know-why),

- распространение результатов (диссертация, доклад, участие в дискуссиях, аналитический материал, журнальная статья, сборник, монография, рецензия, консультирование, лекция).

Выделение элементов научной работы позволяет собрать ее структурное подобие, сцепляя их взаимоотношениями между составляющими частями. Тем самым значимость человеческого фактора в производстве результатов исследований увеличится по отношению к значимости технологий измерения.

Тезис 3. Статистика общественных оценок. По утверждению А.Д. Чендлера, в США предпринимательство заняло место рыночных механизмов в координации деятельности экономики и выделило на это свои ресурсы. В образовательном процессе эти ресурсы сформировали рынок образовательных услуг. На этом рынке происходит повторное создание новых знаний (re/coconstructofnewknowledge [Dias and the other, 2014]), т.е. процесс утилизации фундаментальных знаний в предпринимательских целях. Другая особенность этого процесса – его замкнутость в онлайн-овых конструкциях. Наконец третья характеристика – острейшая конкуренция между ключевыми провайдерами электронных образовательных курсов (MassiveOpenOnlineCourses).

Специалисты отмечают: электронные курсы имеют мало общего с академически-

ми нормами образования и требуют от преподавателя и студенческой аудитории геймерского поведения⁹. Однако практически все курсы получают высокую общественную оценку [Богуславский и др., 2017: 34], поскольку ориентированы на непосредственного потребителя образовательных услуг.

По сути, в научно-образовательном процессе они формируют «категорию» *осведомленность* – грозного оппонента научной экспертизы и эмпирического верификационизма, невозможных без знаний, извлекаемых, в том числе, из научного и социального опыта. Потребление знания и усвоение/приращение знания не могут быть эквивалентами и относятся к разным сферам развития.

Тезис 4. Аналоговое vs цифровое. Следует признать, инструменты модемного управления эффективны в сфере потребления услуг. Однако на производство научного знания, оценку и распространение результатов исследований они оказывают обратное действие.

Проблема научного исследования вытекает из каких-то реальных выявленных противоречий, практических нестыковок, недостаточности теоретических объяснений выявленных и выявляющихся феноменов и обуславливает цели развития того или иного социума. При этом исследователь обрабатывает и объясняет факты, «используя нецифровое представление информации» [Беленицкая, 2019: 8].

Ученый, производитель и предприниматель включены в разные потоки знаний, применяют и создают разные типы знаний.

⁹ .Shea M. MOOCs: A university qualification in 24 hours? // The Skinny. Sep 25, 2015. URL: <http://www.theskinny.co.uk/tech/features/moocs>.

Кодификация знаний

Тип знания	Область применения	Носители и источники знания
Знания о фактах	Знаю-что (know-what)	Практики в области права и медицины
Научные знания	Знаю-почему (know-why)	Коллективы научно-исследовательских лабораторий и университетские сообщества
Прикладные знания	Знаю-как (know-how)	Производители, предприниматели
Экспертные знания	Знаю-кто (know-who)	Сертифицированные специалисты

Источник: [The Knowledge-Based..., 1996:12].

Кластер научные знания (см. табл. 2) – стратегический ресурс, используемый для национальных целей развития. Экономика сервисов является технологическим процессом коммодификации услуг – сегмент экономики предложений.

Экономика предложений – это антикейнсианские решения ряда практических вопросов, направленных на стимулирование производства, инвестиций, занятости, поступления налогов. В настоящее время она рассматривается как разновидность экономического неоклассицизма, развивающая консервативный предпринимательский подход (предельная полезность) к индивидуальными институциональным видам деятельности. Это поле венчурного капитала, инвестирующего в информационные услуги.

Ее отличительная особенность – применение аппарата теории множеств и векторной алгебры в математических моделях, устанавливающих зависимость реальных ресурсов от их желаемых объемов для роста прибыли. Такие модели не пригодны для прогнозирования развития производства научного знания, которое, прежде всего, является гуманитарным процессом накопления человеческого капитала.

Приведенные аргументы позволяют сформулировать выводы:

- технологии измерения качества информационного потока не отражают специфику потока знаний.

- подлинными агентами публикационной активности являются технологии измерения качества образования и производства знания.

Эта технологическая подмена способна привести к социальным аффектам и институциональному конфликту.

Признаки институционального конфликта...

...в Европе. Согласно документам ЕС и Европейской комиссии, «с 2008 г. Европа страдает от последствий самого тяжелого экономического кризиса:..., впервые в Европе насчитывается более 25 миллионов безработных». Для выхода из кризиса Европейская комиссия предложила интенсифицировать развитие среднего и малого бизнеса (Entrepreneurship 2020. Action Plan). Наиболее действенной мерой достижения докризисного уровня было признано развитие предпринимательских структур в европейских университетах. Эти решения привели к быстрому развитию цифровых сервисов и конкретной категории стартап-предпринимателей, которые создают альтернативные продукты и используют Интернет в качестве незаменимого компонента рынка образовательных и финансовых услуг.

Наблюдатели отмечают новую тенденцию в финансовой сфере: цифровые банки (необанки) вытесняют традиционные. «По оценке McKinsey, не менее 5000 стартапов по всему миру предлагают новые и традиционные финансовые услуги в мобильном формате – всего три года назад их было лишь 2000. Согласно подсчетам CB Insights, только в первые девять месяцев 2019 г. венчурные капиталисты влили в необанки \$2,9 млрд по сравнению с 2,3 млрд долл. за весь 2018-й»¹⁰.

¹⁰ Кофлин Дж. Эра необанков: как финтех-компании вытесняют с рынка традиционные банки. 7 ноября 2019.

<https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.forbes.ru%2Ffinansy-i-investicii%2F386819-era-neobankov-kak-finteh-kompanii-vytesnyayut-s-rynka-tradicionnye-banki>.

Поскольку в зоне онлайн-революции находятся три отрасли (финансовая, образовательная и здравоохранение), можно предположить, что такая же ситуация складывается и в остальных двух.

Один из доказывающих фактов – первое серьезное столкновение Лиги европейских исследовательских университетов (The League of European Research Universities (LERU¹¹) с Европейской комиссией. Поводом послужило принятие Плана расширения деятельности Европейского института инноваций и технологий предпринимательства. Президент LERU К. Декетлэр (K. Deketelaere) подчеркнул, что развитие «предпринимательского и инновационного потенциала высших учебных заведений и их интеграция в инновационные экосистемы противоречит задачам сотрудничества между исследовательскими, инновационными и образовательными организациями»¹².

...в России. В текущем году вновь актуализировалась проблема цитирования, плагиата, публикационной активности, заимствований и др. небезупречных измерителей качества исследовательского труда. Обзор материалов (СМИ, блогосфера, телевизионные новостные блоки, ток-шоу, повестка некоторых международных конференций, дискуссии в РАН и правительственных структурах) показывает противоречивое отношение к наукометрии. Наибольшую тревогу участников дискуссии вызывают стандарт результативности, приоритетность публикационной активности, техник оформления ссылок, непрозрачность экспертизы, отсутствие интереса к монографиям, коллективным сборникам, учебникам и пр. При этом учебная, научная, профессиональная и справочно-энциклопедическая литература

входит в топ пяти жанровых предпочтений читающих россиян¹³.

Немало увечий получили российские исследователи и от правил цитирования. С одной стороны, требовательность к оформлению сносок – одна из форм уважительного отношения к коллегам. С другой стороны, правила цитирования дифференцированы: каждый журнал имеет свои требования к публикациям. С третьей стороны, «норма» транслитерации списка литературы увеличивает текст за счет содержательной части рукописи. К тому же автор становится принужденным пользователем еще одного робота-«технолога». Различные варианты транслитерации фамилии и инициалов завышают все РИНЦ-параметры [Балацкий, Екимова, 2015: 170]. Наконец, совершенно непонятно чем чреваты для «агентов публикационной активности» пока еще нарративные рекомендации рассматривать «научный журнал» как «способ продвижения редакционной политики», появление в России научных журналов, главными редакторами которых являются индивидуальные предприниматели?

¹¹ Свою миссию LERU определяет, исходя из своего статуса сторонника развития фундаментальных исследований в европейских исследовательских университетах.

¹² Nicholson C. Extra €420m for EIT ‘a good start’. 01 AUG 2019. URL: <https://www.researchprofessionalnews.com/tr-news-europe-innovation-2019-8-extra-420m-for-eit-a-good-start>; Nicholson C. €420m entrepreneurship plan ‘a waste of money’. 13 NOV 2019. URL: <https://www.researchprofessionalnews.com/tr-news-europe-universities-2019-11-420m-entrepreneurship-plan-a-waste-of-money>.

¹³ ВЦИОМ: 28% — доля учебной, научной, профессиональной и справочно-энциклопедической литературы в предпочтениях читающих россиян. 24 сентября 2019. URL: <http://www.encyclopedia.ru/news/enc/detail/75913>.

Рис. 5. Социальные аффекты наукометрии

В поле проблемы приоритетов развития российской науки втянуты все социальные группы и индивиды, имеющие отношение к производству, хранению, транслированию научного знания и защите интеллектуальной собственности. 75% когортной группы (действительные члены, члены-корреспонденты и профессора РАН) пришли к выводу, «что российская наука по темпам развития отстает от науки в развитых странах Запада, а авторитет российских ученых за последние 6 лет не вырос ни в России (70%), ни за рубежом (60%)». Вместе с тем, респонденты выбрали уровень цитирования, фиксируемый

международными базами данных, как наиболее важный показатель развития науки (45%). Этот результат можно интерпретировать как поведенческую адаптацию к условиям модемного управления.

Табл. 3

Критерии оценки уровня развития науки, выбранные учеными разных научных званий (приводится % от общего числа представителей каждого звания, участвовавших в исследовании; представлены данные по 13 из 41 показателя результативности научных учреждений)

Критерии	Академик	Член-корреспондент	Профессор РАН
2. Уровень цитирования российских ученых, фиксируемый международными базами данных	44,1%	44,9%	45,3%
5. Затраты на обеспечение рабочего места ученого	39,1%	37,0%	37,1%
12. Доля молодых ученых, остающихся после получения научной степени работать в науке	29,2%	31,0%	41,2%
1. Количество публикаций российских ученых в 1 и 2 квартилях международных баз данных (Scopus, WoS)	29,8%	33,0%	41,8%
11. Доля молодых ученых, остающихся после получения научной степени работать в России	28,6%	29,0%	31,2%
6. Число публикаций российских ученых в ведущих российских журналах	41,0%	25,1%	11,8%
13. Число российских ученых, приглашаемых к участию в международных проектах	22,4%	24,1%	28,2%
4. Возраст оборудования, используемого учеными	20,5%	26,1%	24,7%
9. Количество монографий по тематике фундаментальной науки	19,9%	18,2%	11,2%
14. Число (или доля) ученых, получающих	17,4%	12,2%	15,3%

гранты на проведение исследований			
10. Конкурс на поступление в аспирантуру	12,4%	13,5%	15,9%
7. Число патентов, регистрируемых российскими учеными	15,5%	11,6%	11,8%
8. Количество защищаемых в РФ кандидатских и докторских диссертаций	14,3%	8,6%	8,8%
3. Количество установок Мегасайнс	4,3%	2,6%	2,9%

Источник: [Шесть лет реформы..., 2019:31]

Между тем наукометрия – это не только «крупный международный бизнес»¹. На этом же поле выросли проблемы организации научной работы, единого образовательного России и погребло Единое образовательное пространство СНГ.

Проблема. Причина возникновения проблемы организации научной работы в России состоит в том, что все учреждения высшего образования и научно-исследовательские институты заставили себя следовать непреклонной системе показателей эффективности предпринимательской деятельности. Тем самым производство научного знания (гуманитарный процесс) принял форму и окраску бизнес-структур, что привело к конфликту целеполагания.

Социальный рельеф конфликтного воздействия наукометрических индикаторов на производство и накопление научного знания выдвигает необходимость разработки нового алгоритма обработки, хранения и извлечения ценной информации из потока знаний, что позволило бы получить более точные показатели НИОКР и наукоемкости отраслей промышленности и экономики и способствовать нормализации общественных и институциональных отношений.

¹ Розанов А. Наукометрия в науке — крупный международный бизнес. Образовались журналы, которые за деньги организуют заказчикам цитирование. 21.05.2019. URL: <https://www.mk.ru/science/2019/05/21/naukometriya-v-nauke-krupnyy-mezhdunarodnyy-biznes.html>.

Библиографический список

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях. Вопросы философии. 2012. №10. С. 3-19.

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Проблема манипулирования в системе РИНЦ. Вестник Ур-ФУ. Серия экономика и управление. Том 14. № 2. 2015. С. 166-178.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Перевод с англ. М.: Academia, 1999. 956 с.

Беленицкая О. На принципах доверия и взаимоуважения / Интервью президента РАН А.М. Сергеева. В мире науки, 2019. № 11. С. 5-11.

Богуславский М.В., Лельчицкий И.Д., Неборский Е.В. Разработка конкурентных образовательных продуктов университетами России: проблемы и перспективы / Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции «Стратегия развития образовательного пространства в условиях глобальных рисков» / Под редакцией С.В. Ивановой. М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», 2017. С. 32-39.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI в. / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева; Центр исслед. постиндустр. о-ва. - М.: Логос, 2003. 355 с.

Каримова А.Б. Эпоха услуг в образовании: прогноз Д. Белла / Социология жизни: теоретические основания и социальные практики / Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2016. С. 299-309.

Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков / Пер. с англ. СПб. Лаб. метафиз. исслед. при филос. фак. СПбГУ: Алетейя, 2000. 352 с.

Харфорд Т. Хаос: как беспорядок меняет нашу жизнь к лучшему / пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2018. 320 с.

Четыре теории прессы: Представления о том, какой должна быть пресса и чем ей следует заниматься в авторитарной, либертарианской, теориях и в концепциях социальной ответственности и советского коммунизма: [Пер. с англ.] / Сиберт Ф.С., Шрамм У., Питерсон Т. М.: Нац. ин-т прессы: Вагриус, 1998. 223 с.

Шесть лет реформы Российской академии наук: результаты и перспективы преобразований. М.: РАН, 2019. 33 с.

A Free and Responsible Press. The University of Chicago Press, 1947. 162 p.

A Nation at risk: The Imperative for Educational Reform. A Report to the Nation and the Secretary of Education United States Department of Education by the National Commission on Excellence in Education. April 1983. URL: http://www.channelingreality.com/un/education/nationatrisk/NATION_AT_RISK_Background.pdf.

A Test of Leadership. Charting the Future of U.S. Higher Education. A Report of the Commission Appointed by Secretary of Education Margaret Spellings. U.S. Department of Education. 2006. 55 p.

Chandler A.D, Jr. (1977), *The Visible Hand*, Cambridge, Mass: The Belknap Press of Harvard University Press. 621 p.

Dias S., Diniz J., Hadjileontiadis L. Towards an Intelligent Learning Management System under Blended Learning: Trends, Profiles and Modeling Perspectives. New York: Springer, 2014. 235 p.

Rahmandad H., Vakili K. An Inside Look: Modeling Heterogeneity in the Organization of Scientific Work. January 2017.

Richard J.R. Elaborations, Revisions, Dissents: Alfred D. Chandler, Jr.'s, *The Visible Hand* After Twenty Years. *Business History Review*. 1997. 71, №2. P. 151-200.

The Knowledge-Based Economy. OECD. Paris, 1996. 45 p.

U.S. Department of Education, *A Nation Accountable: Twenty-five Years After A Nation at Risk*, Washington, D.C., 2008. 55 p.

Об авторе: Каримова Алла Бекмухамедовна, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, (E-mail: albecar@yandex.ru).

References

- Agazzi E.* 2012. Ideya obshchestva, osnovannogo na znaniyah [The idea of a society based on knowledge]. *Voprosy filosofii*. №10. P. 3-19. (In Russ.)
- Balackij E.V., Ekimova N.A.* 2015. Problema manipulirovaniya v sisteme RINC [The problem of manipulation in the RSCI system]. *Vestnik UrFU. Seriya ekonomika i upravlenie*. Vol. 14. № 2, p. 166-178. (In Russ.)
- Bell D.* 1999. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya [The coming of Post-industrial Society: A Venture of Social forecasting]. Transl. from Eng. Moscow: Academia. 956 p. (In Russ.)
- Belenickaya O.* 2019. Na principah doveriya i vzaimouvazheniya / Interv'yu prezidenta RAN A.M. Sergeeva [On the principles of trust and mutual respect / Interview with the President of the Russian Academy of Sciences A.M. Sergeev]. *V mire nauki*, № 11. P. 5-11. (In Russ.)
- Boguslavskij M.V., Lel'chickij I.D., Neborskij E.V.* 2017. Razrabotka konkurentnyh obrazovatel'nyh produktov universitetami Rossii: problemy i perspektivy [Development of competitive educational products by Russian universities: problems and prospects] / *Sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Strategiya razvitiya obrazovatel'nogo prostanstva v usloviyah global'nyh riskov»* / Pod redakciej S.V. Ivanovoj. Moscow: FGBNU «Institut strategii razvitiya obrazovaniya RAO», 220 p. P. 32-39. (In Russ.)
- Chetyre teorii pressy: Predstavleniya o tom, kakoj dolzhna byt' pressa i chem ej sleduet zanimat'sya v avtoritarianskoj, libertarianskoj. teoriyah i v koncepciyah social'noj otvetstvennosti i sovet'skogo kommunizma. 1998. [Four Theories of the Press: Representations of what the press should be and what it should do in the authoritarian, libertarian. theories and concepts of social responsibility and Soviet communism]: [Transl. from Eng.] / Sibert F.S., S. Hramm U., Piterson T. Moscow: Nac. in-t pressy: Vagrius, 223 p. (In Russ.)
- Carimova A.B.* 2016. Epoha uslug v obrazovanii: prognoz D. Bella [The Age of Services in Education: D. Bell's Forecast] / *Sociologiya zhizni: teoreticheskie osnovaniya i social'nye praktiki* / Pod obshch. red. Z.T. Toshchenko. Moscow: RGGU, p. 299-309. (In Russ.)
- Harford T.* 2018. Haos: Kak besporyadok menyaet nashu zhizn' k luchshemu [Messy. The Power of Disorder to Transform our Lives] / transl. from Eng. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. 320 p. (In Russ.)
- Peirce Ch.S.* 2000. Logicheskie osnovaniya teorii znakov [The logical foundations of the theory of signs] / Transl. from Eng. St. Petersburg. Lab. metafiz. issled. pri filos. fak. SPbGU: Aletejya. 352 p. (In Russ.)
- Rahmandad H., Vakili K.* 2017. An Inside Look: Modeling Heterogeneity in the Organization of Scientific Work.
- Shest' let reformy Rossijskoj akademii nauk: rezul'taty i perspektivy preobrazovanij. 2019. [Six years of reform of the Russian Academy of Sciences: results and prospects of transformation]. Moscow: Russian Academy of Sciences. 33 p. (In Russ.)
- Wallerstajn I.* 2003. Konec znakomogo mira: Sociologiya XXI v. [The End of the World as we know it: Social Science for the Twenty-First Century] / trans. from Engl. ed. V. L. Inozemcev; Centr issled. postindustr. o-va. Moscow: Logos. 355 p. (In Russ.).
- About author:** Karimova Alla Bekmukhamedovna, Doctor of Political Science, Professor, Principal Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, (albocar@yandex.ru).

Основные аспекты сотрудничества России и Узбекистана в сфере образования на современном этапе

В.М. Шнейдер

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Аннотация. После прихода в конце 2016 г. на пост президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева отмечается активизация двусторонних отношений с Россией в различных сферах, включая образование. Заинтересованность Узбекистана в сотрудничестве в данной сфере связана с необходимостью подготовки кадров для работы в школах и высших учебных заведениях. Ещё один важный аспект образовательного сотрудничества – взаимодействие двух стран, направленное на более качественное преподавание русского языка. Русский язык является важным элементом школьной программы в Узбекистане, однако серьёзной проблемой остаётся дефицит преподавателей по данной дисциплине. В данной сфере узбекская сторона активно взаимодействует с Институтом русского языка имени Пушкина и Российским центром науки и культуры в Ташкенте. В сфере высшего образования сотрудничество между Россией и Узбекистаном также стало активно развиваться в последние годы. Одним из ярких примеров может служить создание в Узбекистане филиалов ведущих российских университетов. Помимо этого, растёт число студентов из Узбекистана, обучающихся в высших учебных заведениях в России. В развитии образовательного сотрудничества между Россией и Узбекистаном заинтересованы обе стороны. Россия и Узбекистан имеют прочные контакты в различных областях, включая экономическую и военно-техническую области, однако сотрудничеству в гуманитарной сфере внимание стало уделяться лишь в последние годы. В то же время сотрудничество в сфере образования является крайне важным фактором, который может заложить основы для успешного двустороннего взаимодействия России и Узбекистана.

Ключевые слова: Россия, Узбекистан, двусторонние отношения, образовательное сотрудничество.

The main aspects of educational cooperation between Russia and Uzbekistan at the present time

V.M. Shneyder

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Abstract. After Mr Shavkat Mirziyoyev came to the post of President of the Republic of Uzbekistan at the end of 2016, there has been an intensification of bilateral relations with Russia in various fields, including education. The interest of Uzbekistan in cooperation in this area is associated with the need to prepare teaching staff for schools and higher educational institutions. Another important aspect of educational cooperation is the interaction between two countries, aimed at better teaching the Russian. The Russian language is an important element of school curriculum in Uzbekistan, but a lack of teachers of Russian remains a serious problem. In this area, the Uzbek side is actively cooperating with the Pushkin Institute of the Russian Language and the Russian Center for Science and Culture in Tashkent. In the field of higher education, cooperation between Russia and Uzbekistan has also begun to develop actively in recent years. One of the striking examples is the creation in Uzbekistan of branches of leading Russian universities. In addition, the number of students from Uzbekistan studying in higher educational institutions in Russia has been constantly growing. Both sides are interested in developing educational cooperation between Russia and Uzbekistan. Russia and Uzbekistan have strong contacts in various spheres, including the economic and military-technical fields, however, cooperation in the humanitarian sphere has been given attention only in recent years. At the same time, educational cooperation is an extremely important factor that can provide the basics for successful bilateral cooperation between Russia and Uzbekistan.

Keywords: Russia, Uzbekistan, bilateral relations, educational cooperation.

После распада СССР Узбекистан столкнулся с необходимостью проводить независимую внешнюю политику, основанную на национальных интересах страны и учитывающую экономические и политические процессы, происходящие в странах постсоветского пространства. Внешнеполитическая стратегия Узбекистана подразумевала проведение нейтральной внешней политики. Взаимодействие с другими государствами постсоветского пространства осуществлялось в рамках СНГ, а также в двустороннем формате. Сотрудничество Узбекистана с Россией в 1990-х гг. было гораздо менее интенсивным, чем взаимодействие России с другими государствами в Центральной Азии. Существенным шагом вперёд стало подписание в 2004 г. Соглашения о стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан, а наиболее важным соглашением считается Договор о союзнических отношениях, подписанный сторонами в 2005 г. [Хуррамов 2019: 1335]. Вместе с тем, данный договор предусматривал взаимодействие в первую очередь в сферах военно-технического и торгово-экономического сотрудничества. При этом сотрудничество в гуманитарной сфере, включающей и образовательное сотрудничество, не было столь эффективным.

С приходом на пост президента Шавката Мирзиёева в 2016 г. внешняя политика Узбекистана оставалась сбалансированной, однако стала гораздо более открытой по отношению к другим государствам. Не вступая в интеграционные объединения, Узбекистан активизировал отношения с рядом государств в рамках двустороннего взаимодействия. Эта тенденция включает в себя и сотрудничество с Россией, которое проявляется как в сфере экономики, так и в гуманитарной сфере. Впервые большое внимание стало уделяться укреплению двусторонних связей в сфере образования.

Основным вызовом, с которым сталкивается Узбекистан в сфере школьного образования, является необходимость подготовки преподавательских кадров. С увеличением численности населения Узбекистана растёт число новых школ, а профессия учителя становится одной из наиболее востребованных в республике. Так, количество учите-

лей, в общеобразовательных школах Республики Узбекистан в 2019-2020 учебном году достигло 481 604 человек, что на 8,28% выше по сравнению с 2018-2019 учебным годом¹. Заинтересованность Узбекистана в сотрудничестве с Россией объясняется и особым местом русского языка в системе школьного образования. В республике действуют 862 школы с русским языком обучения,² при этом в школьной программе предусмотрено изучение русского языка для всех учащихся. Взаимодействие по вопросам, связанным с преподаванием русского языка в школах Узбекистана, осуществляется на самом высоком уровне. Так, данной проблеме была посвящена встреча министра народного образования Узбекистана Шерзода Шерматова и посла России в Узбекистане Владимира Тюрденёва, состоявшаяся в октябре 2019 г.³ Узбекская сторона предложила привлечь российских экспертов с целью пересмотра учебной программы и учебников русского языка. Также было предложено провести тестирование учителей Узбекистана по русскому языку и по его результатам подготовить программу переподготовки педагогов. Стороны обсудили возможности предоставления дополнительной русской художественной литературы тем школам, где преподавание ведётся на узбекском языке.⁴ Предполагается, что эти меры могут повысить качество преподавания русского языка. Здесь важную роль может сыграть представительство Россотрудничества в Узбекистане — Российский центр науки и культуры, успешно функционирующий в Ташкенте. Важным аспектом его деятельно-

¹ Народное образование в цифрах: количество работающих учителей в школах // Министерство народного образования Республики Узбекистан // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://uzedu.uz/ru/halk-talimi-rakamlarda-umumtalim-muassasalarida-ukituvchilar-soni> (дата обращения: 07.12.2019)

² Statistics // Ministry of public education of the Republic of Uzbekistan // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://uzedu.uz/en/statistika> (дата обращения: 07.12.2019)

³ Узбекистан надеется на помощь России в создании учебников по русскому языку // РИА Новости // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://ria.ru/20191014/1559765359.html> (дата обращения: 07.12.2019)

⁴ Там же.

сти является поддержка русского языка, включающая проведение языковых курсов для всех желающих. При центре также действует библиотека, книжный фонд которой насчитывает более 12 тысяч единиц, включая учебную, учебно-методическую, справочную, а также художественную литературу, изданную в России в последние годы.¹

Тем не менее, дефицит преподавателей русского языка в школах Узбекистана остаётся основной проблемой в данной сфере — по данным министерства народного образования Узбекистана, в настоящее время число выпускников вузов по специальностям "русский язык и литература" не покрывает даже половину имеющейся потребности, в начальных классах — только треть.² В этом контексте стоит отметить Центры партнёрской сети «Института русского языка имени Пушкина», открытые в последние годы в Ферганском государственном университете и Узбекском государственном университете мировых языков. Центр предлагает студентам программы по изучению русского языка, а также специальные курсы по подготовке к сдаче Единого государственного экзамена для школьников, планирующих поступать в российские вузы.³ Необходимо подчеркнуть, что число студентов из Узбекистана, обучающихся в российских вузах, увеличивается с каждым годом и в 2018/19 учебном году составляло более 26 тысяч человек, при этом более 7 тысяч обучались на бюджетной основе.⁴ Таким образом, заинтересованность узбекских школьников в изучении русского языка не вызывает сомнений, и российско-узбекское сотрудничество

в данной сфере представляется взаимовыгодным и перспективным.

В сфере высшего образования сотрудничество между Россией и Узбекистаном также стало активно развиваться в последние годы. Одним из ярких примеров может служить создание в Узбекистане филиалов ведущих российских университетов. На сегодняшний день в республике действуют десять филиалов российских вузов, шесть из которых были открыты в 2019 г.⁵ Таким образом фактически создаётся общее образовательное пространство, которое, безусловно, будет способствовать дальнейшему укреплению двустороннего сотрудничества, в том числе в ряде стратегически важных отраслях экономики. Речь идёт об открытых в этом году филиалах МИФИ (атомная промышленность), МИСиС (металлургия), МЭИ (энергетика) и РХТУ (химическая промышленность). Здесь следует подчеркнуть, что природные ресурсы, промышленность и сельское хозяйство имеют большое значение для экономики Узбекистана, в связи с чем подготовка высококвалифицированных местных кадров на базе филиалов российских университетов является одним из важных факторов экономического развития страны. С приходом на пост президента Узбекистана Шавката Мирзиёева экономическая политика страны существенно изменилась, о чём свидетельствуют как уже проведённые реформы, так и планы по дальнейшему вовлечению республики во взаимовыгодные экономические процессы с соседними государствами. [Ахмедов, Смолик 2019: 864]

Таким образом, есть основания предполагать, что научно-образовательное сотрудничество между Россией и Узбекистаном будет успешно развиваться и в дальнейшем. В качестве одного из наиболее перспективных направлений сотрудничества можно выделить укрепление взаимодействия между высшими учебными заведениями двух стран. Учитывая наличие договоров о со-

¹ Библиотека // Российский центр науки и культуры в Ташкенте // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://uzb.rs.gov.ru/ru/pages/42> (дата обращения: 05.12.2019)

² Там же.

³ В Узбекистане открылся Центр партнёрской сети «Институт Пушкина» // Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.pushkin.institute/news/detail.php?ID=14253> (дата обращения: 05.12.2019)

⁴ В РФ обучаются более 26 тысяч студентов из Узбекистана // Sputnik // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://uz.sputniknews.ru/society/20190910/12395270/V-RF-obuchayutsya-bolee-26-tysyach-studentov-iz-Uzbekistana.html> (дата обращения: 05.12.2019)

⁵ За год в Узбекистане открылось 6 филиалов российских вузов // Sputnik // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://uz.sputniknews.ru/Uzbekistan/20190910/12394617/Za-god-v-Uzbekistane-otkrylos-shest-filialov-rossiyskikh-vuzov.html> (дата обращения: 05.12.2019)

трудности между ведущими университетами Узбекистана и России, вероятным представляется развитие совместных образовательных программ, проведение стажировок и обменов, организация научных мероприятий, публикация совместных научных трудов.

Следует отметить, что интерес к образовательному сотрудничеству России и Узбекистана является взаимным. Необходимо учитывать, что Узбекистан на сегодняшний день представляет собой динамично развивающееся государство, в котором отмечается как существенный экономический рост, так и естественный прирост населения. Эти факторы определяют развитие инфраструктуры, создание новых рабочих мест и осознание руководством страны важнейшей роли образования как одного из основных факторов конкурентоспособности в совре-

менном мире. Можно сказать, что народы России и Узбекистана во многом до сих пор находятся в едином гуманитарном пространстве, учитывая наличие общих ценностей (включая использование русского языка) и значительный опыт жизни в общем политическом и экономическом пространстве. Нельзя забывать и об уникальных страницах сотрудничества узбекского и русского народов, в частности, о массовой эвакуации в Узбекистан во время Великой отечественной войны и об усыновлении узбекскими семьями детей, вывезенных из блокадного Ленинграда.

Таким образом, сотрудничество между Россией и Узбекистаном в сфере образования на современном этапе является одной из приоритетных задач для руководства обеих стран, а также отвечает интересам граждан России и Узбекистана.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Weitz R. Uzbekistan's New Foreign Policy: Change and Continuity under New Leadership. // Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, 2018.

Акрамова Ф.А. Международное сотрудничество Республики Узбекистан в сфере высшего образования // Наука, техника и образование, 2018. №11 (52) С. 80-84.

Ахмедов Х.Т., Смолик Н.Г. Республика Узбекистан в интеграционных процессах на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования, 2019. Т. 2, №1. С. 854-865.

Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Реформы во внешней политике Узбекистана: основные достижения и сценарии развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018;18(2):292-303.

Курылев К.П. Специфика интеграционных процессов в СНГ. // Ежегодник. СНГ: проблемы, поиск, решения. – М.: Изд-во РУДН, 2010 г. С. 22-32.

Внешняя политика стран СНГ. – Москва, 2019. (Переиздание одноименного учебного пособия 2017 г.).

Пивовар Е.И. Евразийский интеграционный проект: предпосылки, становление, развитие: глобальные процессы на постсоветском пространстве. – СПб: Алетейя, 2019. - 899 с.

Хуррамов Ж.Р. Концептуальные основания отношений между Узбекистаном и Россией // Постсоветские исследования, 2019. Т.2, № 5. С. 1328-1339.

Сведения об авторе: Шнейдер Вадим Михайлович – кандидат исторических наук, специалист кафедры стран постсоветского зарубежья Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ (e-mail: vadiksh92@gmail.com).

REFERENCES

Ahmedov H.T., Smolik N.G. Respublika Uzbekistan v integracionnyh processah na postsovetskom prostranstve // Postsovetskie issledovaniya, 2019. T. 2, №1. S. 854-865.

Akramova F.A. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo Respubliki Uzbekistan v sfere vysshego obrazovaniya // Nauka, tehnika i obrazovanie, 2018. №11 (52) S. 80-84.

Hurramov Zh.R. Konceptual'nye osnovaniya otnoshenij mezhdU Uzbekistanom i Rossiej // Postsovetskie issledovaniya, 2019. T.2, № 5. S. 1328-1339.

Kazancev A.A., Gusev L.Yu. Reformy vo vneshnej politike Uzbekistana: osnovnye dostizheniya i scenarii razvitiya // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018;18(2):292-303.

Kurylev K.P. Specifika integracionnyh processov v SNG. // *Ezhegodnik. SNG: problemy, poisk, reshenija.* – M.: Izd-vo RUDN, 2010 g. S. 22-32.

Pivovarov E.I. Evrazijskij integracionnyj proekt: predposylki, stanovlenie, razvitie: global'nye processy na postsovetskom prostranstve. – SPb: Aletejja, 2019. - 899 s.

Vneshnyaya politika stran SNG. – Moskva, 2019. (Pereizdanie odnoimennogo uchebnogo posobiya 2017 g.).

About the author: Shneyder Vadim Mikhailovich, candidate of historical sciences, specialist of the department of post-Soviet states, the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies of the RSUH (e-mail: vadiksh92@gmail.com).

Russian Educational Programs for Armenia and Georgia. Promotion Through Mass Media as an Alternative Factor of Cooperation in the Sphere of Education

N.P. Parkhitko, D.B. Kurmanova

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. Education is an infeasible aspect in the policy of each state. Thanks to the high level of education, the state can improve its internal potential and develop economic indicators. Therewith, in the context of globalization, education can reinforce the international relations. Many countries implement different educational programs from student exchange programs to special scholarships for foreign students. The most important aspect in this strategy is a formation of common educational space among the neighboring countries sharing their borders with each other as it gives an opportunity to expand diplomatic and cultural relations. For instance, Russia has been cultivating relations with the post-soviet countries thanks to the sphere of education. Today the Russian Federation offers a number of educational programs for foreigners, including such wide scale project as “Rossotrudnichestvo”, different Olympiads for high school graduates and particular university competitions. According to statistics, 230 000 foreign students nowadays study in Russia and 31% of them study for free. In the case of cooperation with Armenia, the common educational space helps Russia to maintain historical connection and stable relations between countries. As for Georgia, in this case education promotes cultural relations, which were seriously damaged in 2008. However, today the sphere of education needs an appropriate image and its representation highly depends on Mass Media. First of all, the global world is now becoming more interconnected through the social media; secondly, Mass Media has a teaching function. Therewith, Mass Media and education are deeply connected with each other. But the modern media space is transparent and, consequently, pluralistic, so the image of the education in the state can be either positive or negative depending on the disposition of Media. That is why it is especially interesting to analyze the formation of image of Russian Education in Transcaucasia with the aim to conduct not only the comparative analysis, but also to predict the most significant trends of political relations in the region through the education.

Keywords: education, Mass Media, promotion, exchange programs, scholarship

Российские образовательные программы для Армении и Грузии. Продвижение через СМИ в качестве альтернативного фактора сотрудничества в области образования

Н.П. Пархитко, Д.Б. Курманова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация. Образование - неотъемлемый аспект в политике каждого государства. Благодаря высокому уровню образования государство получает возможность развивать свой потенциал в различных областях: от экономики до внешней политики. При этом в условиях глобализации образование также может являться одним из инструментов укрепления сотрудничества в международных отношениях. Во многих странах реализуются различные образовательные программы: от программ обмена студентами до специальных стипендий для иностранных студентов. Важнейшим аспектом этой стратегии является формирование общего образовательного пространства, в особенности среди стран, имеющих общие границы друг с другом, поскольку эта практика способствует укреплению дипломатических и культурных связей. Пример России, развивающей сотрудничество в сфере образования со странами постсоветского пространства, является весьма показательным. Сегодня Российская Федерация предлагает целый ряд образовательных программ для иностранных студентов, в том числе в рамках масштабного проекта «Россотрудничество», различные олимпиады для выпускников школ и отдельные конкурсы в рамках университетов. По статистике, в настоящее время в России учатся 230 000 иностранных студентов, и 31% из них обучаются бесплатно. В случае сотрудничества с Арменией общее образовательное пространство помогает России поддерживать исторические связи и стабильные отношения между странами. Что касается

Грузии, то в этом случае образование способствует культурным связям, которым был нанесен серьезный ущерб в 2008 году. Сегодня сфере образования нужен соответствующий имидж, и его представительство во многом зависит от средств массовой информации. Во-первых, глобальный мир становится все более связанным через социальные сети; во-вторых, СМИ обладают обучающей функцией. Таким образом, СМИ и образование тесно связаны друг с другом. Но современное медиапространство транспарентно и, следовательно, плюралистично, поэтому имидж образования в государстве может быть как положительным, так и отрицательным в зависимости от освещения его в СМИ. Именно поэтому особенно интересно проанализировать формирование имиджа российского образования в Закавказье с целью проведения не только сравнительного анализа, но и прогнозирования наиболее значимых тенденций политического характера в регионе.

Ключевые слова: образование, средства массовой информации, продвижение программ, программы обмена, стипендия.

1. Introduction

Education is a guarantee of development of each state. Firstly, it increases the internal potential of the state, secondly, at the same time improves cultural and diplomatic relationships with another states. Thus, the development of Russian education, especially the level of exchange programs and programs for foreign students, remains one of the most significant tasks for the state [Klyachko T.L., Sinelnikov-Murylev 1018: 8]. It becomes especially important in the modern geopolitical conditions and trends of globalization [Filimonov 2010: 105].

The practice of exchange programs for students is widely distributed all over the world. Today the leaders in this sphere are: the USA, Canada, Germany and France. According to the requirements of exchange programs, a student studies at the one of the universities of the host countries one semester or whole year. Another kind of programs for foreign students is an opportunity to study during the whole period of educational program (from two to four years) for free, after the success in local examinations, with the fellowship awards. Surely, all educational programs for foreigners take place in official language of the country. That is why a candidate also must know this language fluently and confirm his (her) level of knowledge through the special examination.

As for Russia, here the term “exchange program” becomes very ramified and complicated because, first of all, Russia has a long-time experience of organizing a process of study for people who even do not know Russian language at all. However, thanks to the special course “Russian language for foreign-

ers” students from more than 100 countries could learn Russian and not only study at Russian universities to get the Bachelor degree, but also continue their education with the help of Master’s and PhD programs, constantly improving their professional skills and knowledge of language alongside. Moreover, the Russian educational programs offer scholarships and an opportunity to study for free.

Nowadays educational programs in Russia significantly improve diplomatic, business and cultural relationship with neighboring countries and increase the level of tolerance within state. This phenomenal practice is deeply connected with the historical period when Russia was a part of the Soviet Union. However, the post-Soviet inheritance and problems undoubtedly influence on the formation of image of Russian education. Therefore, the wide spreading of Russian education is formed differently, in accordance with the official attitude of concrete state towards Russia.

2. Emergence of Russian Educational Programs for Foreigners: Historical Analysis

Generally, Russia has a longtime organizational and pedagogical experience of creating educational programs for people with different level of knowledge of Russian language based on features of history, customs and mentality of distinct regions or nationalities.

Speaking about Caucasus region, it is important to highlight that this process started in XVIII century. In 1799, great Georgian writer and thinker Ioane Bagrationi developed a project titled “The Treatise on Regulation of Public Administration”. According to the text of document, Bagrationi saw the perspectives of

Georgian development and improvement of standard of living only in education [Rayfield 2019: 122].

Another important date once more demonstrates that diplomacy and education are connected with each other. In 1491, Georgia and Russia concluded diplomatic agreement and very soon publishing house in Saint Petersburg started printing books in Georgian language. Later, when Georgia became a new part of Russian Empire, in 1828, Russian government decided to open a newspaper "Tiflis Gazette", the first edition published in Russian language in Caucasus region. "Tiflis Gazette" described innovations in the fields of public administration, health, commerce and education. In opinion of Russian authorities, newspaper could increase the level of patriotism among the citizens. This fact proves the existence of strong connection between education, policy of the state and media.

Most interestingly, there were several translations of "Tiflis Gazette". They were: "Tiflisis Utskebani" in Georgian language, an Armenian version for Armenians and translation to Azerbaijani language as well. Moreover, this newspaper consisted of a special edition for Batumi citizens and a literary magazine created with the purpose to increase the educational level of the region and support local writes.

In 1831, the newspaper was reformed and additionally sponsored by baron Rozen. According to his vision, "Tiflis Gazette" would be a sample of bilateral educational progress because it opened up the Caucasus region for foreign readers and, on the other hand, introduced news of European science and technology to Georgians, Armenians and Azerbaijanis. This moment again brightly illustrates the correlation of Mass Media and education.

1844 became a year of renovations for Tbilisi. New viceroy of the Caucasus, Russian Emperor's Governor in Tbilisi Mikhail Vorontsov was a very educated person and a polyglot. He knew several languages, learnt Georgian and paid special attention to the Russian education in the region. He often noticed that positive conversion in the region was possible only through the development of science and culture. Vorontsov established the first public library in Tiflis, sponsored schools for girls and founded a magazine named "Tsiskari". The editor-in-

chief of this magazine was famous Georgian writer Giorgi Eristavi [Rayfield 1994: 47].

By the end of the XIX century all members of Georgian gentry and Armenian and Azerbaijanian aristocracy had chosen the education at Moscow or Saint Petersburg universities for their children. According to the amount of advertising of good teachers who prepare children for the exams of Russian universities in Georgian newspapers, we can conclude that there was a vast demand for Russian universities in the region.

The formation of the Soviet Union had united Armenia, Azerbaijan and Georgia and provided them and other republics with the equal educational conditions. Education process was primarily organized in Russian language. Although students could choose a course in their mother language, Russian was a language of communication between different nationalities inhabited the state. Also the USSR initiated a support program for foreign students from the Arabic countries, countries of Latin America and Asia. In 1960, the government of the state founded a new university in Moscow called Patrice Lumumba People's Friendship University. This university was established with the purpose to give a qualification to young people from Asia, Africa and Latin America in Russian language.

In 1965 the first students from 47 countries successfully graduated the university with good knowledge of Russian. Thus, in the period of the 30s-80-s the Soviet Union was the world leader in the educational sphere and demonstrated the highest rates of literacy, intelligence, international involvement and equal accessibility of education. Russia achieved a unified educational system for everyone and Mass Media widely discussed its experience and development. RUDN University is one of the leading Russian highest schools implementing the newest trends of education including training the highly qualified specialists in the sphere of Mass Media¹.

At the current time this process is still continuing, but the changes in the world policy and technical progress had transformed the cooperation of Mass Media and education in Russia.

¹ The Official Site of RUDN University [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.rudn.ru (Date of access 29.04.2019)

We offer to analyze this process in the following part of this article.

3. Modern Educational Projects for Foreign Students in Russia and Their Imagology in Mass Media

To discuss the correlation between education, Mass Media and imagology, it is important to explain the definition of this term. According to the definition by project Imagologica, this is a discipline which studies how temperamental features are stereotypically associated with certain nationalities, very often without any empirical basis. Anyway, these associations do a serious influence in how people accept the world around them.

The nationalistic prejudice can be either positive or negative, but anyway, it affects to the image of the state and its aspects, such as: lifestyle, behavior and education. The greatest example of this case can be famous British education because thanks to the literature the United Kingdom is stereotypically perceived as an atmosphere of private school, good manners, castles and gentry. Another example is Japan, famous for its model of teaching children since kindergarten. Technical achievement of this state is usually imputed to the education.

As modern Mass Media are inclined to scale the stereotypes because of a new short form of materials, adapted for the clip thinking, which means lack of analysis, nowadays the process of promotion goes faster. As for Russian education, unfortunately, it still has not a concrete strategy of presenting its educational field. Analyzing the current situation of the image of education in Russia for foreigners, we should answer the following questions.

3.1. How does Russian education for foreigners develop today?

In this case it is important to keep in mind that Russia has diplomatic relationships not with all former Soviet republics, and it makes sense in the process of advertising and image of Russian education in each country. Speaking about Georgia, we should highlight that events of 2008 negatively influenced on the relationships between Russia and Georgia. There are no diplomatic relationships between states; bilateral cultural projects are not strongly developed. Also the massive Russian schools closure led to the decreasing a number of Russian speaking youth in Georgia. That is why a per-

spective to get education in Russia is not so popular in Georgia as in Armenia and Azerbaijan.

What about Azerbaijan, here the situation is better. Russian education is in demand in the state. In 2009, Moscow State University opened its branch in the capital of Azerbaijan Baku. There are six faculties at the Azerbaijani branch. University in Baku offers two programs: Bachelor`s and Master`s degrees. Also there are a big campus, several laboratories and a library with 50 000 books in the territory of branch. The university attracts students with an opportunity to study for free, different exchange programs and master classes of famous lecturers (by the beginning of 2019 more than 1500 famous Russian professors has visited the branch office in Baku with trainings, lectures and master-classes). Also within the framework of the university`s concept Russia and Azerbaijan implement a project which helps to identify talented youth in Azerbaijanian regions¹.

Armenia expresses the same interest towards Russian education and it can be explained, firstly, with common historical past, stable presence of Russian language in the life of Armenia and a big number of ethnic Armenians who live in Russia [Lang 2010: 6]. There is a large number of universities offering programs in Russian language in Armenia. They are: State Medical University, State Linguistic University, Slavic University of Armenia and a branch of Moscow State University in Armenia which was founded in 2015².

Also students from the Caucasus region may participate in the governmental program “Russia Study” included to the project “Rosotrudnichestvo”, promoting Russian education abroad. According to the program, every year the government of Russian Federation organized a competition and after it allocates 15 000 places for foreigners to study for free [Abankina 2017: 102]. Also Russia organizes

¹ The Official Site of MSU Azerbaijan [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&url=http://msu.az/mobile/university/&ved=2ahUKEwi13M2L5ffhAhXUuHEKHgCBHEQFjAAegQIAhAB&usg=AOvVaw15eIFU2kzZorb-ih6NHyb7> (Date of access 29.04.2019)

² The Official Site of MSU in Armenia [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://msu.am> (Date of access 29.04.2019)

cultural programs with some countries according to which students also can study for free. According to statistics, nowadays 230 000 foreigners study in Russia and 31% of them study without any payment. Speaking about RUDN university, there are 31 000 students from 155 countries, including Armenia, Azerbaijan and Georgia, and 1/3 of these student studies on a budgetary basis¹.

3.2 How do Mass Media form the image of Russian education in different states?

The imagology of Russian education in this case directly depends on the official attitude of the certain country towards Russia. For instance, Russia keeps good neighborly relations with Armenia and Azerbaijan, thus educational cooperation of Russia and Armenia or Russia and Azerbaijan is a natural component of development of the relation between states. As this practice has been existing for many years, this subject is widely publicized in Mass Media of Armenia and Azerbaijan [Thomas de Vaal 2014: 136]. Here it is necessary to say about a significant psychological role of a connotation.

Connotation is an emotional associational caused with the word or phrase and it can be positive or negative in accordance with the emotional connection of the certain word. For instance, the word “freedom” always sounds positively and, on the contrary, the word “prison” is definitely displeasing. It goes without saying, a word combination “Russian education” also has its own connotation and exactly the connotation influence on the image because association is a basis of promotion.

Analyzing Mass Media of Armenia and Azerbaijan in the period of 2018 – beginning of 2019, we can conclude that in these state Russian education has either positive connotation or good image. The main associations with Russian education in Armenia are:

- prestige, connected with the historical past and opening the branch of Moscow State University which is in the list of the best universities in Europe (7 publications from 50);
- intelligence, poetry, talent and art, connected with a big literary heritage of Russia (5 publications from 50);

- culture (3 publications from 50)².

It is difficult to definite one edition which tells about education in Russia because many materials are presented in the genre of routine news and are made by different news agencies, sites, newspapers and magazines.

The almost the same situation is in Armenia. However, Armenian Mass Media, presented by Sputnik Armenia News Agency, JAM magazine, news.am, note another points, such as:

- common historical past and co-belligerency (5 publications from 50);
- a big amount of successful Armenians who live and work in Russia (5 publications from 50);
- an opportunity to study for free (4 publications from 50).

Moreover, there are many official sites of universities or scientific institutions with the special sections titled “How the citizen of Armenia can become a student of Russian university”. These articles are detailed instructions, clear for everyone. That is why we can say that Armenian audience knows much about possibilities to study in Russia and perceive it mostly positively.

The contrary atmosphere is in Georgia. It is well known that Georgia and Russia have no diplomatic relations and that is why we should discuss this case separately. The connotation and image of Russian education is mostly negative because even as the president of the country Salome Zurbishvili says: “It is not time to be friends with Russia yet”. 40 publications connected with Russia in the main news agency of Georgia “News Georgia” contain a word “occupation”. There is even a special section of the Soviet occupation at National museum of Georgia in Tbilisi.

This strategy undoubtedly led to the trend of decreasing Russian-speaking population in the state [Burakova 2011: 141]. That is why Russian education is not very popular in Georgian and associations with Russian education basically are:

- occupation (40 publications from 50);
- enemy (10 publications from 50);

¹ The Official Site of Rossotrudnichestvo [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rs.gov.ru/ru> (Date of access 29.04.2019)

² Sputnik Armenia [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://m.ru.armeniasputnik.am/?mobile_return=no (Date of access 29.04.2019)

- a low level of education, especially if to compare with European universities, in opinion of Georgian journalists without any statistics and real facts (5 publications of 50)¹.

As we see, official Mass Media, especially TV channels which are still more popular than the Internet in Georgia, such as Imedi and Rustavi Ori discuss Russia only in negative way. There is just one edition spreading positive information about Russia and education in Russia – news agency Sputnik Georgia. It publishes separated articles with the detailed explanation how Georgian young people can become students of Russian universities and real perspectives of this education: “Russian diploma is accepted in 80 states” or “Russia offers Georgian youth 659 programs free of charge”. Analyzing the current state of image of Russian education in Georgia, it is real to say that situation changes, but faces a number of problems in social media².

3.3 What are the main problems of promoting Russian education in Georgia?

“Sputnik Georgia” tries to find unordinary ways to tell about Russian education – videos, interviews and info graphics, however, this practice is not absolutely successful because these programs are oriented on young generation and Sputnik does not find any opinion leader close to them. The ambassador of Russian education in Georgia is Nikolay Sventitsky, the head of Griboedov Russian Drama theatre in Tbilisi, whom young audience, especially from the category of Georgian-speaking youth, does not know well. Also there is a lack of success stories of young Georgians who graduated Russian universities³.

It is also important to discuss the problem of social media, because Russian educational programs have not a special account for Geor-

gians, the Russian groups like “Russian world in Tbilisi” are morally obsolete, while anti-Russian online magazine “Sova” only increases its popularity on Facebook and very often creates deceitfully negative image of Russia, using psychological manipulation: “Russia is an occupant”, “Russia occupied Georgia”, “Free Europe”, “Democratic Western world” and etc.

4. Conclusion

How is possible to create a positive image of Russian education abroad? The monitoring describes in this issue helps to find an answer. The programs of education in Russia need more advertising. First of all, we need to expand the presence of information about Russian education in social media. At the same time, it is necessary to find appropriate ambassadors of Russian education in each country who can share objective information and facts about Russian university, their own experience and inspire their peers. This process must be long and complicated, but otherwise we can observe a promotion which is unproductive in attendance because it does not reach its audience.

Strictly speaking, the image of education in Russia in the Caucasus region needs many reforms, creating new associations, friendly available community and storytelling. On the basis of this approach Russia will be able not only develop national educational potential, but also to improve cultural, diplomatic and business relations with another countries and raise them to a new level. Thus, it is possible to generally conclude that the development of education and its prestige directly depend on its image which can demonstrate the reality and struggle with negative stereotypes.

¹ News Georgia Agency [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.newsgeorgia.ge (Date of access 29.04.2019)

² Sputnik Georgia [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://m.sputnik-georgia.ru> (Date of access 29.04.2019)

³ Sputnik Georgia. Sventitsky told about free education in Russia for Georgian Students [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://m.sputnik-georgia.ru/radio/20190207/244242888/Sventitskiy-rasskazal-vse-o-besplatnoy-uchebe-gruzinskikh-studentov-v-Rossii.html?mobile_return=no [Электронный ресурс] – Режим доступа: (Date of access 29.04.2019)

Библиографический список:

Абанкина И. В., Алашкевич М. Ю., Баринов С. Л., Деркачев П. В., Кравченко И. А., Меркулов М. В., Родина Н. В., Славин С.С.; Справедливость нормативного подушевого финансирования образования в России. – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. — М.: НИУ ВШЭ, 2017. — 120 с.

Буракова Л.А. Почему у Грузии получилось? Изд. Юнайтед Пресс, 2011, 272 с.

Внешняя политика стран СНГ. – Москва, 2019. (Переиздание одноименного учебного пособия 2017 г.).

Клячко Т.Л., Синельников-Мурылёв С.Г. Стратегия для России: образование / М. – Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 118 с.

Колдунова Е.В., Лунев С.И. Процессы трансформации системы образования и науки в странах Азии в оценках международных организаций и транснациональных рейтинговых структур // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017;17(1):190-200.

Курьлев К.П., Савичева Е.М. Фактор культуры в модернизации и прогнозировании будущего Содружества Независимых Государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2012;(1):61-72.

Курьлев К.П., Никулин М.А., Гончарова А.А. «Мягкая сила» культурной дипломатии Исламской Республики Иран // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 46-55.

Лэнг Д.М. Армяне. Народ-созидатель. Москва. – Центрполиграф, 2010. – 348 с.

Филимонов Г. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010. – 212 с.

Чистохвалов В.Н., Мошляк Г.А. Интегративные тенденции в реализации приоритетных направлений сотрудничества высших школ России и европейских стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2010;(4):77-83

Rayfield Donald. Edge of empires: a history of Georgia. - KoLibri, 2019, 608 p

Rayfield Donald. The literature of Georgia. History. The literature of Georgia: A history / Donald Rayfield. - Oxford: Clarendon press, 1994. - XVI, 360 p.

Thomas de Vaal. Black Garden: Armenia and Azerbaijan Through Peace and War. Russian Political Encyclopedia, 2014, 392 p.

Сведения об авторах: Пархитко Николай Петрович – к.и.н., доцент кафедры Теории и истории журналистики, РУДН (e-mail: Scharnchorst@mail.ru); Курманова Данара Бауржановна – аспирант кафедры кафедры Теории и истории журналистики, РУДН (e-mail: www.danaramay.ru@mail.ru).

REFERENCES

Abankina I.V., Alashkevich M.YU., Barinov S.L., Derkachev P.V., Kravchenko I.A., Merkulov M. V., Rodina N.V., Slavin S.S.; Spravedlivost' normativnogo podushevogo finansirovaniya obrazovaniya v Rossii. – Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», Institut obrazovaniya. — M.: NIU VSHE, 2017. — 120 s.

Burakova L.A. Pochemu u Gruzii poluchilos'? Izd. YUnajted Press, 2011, 272 s.

CHistohvalov V.N., Moshlyak G.A. Integrativnye tendencii v realizacii prioritetnyh napravlenij sotrudnichestva vysshih shkol Rossii i evropejskih stran // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2010;(4):77-83

Filimonov G. «Myagkaya sila» kul'turnoj diplomatii SSHA. – M.: RUDN, 2010. – 212 s.

Klyachko T.L., Sinel'nikov-Murylyov S.G. Strategiya dlya Rossii: obrazovanie / M. – Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2018. — 118 s.

Koldunova E.V., Lunev S.I. Processy transformacii sistemy obrazovaniya i nauki v stranah Azii v ocenках mezhdunarodnyh organizacij i transnacional'nyh rejtingovyh struktur // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2017;17(1):190-200.

Kurylev K.P., Nikulin M.A., Goncharova A.A. «Myagkaya sila» kul'turnoj diplomatii Islamskoj Respubliki Iran // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2017. № 2. S. 46-55.

Kurylev K.P., Savicheva E.M. Faktor kul'tury v modernizacii i prognozirovanii budushchego Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2012;(1):61-72

Leng D.M. Armyane. Narod-sozidatel'. Moskva. – Centrpoligraf, 2010. – 348 s.

Vneshnyaya politika stran SNG. – Moskva, 2019. (Pereizdanie odnoimennogo uchebnogo posobiya 2017 g.).

About the authors:

Parkhitko N.P. – PhD in History, Assistant Professor, Theory and History of Journalism Department, RUDN University (e-mail: Scharnchorst@mail.ru); Kurmanova Danara B. Aspirant of Philological faculty, RUDN University (e-mail: www.danaramay.ru@mail.ru).

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

К формированию новой концепции регионального сотрудничества в Центральной Азии

И.Р. Мавланов

Университет мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан,
Ташкент, Республика Узбекистан

Аннотация. Современные международные экономические отношения характеризуются широким распространением региональных экономических интеграционных процессов и регионального экономического сотрудничества. Эти процессы широко затронули сегодня и регион Центральной Азии, который, особенно в последние три года, активизировался во взаимных политических и экономических отношениях. Региональное сотрудничество имеет важнейшее значение для Центральной Азии в целях увеличения взаимной и международной торговли, привлечения потоков инвестиций и всесторонне интегрироваться в мировую экономику. Импульс региональному сотрудничеству в Центральной Азии придала новая внешняя политика Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева. Что же произошло в Центральной Азии в последнее время? И как Узбекистан придал импульс региональному развитию? На поиск ответов на эти и другие вопросы направлены наши исследования, в том числе наша статья.

Ключевые слова: Узбекистан, Центральная Азия, региональное сотрудничество, интеграция, Ш. Мирзиёев, мировая экономика, внешняя политика.

Toward a new concept of regional cooperation in Central Asia

I.R. Mavlanov

University of World Economy and Diplomacy of the Republic of Uzbekistan,
Tashkent, Republic of Uzbekistan

Abstract. Modern international economic relations are characterized by widespread regional economic integration processes and regional economic cooperation. These processes are widely affected today and the Central Asian region, which, especially in the last three years, has intensified in mutual political and economic relations. Regional cooperation is crucial for Central Asia to increase mutual and international trade, attract investment flows and integrate fully into the global economy. The impulse to regional cooperation in Central Asia was given by the new foreign policy of the President of the Republic of Uzbekistan Sh.M. Mirziyoyeva. What has happened in Central Asia recently? And how did Uzbekistan give impetus to regional development? Our research, including our article, is aimed at finding answers to these and other questions.

Keywords: Uzbekistan, Central Asia, regional cooperation, integration, Sh. Mirziyoyev, world economy, foreign policy.

I. Новый облик Узбекистана - важнейшие результаты внешней политики Ш.М. Мирзиёева.

Внешняя политика Ш.М. Мирзиёева стала практически катализатором крупных новых позитивных идей и сдвигов в регионе Центральной Азии. Со вступлением в должность главы государства Ш.М. Мирзиёев задал такую динамику внешней политики в Центральной Азии, которая с годами только нарастала. И это связано с тем, что Ш.М. Мирзиёев придал активную динамику раз-

вития всех внутренних политических и экономических процессов в стране.

Международное сообщество видит сегодня новый облик Узбекистана - обновленную и динамично развивающуюся страну и открытую внешнею политику. Последние почти три года (сентябрь 2016 - июль 2019 гг.) стали беспрецедентными в истории независимого Узбекистана с точки зрения достижения масштабных прорывных результатов на международной арене. Были успешно реализованы следующие важные внешнепо-

литические инициативы Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева. В 2017 г. состоялся 21 визит на высшем уровне, проведены встречи с руководителями и представителями более 60 государств и международных организаций. В результате заключено свыше 400 соглашений, подписаны торговые и инвестиционные договоры в общей сложности почти на 60 миллиардов долларов США.¹ В 2018 г. состоялся 21 визит на уровне глав государств, включая 13 визитов Президента Ш. Мирзиёева за рубеж. Узбекистан посетили лидеры 8 государств. Проведены переговоры на высшем уровне с руководителями более 30 государств и международных структур, подписаны 180 двусторонних договоров и соглашений. Полностью реализовано 10 важных инициатив, выдвинутых главой Узбекистана в рамках ООН, СНГ, ШОС, ОИС и других авторитетных форумов.²

Вместе с тем, как правильно отметил Ш. Мирзиёев в Послании Олий Мажлису, «достигнутые результаты не являются пределом или поводом для самоуспокоения, мы находимся в начале долгого пути, нам еще предстоит решать немало задач для обеспечения благополучия нашего народа и процветания страны».

Эти установки Президента Узбекистана требуют дальнейших глубоких осмыслений, теоретических и прикладных исследований и последующих практических реализаций. Рассмотрим кратко, что сделано в этом направлении сегодня в Центральной Азии.

Оставаясь верным своему избранному внешнеполитическому курсу, главным стратегическим приоритетом которого является укрепление доверительных и дружественных отношений с соседними государствами, Ш.М. Мирзиёев продолжил строить тесный конструктивный диалог с руководителями стран Центральной Азии, нацеленный на совместное решение актуальных проблем обеспечения мира, стабильности, безопасности и достижения устойчивого экономиче-

ского развития. И в этом можно выделить следующие основные этапы.

II. Основные этапы реализации инициатив Ш.М. Мирзиёева в сфере регионального сотрудничества в Центральной Азии.

1. Еще будучи Премьер-министром Республики Узбекистан, Ш.М. Мирзиёев отмечал, что «главным приоритетом внешнеполитической деятельности Узбекистана является регион Центральной Азии, с которым связаны национальные интересы нашей страны». ³ Это он твердо подтвердил уже избранным Президентом Узбекистана. Выступая на торжественном собрании, посвященном 24-й годовщине принятия конституции Республики Узбекистан, Ш.М. Мирзиёев подчеркнул, что будет «осуществлять нашу внешнеполитическую деятельность, прежде всего, на основе всесторонних интересов нашего народа и страны»⁴.

2. Продвигая в практической плоскости внешнеполитический курс Узбекистана и свои идеи о Центрально-азиатском региональном сотрудничестве, Президент Ш.М. Мирзиёев на состоявшейся в сентябре 2017 года 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН выдвинул ряд конструктивных идей и инициатив по укреплению мира и безопасности, устойчивого социально-экономического развития в Центральной Азии.⁵ Ш. Мирзиёев еще раз подчеркнул, что «главным приоритетом своей внешней политики Узбекистан сегодня определяет регион Центральной Азии». По его глубокому убеждению: «Узбекистан непосредственно заинтересован в том, чтобы регион стал зоной стабильности, устойчивого раз-

³ Выступление Премьер-министра Республики Узбекистан Шавката Миромоновича Мирзиёева на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса. <http://www.mfa.uz/ru/press/news/2016/09/8274/> 9 сентября 2016г.

⁴ Доклад избранного Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на торжественном собрании, посвященном 24-й годовщине принятия конституции Республики Узбекистан. 07.12.2016г. <http://www.mfa.uz/ru/press/news/2016/12/9682/>

⁵ Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев 19 сентября 2017 года выступил на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. <https://mfa.uz/ru/press/news/2017/08/12480/> 20 сентября 2017г.

¹ Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису. 22 декабря 2017г. <https://mfa.uz/ru/press/news/2017/11/13463/>

² Министерство иностранных дел Узбекистана: важнейшие события 2018 года. 4 января 2019г. <https://mfa.uz/ru/press/news/2019/01/17275/>

вития и добрососедства. Мирная, экономически процветающая Центральная Азия – наша важнейшая цель и ключевая задача». Продвигая пути реализации регионального сотрудничества региона, в своей речи на ГА ООН Ш. Мирзиёев предложил «проведение регулярных консультативных встреч глав государств Центральной Азии», а также высказал намерение «обсудить фундаментальные проблемы региона на Международной конференции высокого уровня «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и процветания» в ноябре 2017 г. в Самарканде, по итогам которой «внести предложение о принятии специальной резолюции Генеральной Ассамблеи в поддержку усилий государств Центральной Азии по обеспечению безопасности и укреплению регионального сотрудничества».

3. Эти инициативы были широко развиты Ш.М.Мирзиёевым в целостную программу на состоявшейся в Самарканде вышеназванной международной конференции, где Президент Узбекистана еще раз озвучил свое предложение о проведении консультативной встречи глав государств Центральной Азии и подчеркнул, что «наша главная цель – общими усилиями превратить Центральную Азию в стабильный, экономически развитый и процветающий регион». ¹

Для реализации поставленной цели Президент Узбекистана предложил конкретные задачи: 1) развитие торгово-экономических связей и создание благоприятных условий для роста товарооборота и укрепления кооперации; 2) эффективно задействовать транзитно-логистический потенциал региона и обеспечить опережающее развитие транспортной инфраструктуры; 3) углубление практического взаимодействия в целях обеспечения безопасности и стабильности в Центральной Азии; 4) скорейшее и окончательное завершение процесса делимитации и демаркации государственных границ; 5) скорейшее урегулирование проблем спра-

ведливого водопользования в регионе; 6) укрепление культурно-гуманитарных связей, отношений дружбы и добрососедства между нашими государствами и народами.

Ш. Мирзиёев также предложил по итогам конференции «обратиться к Генеральной Ассамблее ООН с призывом принять специальную резолюцию об укреплении регионального и международного сотрудничества по обеспечению мира, безопасности и устойчивого социально-экономического развития в Центральноазиатском регионе».

Эти инициативы Президента Узбекистана были поддержаны всеми странами и международными организациями, принявшими участие в работе конференции.

4. В последующем в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке в качестве официального документа 72-й сессии Генеральной Ассамблеи было распространено Коммюнике Международной конференции по обеспечению безопасности и устойчивого развития в Центральной Азии под эгидой ООН, состоявшейся в Самарканде.² В документе говорится, что «обладая значительным энергетическим и природно-ресурсным потенциалом, уникальными транспортно-коммуникационными возможностями, Центральная Азия имеет важное геополитическое значение, происходящие здесь процессы оказывают влияние на состояние стабильности всего Евразийского континента». Наряду с этим в документе отмечается, что «безопасность Центральной Азии является неотъемлемой частью глобальной безопасности». Особо подчеркнута «необходимость более тесного и скоординированного сотрудничества стран региона в деле предупреждения новых вызовов и угроз, а также взаимодействия с международными и региональными организациями и странами-партнерами».

5. В декабре 2017г., обращаясь с посланием к Олий Мажлису Республики Узбекистана и подводя определенные итоги в сфере реализации внешней политики Узбекистана по Центральной Азии, Ш. Мирзиёев

¹ Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на международной конференции «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания» в Самарканде. 11 ноября 2017г. <http://mfa.uz/ru/press/news/2017/11/13074/>

² ООН проинформировала международное сообщество о самаркандской конференции. 8 декабря 2017г. ИА «Жахон», Нью-Йорк. <http://jahnnews.uz/ru/aktualno/124/41861/>

подчеркнул: «Мы приступили к осуществлению принципа “Главный приоритет внешней политики Узбекистана – Центральная Азия”». Оценивая ситуацию в регионе Центральной Азии, президент Узбекистан отметил в своей речи, что «создана совершенно новая политическая атмосфера, укрепляются взаимосвязи, основанные на взаимном доверии и добрососедстве». Такая оценка, по его мнению, исходит из следующего: «установлено стратегическое сотрудничество с Туркменистаном и Кыргызстаном. Подписан ряд важных документов по дальнейшему углублению стратегического партнерства с Казахстаном, заключены экономические соглашения на 2 миллиарда долларов. Укрепляется сотрудничество и с Таджикистаном. Налажены авиарейсы между городами Ташкент и Душанбе. Подписание Договора о Государственной границе с Кыргызстаном стало серьезным шагом в обеспечении безопасности и стабильности в Центральной Азии»¹.

6. Первая консультативная встреча глав государств Центральной Азии состоялась в Астане 15 марта 2018 г. На саммите были обсуждены вопросы расширения политического, торгово-экономического и гуманитарного сотрудничества между странами региона, совместного противодействия терроризму, экстремизму, контрабанде наркотических веществ и оружия, укрепления безопасности и стабильности в Центральной Азии. Подчеркивалось, что Центральная Азия — это не только географическое и геополитическое, но и единое культурно-цивилизационное пространство. Поэтому необходимо уделять особое внимание вопросу развития сотрудничества между территориями, что наряду с обеспечением устойчивого развития в Центральной Азии позволит в полной мере задействовать промышленный, инвестиционный и интеллектуальный потенциал регионов наших стран. Главы государств отметили необходимость дальнейшего укрепления взаимодействия в рамках СНГ, ШОС, ОИС и других авторитетных международных структур. На встрече был рассмотрен широкий круг вопросов

касательно сотрудничества стран региона в политической, торгово-экономической, транспортной, культурно-гуманитарной и других сферах².

Говоря в Астане о своей инициативе проведения регулярных встреч глав государств Центральной Азии, Ш. Мирзиёев отметил, что он «исходили из того, что в настоящее время формируются совершенно новые возможности для развития регионального сотрудничества»³. Исходя из этого, Президент Узбекистана сформулировал приоритетные направления регионального сотрудничества стран Центральной Азии, выделив следующие ключевые задачи: «*во-первых*, это поиск новых резервов и действенных механизмов расширения эффективного регионального сотрудничества в сфере обеспечения безопасности и стабильности в Центральной Азии; *во-вторых*, выработка конкретных программ – «дорожных карт» партнерства в торгово-экономической, инновационной, инвестиционной, транспортно-коммуникационной, банковско-финансовой, водно-энергетической и культурно-гуманитарной сферах; *в-третьих*, широкий обмен мнениями по наиболее актуальным вопросам международной и региональной повестки, согласование по ним общей позиции и ее дальнейшее продвижение на площадках ООН, СНГ, ШОС и других международных организаций».

Выступая с прагматичными подходами, Ш. Мирзиёев озвучил на встрече и свое видение конкретных механизмов реализации приоритетов регионального сотрудничества, в частности: 1) дальнейшее углубление региональных торгово-экономических связей, предполагающей обеспечение полноценного функционирования режима свободной торговли между странами региона, интенсивное развитие приграничной торговли и производственной кооперации; 2) кардинальное повышение транзитно-логистического потенциала Центральноазиатского региона; 3)

² Первая консультативная встреча глав государств Центральной Азии. 16 марта 2018г. <https://mfa.uz/ru/press/news/2018/03/14236/>

³ Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на консультативной встрече глав государств Центральной Азии. <http://jahnnews.uz/ru/aktualno/124/44767/>

¹ Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису. 22 декабря 2017г. <https://mfa.uz/ru/press/news/2017/11/13463/>

обеспечение региона водными ресурсами; и 4) дальнейшее расширение культурно-гуманитарного обмена.

7. Международные эксперты широко отмечали, что инициативы Узбекистана открывают новые возможности для всего региона Центральной Азии¹. Идеи и инициативы Ш. Мирзиёева стали активно поддерживаться и претворятся на международной арене. Так:

- 22 июня 2018г. Генассамблея ООН единогласно приняла резолюцию «Укрепление регионального и международного сотрудничества по обеспечению мира, стабильности и устойчивого развития в Центральноазиатском регионе», разработанную по инициативе Президента Узбекистана. Соавторами документа выступили 55 стран Европы, Америки, Азии и Африки.

- 19-20 февраля 2019 г. в Ташкенте состоялась международная конференция на тему: «Взаимосвязанность в Центральной Азии: вызовы и новые возможности».

- 15 марта 2019 г. в Ташкенте состоялся Центральноазиатский экономический форум с участием вице-премьеров стран Центральной Азии. В форуме участвовали более 200 представителей государственных учреждений, деловых кругов из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана.

Как видно, после первой консультативной встречи лидеров стран Центральной Азии было проведено множество официальных мероприятий в регионе, а широкие дискуссии в научно-академическом и экспертном сообществе были сосредоточены на вопросах формирования институционализации зарождающегося нового регионального сотрудничества.

8. Вторая консультативная встреча глав государств Центральной Азии состоялась в Ташкенте 29 ноября 2019 г. В своем выступлении на саммите Президент Узбекистана Ш. Мирзиёев особо выделил следующие приоритеты «расширяющегося регионального партнерства» стран Центральной Азии²:

1. Практическая реализация задач в торгово-экономической, инвестиционной, транспортно-коммуникационной и энергетической сферах, в том числе:
  - a. провести Центральноазиатский инвестиционный форум и первое заседание торгово-промышленных палат наших стран,
  - b. ускорить создание регионального совета по транспортным коммуникациям,
  - c. организация международной туристической конференции для продвижения совместных программ по принципу «один тур – весь регион».
2. Наряду с регулярным проведением многосторонних встреч вице-премьеров и министров иностранных дел, учредить межпарламентскую группу дружбы стран Центральной Азии.
3. Создание платформы культурно-гуманитарного обмена под названием «Центральная Азия – одно прошлое, общее будущее», в том числе:
  - a. учредить Центральноазиатскую премию за выдающиеся достижения в области науки, культуры и искусства,
  - b. проводить форумы университетов и региональные спортивные игры,
  - c. ежегодную организацию накануне праздника Навруз Дней культуры Центральной Азии – поочередно в каждой из наших стран.
4. Решение непростых региональных водно-экологических проблем требует скоординированных подходов, а именно:
  - a. эффективно задействовать возможности созданного под эгидой ООН Многопартнерского трастового фонда для региона Приаралья,
  - b. продолжить поиск взаимоприемлемых решений актуальных вопросов совместного водопользования.
5. Обеспечение региональной стабильности и безопасности:
  - a. создание рабочих механизмов оперативного взаимодействия правоохранительных ведомств и спецслужб наших стран для полномасштабного противодействия современным вызовам

¹ Новый регионализм Центральной Азии набирает обороты. ИА «Жахон». <http://jahonnews.uz/ru/aktualno/124/45035/>

² Выступление Президента Республики Узбекистан Ш.Мирзиёева на консультативной встрече глав госу-

дарств Центральной Азии. 29 ноября 2019г. Автор: УзА. <https://mfa.uz/ru/press/news/2019/11/22156/>

вам и угрозам.

- б. выработать скоординированные подходы к реализации важнейших инфраструктурных и социальных проектов в Афганистане.

9. В Совместном заявлении консультативной встречи глав государств Центральной Азии, состоявшейся в Ташкенте, особо подчеркнута следующее: «стороны выступают за укрепление координации и углубление регионального сотрудничества в вопросах совместной реализации крупных экономических проектов, особенно направленных на расширение транспортно-транзитных возможностей и развитие энергетического потенциала региона, обеспечение стабильного выхода к морским портам и мировым рынкам, развитие инфраструктуры, формирование современных международных центров логистики, торговли и туризма, строительство новых предприятий, внедрение инновационных технологий, развитие «зеленой» экономики»¹.

10. На брифинге по итогам консультативной встречи глав государств Центральной Азии в Ташкенте, Президент Узбекистана Ш. Мирзиёев заявил, что «проведение встреч глав государств Центральной Азии в формате консультаций – это не повод для разговоров о создании какой-либо новой региональной организации»².

В качестве заключения.

Во-первых. Ташкентский консультативный саммит руководителей стран Центральной Азии продемонстрировал продолжение Президентом Узбекистана курса на обновление и региональное сотрудничество. Благодаря инициативам Ш. Мирзиёева и его активной и прагматичной внешней политике с соседними странами, сегодня в Центральной Азии «установился совершенно новый, конструктивный политический климат и созданы благоприятные условия для решения самых сложных вопросов, таких как рацио-

нальное использование водных ресурсов, делимитация и демаркация границ, пересечение пограничных пунктов и развитие приграничной торговли. Функционирует 64 пункта пропуска через Государственную границу Узбекистана с соседними странами. Благодаря решению пограничных проблем, существенно активизировались торгово-экономические, приграничные связи Узбекистана с центральноазиатскими государствами.³

Во-вторых. Прошедшие две Консультативные встречи Президентов стран Центральной Азии являются еще одним признаком улучшения регионального сотрудничества. Устойчивый диалог на высшем уровне руководства стран региона будет иметь решающее значение для продвижения будущего регионального сотрудничества в Центральной Азии. Это придаст государствам региона больше веса на международной арене, как в экономике, так и в политике. Сегодня регион находится в тот период, когда обладает необходимыми предпосылками, чтобы вывести сотрудничество на новый уровень и показать миру, насколько эффективным может быть региональное сотрудничество, когда разногласия откладываются ради общих благ.

В-третьих. Проведенный анализ показывает насколько сложны задачи, поставленные Президентом Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёевым как на встрече в Астане о необходимости поиска «действенных механизмов расширения эффективного регионального сотрудничества ... в Центральной Азии»⁴, так и на встрече в Ташкенте на втором консультативном саммите руководителей стран Центральной Азии. Поэтому, чтобы решить и практически реализовать их, необходимы дальнейшие системные и глубокие как фундаментальные, так и прикладные научные исследования, итогом которых должна стать разработка стратегических концептуальных подходов и действенных механизмов регионального со-

¹ Совместное заявление консультативной встречи глав государств Центральной Азии. г.Ташкент, 29 ноября 2019 года. <https://mfa.uz/ru/press/news/2019/11/22149/>

² Заявление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на брифинге по итогам консультативной встречи глав государств Центральной Азии. 30 ноября 2019г. Автор: Газета «Народное слово». <https://mfa.uz/ru/press/news/2019/11/22161/>

³ Министерство иностранных дел Узбекистана: важнейшие события 2018 года. 4 января 2019г. <https://mfa.uz/ru/press/news/2019/01/17275/>

⁴ Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на консультативной встрече глав государств Центральной Азии. <http://jahonnews.uz/ru/aktualno/124/44767/>

трудничества в Центральной Азии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Weitz R. Uzbekistan's New Foreign Policy: Change and Continuity under New Leadership. // Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, 2018.

Ахмедов Х.Т., Смолик Н.Г. Республика Узбекистан в интеграционных процессах на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования, 2019. Т. 2, №1. С. 854-865.

Базылева С.П., Черненко Е.Ф. Сотрудничество Узбекистана и России как стабилизирующий фактор на евразийском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016;16(3):505-520.

Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Реформы во внешней политике Узбекистана: основные достижения и сценарии развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018;18(2):292-303.

Курьев К.П. Специфика интеграционных процессов в СНГ. // Ежегодник. СНГ: проблемы, поиск, решения. – М.: Изд-во РУДН, 2010 г. С. 22-32.

Внешняя политика стран СНГ. – Москва, 2019. (Переиздание одноименного учебного пособия 2017 г.).

Хуррамов Ж.Р. Концептуальные основания отношений между Узбекистаном и Россией // Постсоветские исследования, 2019. Т.2, № 5. С. 1328-1339.

Об авторе: Мавланов Ибрагим Раджабович, д.э.н., профессор кафедры «Международные финансы и инвестиции» Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол (ibradjab@yahoo.com).

REFERENCES

Ahmedov H.T., Smolik N.G. Respublika Uzbekistan v integratsionnyh processah na postsovetском prostranstve // Postsovetskie issledovaniya, 2019. T. 2, №1. S. 854-865.

Bazyleva S.P., CHernenko E.F. Sotrudnichestvo Uzbekistana i Rossii kak stabiliziruyushchij faktor na evrazijskom prostranstve // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2016;16(3):505-520

Hurramov Zh.R. Konceptual'nye osnovaniya otnoshenij mezhdru Uzbekistanom i Rossiej // Postsovetskie issledovaniya, 2019. T.2, № 5. S. 1328-1339.

Kazancev A.A., Gusev L.Yu. Reformy vo vneshnej politike Uzbekistana: osnovnye dostizheniya i scenarii razvitiya // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018;18(2):292-303.

Kurylev K.P. Specifika integratsionnyh processov v SNG. // Ezhegodnik. SNG: problemy, poisk, resheniya. – M.: Izd-vo RUDN, 2010 g. S. 22-32.

Vneshnyaya politika stran SNG. – Moskva, 2019. (Pereizdanie odnoimennogo uchebnogo posobiya 2017 g.).

About the author: Mavlanov Ibrahim Rajabovich, Doctor of Economics, Professor, Department of International Finance and Investments, University of World Economy and Diplomacy of the Republic of Uzbekistan, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary (ibradjab@yahoo.com).

Узбекистан - ЕАЭС: ожидания и параметры переходного периода

А.В. Караваяев

Институт экономики РАН, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается общее состояние и потенциал узбекской экономики в контексте двух сценариев поэтапной модели интеграции с ЕАЭС – промышленной и торгово-экономической. Рассмотрены возможности стыковки программ промышленной кооперации. Факультативно проведен общий обзор проблематики конфликта юрисдикций ВТО и ЕАЭС. Проведя анализ большого объема фактических данных, автор замечает, что для Узбекистана вариант ЕАЭС (взаимодействие в рамках ЗСТ с последующим возможным вступлением) выглядит как оптимальный сценарий глобализации. Три основных компонента сближения – экономический, культурный и политический – вполне нейтральны, с предоставлением возможностей, но без излишнего давления и обязательств. В заключительной части статьи сформулированы выводы, а также даны авторские рекомендации.

Ключевые слова: Узбекистан, ЕАЭС, интеграция, сотрудничество, внешняя политика, многовекторность.

Uzbekistan - EAEU: expectations and transitional parameters

A.V. Karavaev

Institute of Economics RAS, Moscow, Russia

Abstract. The article considers the general state and potential of the Uzbek economy in the context of two scenarios of a phased model of integration with the EAEU - industrial and trade and economic. The possibilities of joining industrial cooperation programs are considered. An optional general review of the conflict of jurisdictions of the WTO and the EAEU was carried out. After analyzing a large amount of evidence, the author notes that for Uzbekistan, the EAEU option (interaction within the framework of the FTA with subsequent possible entry) looks like the optimal globalization scenario. The three main components of rapprochement - economic, cultural and political - are completely neutral, with opportunities, but without undue pressure and commitment. In the final part of the article, conclusions are formulated, as well as author's recommendations.

Keywords: Uzbekistan, EAEU, integration, cooperation, foreign policy, multi-vector.

Дискуссия о возможных форматах и графике присоединения Узбекистана к ЕАЭС официально была открыта после публикации «Концепции комплексного социально-экономического развития Республики Узбекистан до 2030 года»¹. Данный документ фактически продолжает ранее принятую «Стратегию действий по пяти приоритетным направлениям в 2017-2021 гг.»².

Согласно графику, в период 2020-2021 гг. расширение внешней торговли планируется за счет подписания соглашений о зоне свободной торговли с ЕАЭС. Вместе с тем декларируется продолжение согласований с ВТО и рядом других стран (в частности, на завершающей стадии находятся переговоры по Соглашению о расширенном партнерстве и сотрудничестве с Европейским союзом (СРПС), его

На втором этапе (2022-2025 гг.) последовательного изучается вхождение страны в ЕАЭС и ВТО, либерализация торговой политики и экспорта, пересмотр нетарифных торговых барьеров и приведение их в соответствие с соглашениями и нормами ВТО.

Потенциал национального развития: общий обзор

¹ Концепция комплексного социально-экономического развития Республики Узбекистан до 2030 года // https://regulation.gov.uz/ru/document/8839?fbclid=IwAR1kMErSCXKJm7NosIF_GmOhaxSBRz6WBnhye3raQ__HuASya817oNCnGA

² Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям в 2017-2021 гг. // <http://strategy.regulation.gov.uz/ru/document/2>

Согласно отчету ЕБРР «Региональные экономические перспективы» (Regional Economic Prospects), ВВП Узбекистана по итогам текущего года вырастет на 5,5%, а в 2020 г. - на 5,8%. Прогнозы повышены, по сравнению с предыдущим, майским отчетом банка, на 0,5 и 0,6 п.п. соответственно¹.

По мнению экспертов банка, рост экономики Узбекистана будет обеспечиваться в первую очередь за счет развития промышленности и строительного сектора.

В отчете отмечается, что в стране наблюдается значительный – на 45% – рост экспортных операций в долларовом выражении за первые восемь месяцев года, а также рост импорта на 33%, что отражает либерализацию торговли и региональную интеграцию, о чем будет сказано ниже.

Кроме того, зафиксирован 60% рост объемов кредитования за три квартала, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, что является следствием растущих инвестиций в инфраструктуру. Инфляция за первые три квартала года замедлилась до 14,1% против 18,2% в таком же периоде прошлого года.

Надо сказать, что устойчивый рост ВВП Узбекистан демонстрирует с середины 2000-х гг., что связывают не только с благоприятными условиями для его ключевых статей экспорта, но и экономической политикой правительства, ограниченной зависимостью от международных финансовых рынков, защитившей страну от экономического спада. В 2004-2016 гг. темпы экономического роста Узбекистана составляли 7-9% в год [Попов 2014: 136-159].

По данным доклада «Социально-экономическое положение Республики Узбекистан за январь - декабрь 2018 г.», подготовленного Госкомстатом Узбекистана в начале 2019 г., большая часть рабочих мест во всех секторах экономики была создана благодаря малому бизнесу, что способствовало увеличению доходов населения и борьбе с бедностью². Рост экспорта газа, золота

и меди в условиях высоких цен на сырье обеспечил поступления в бюджет. Это позволило существенно увеличить инвестиции и зарплаты и, как следствие, способствовало повышению уровня потребления.

За последние семь лет Узбекистану удалось существенно улучшить бизнес-климат, поднявшись в рейтинге Doing Business 2019 на 76-е место, по сравнению со 166-м местом в DB 2012³. Правительство не останавливается на достигнутом и продолжает работу над устранением правовых, налоговых и таможенных барьеров для ведения бизнеса. В частности, высокий приоритет имеют реформы по улучшению условий международной торговли и получение разрешений на строительство (включая отведение земельных участков в постоянное пользование), в которых Узбекистан, согласно данным рейтинга DB за 2019 г., занимает 165-е и 134-е места соответственно.

Узбекистан – страна с самым многочисленным в Центральной Азии населением (32,9 млн. человек), что сопоставимо с Малайзией и Марокко. Для сравнения, в других странах региона – Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Туркменистане – проживает в сумме 38,9 млн. человек.

Население Узбекистана быстро растет (естественный прирост составляет 0,5 млн. человек в год), республика занимает 15-е место среди 51 государства Азии по показателю абсолютного роста населения. Как ожидается, его численность достигнет 35 млн. к 2025 г. и 40 млн. к 2050 г., что будет способствовать увеличению емкости внутреннего рынка – важного фактора развития экономики ЕАЭС.

Средняя зарплата в Узбекистане – одна из самых низких в мире: в 2018 г. 225,8 долл. в месяц, что составляет 79,3% к показателям 2017 г. (курс доллара США к суму за январь-декабрь 2017 г. составлял 5121,14 сум за 1 доллар, за январь-декабрь 2018 г. – 8068,87 сум за 1 доллар). Это сопоставимо с Молдовой (314 долл.) и Вьетнамом (236

¹ ЕБРР повысил прогноз роста ВВП Узбекистана // <https://invest.gov.uz/ru/mediacenter/news/russkij-ebrr-povysil-prognoz-rosta-vvp-uzbekistana/>

² Социально-экономическое положение Республики Узбекистан за январь-март 2018 г. //

<https://stat.uz/uploads/doklad/2018/yanvar-mart/ru/doklad-yan-mart-ru.pdf>

³ Doing Business 2019 // <https://www.doingbusiness.org/en/reports/global-reports/doing-business-2019>

долл.) и составляет чуть больше половины средней зарплаты в Казахстане (516 долл.).

В плоскости промышленной кооперации и создания связанных производств ЕАЭС данный фактор рынка труда также играет ключевую роль.

Евразийская глобализация Узбекистана

Взаимодействие с ядром ЕАЭС рассматривается Ташкентом с нескольких оснований:

- как важнейший элемент снижения социально-экономических проблем, фактор устойчивого развития;
- как один из внешних механизмов повышения уровня жизни населения и качества социальной сферы.

При этом нужно понимать, что ЕАЭС упоминается в ряду других важнейших для экономики глобальных объединений, влияющих на темпы реконструкции, модернизации и расширения производственной инфраструктуры, финансовой и инвестиционной стабильности.

Поэтому Ташкент констатирует, что усиление конкурентоспособности узбекских компаний (меры протекционистской политики в отношении экспортно-ориентированных отраслей производства товаров и услуг), будет происходить синхронно с политикой демополизации (декларируется контроль над ценами естественных монополий) в рамках гармонизации с нормами ВТО (по линии усиления конкуренции) и приведения к международным стандартам в банковской сфере, авиатранспорте, в автомобилестроении, в энергетике [Кузьмина 2017].

Таким образом, в среднесрочной перспективе Ташкент планирует синхронно развивать три взаимосвязанных направления интеграции:

- в рамках ЗСТ СНГ (гармонизация с ЕАЭС);
- в рамках сближения с ЕАЭС (промкооперация и промышленная политика);
- в параметрах гармонизации с ВТО (включая торгово-инвестиционное взаимодействие с третьими странами от ЕС до КНР);
- в рамках интеграции с КНР по проектам «Пояс – путь».

Товарооборот между Узбекистаном и ЕАЭС в 2018 г. по-прежнему лидирует в сравнении с китайским направлением: (5,73 млрд. долл. – Россия плюс \$3 млрд. Казахстан) против 6,4 млрд. долл. с КНР, (рост на 35,2%, по сравнению с 2017 г.). При этом КНР удерживается на первом месте и сохраняет 19% от общего внешнеторгового оборота республики.

Объем экспорта из Узбекистана в Россию увеличился на 6,8% и составил 2,193 млрд. долл., объем импорта вырос на 30,6%, составив 3,537 млрд. долл.

Доля РФ в объеме внешнеторгового оборота республики – 16,9%. Российский рынок стал основным для экспорта узбекского текстиля (639,6 млн. долл. +25%, по сравнению с 2017 г.) и вторым по поставкам плодоовощной продукции – 164,8 млн. долл. (рост в 1,45 раза). Республика увеличила экспорт в РФ природного газа – до 583,5 млн. долл. (+27,3%) и продовольственных товаров – до 186,5 млн. долл. (+29%). Рост российского импорта в Узбекистан был обусловлен увеличением поставок машин и оборудования – до 937 млн. долл. (рост в 1,7 раза), металлопроката – до 775,2 млн. долл. (в 1,42 раза) и химической продукции – до 366,7 млн. долл. (в 1,3 раза).

В целом, стратегию Ш. Мирзиёева можно определить как развитие экспортноориентированной экономики. Правительство принимает беспрецедентные меры для улучшения бизнес-климата и создания благоприятных условий для иностранных инвестиций в целях наращивания экспортного потенциала. К примеру, если в 2015 г. объемы экспорта составляли 12,5 млрд. долл., то по итогам 2019 г. ожидается, что этот показатель достигнет 18 млрд. долл.

Вместе с тем, нужно констатировать, что имеющийся потенциал взаимной торговли между странами Центральной Азии используется не рационально и составляет менее 10% торгового оборота всех пяти государств. В частности, до сих пор не сняты трения по теме инвестиций в соглашения об услугах в рамках ЗСТ СНГ.

Однако международные аналитики ожидают инвестиционный бум. По оценкам ООН, эффективная кооперация стран Центральной Азии в предстоящее 10 лет повы-

сит региональный ВВП как минимум в 2 раза. Успех ЗСТ Узбекистана с ЕАЭС также зависит от развития экономик «ядра», но при условии улучшения инвестиционной среды и усиления интеграционных процессов. Кроме того, необходим более глубокий акцент ЕАЭС на создание безбарьерной среды взаимного и внешнего экспорта для малого и среднего бизнеса стран участников (см. рекомендации).

Несколько слов о госдолге Узбекистана. Эта тема достаточно актуальна в свете объемов и темпов кредитования Центральной Азии со стороны Китая. На начало 2020 г. общий долг республики прогнозируется в размере 21,3 млрд. долл. (36% к ВВП), из них внешний долг составит 15,3 млрд. долл. (25,4% к ВВП). Несомненно, заметен рост – по итогам первого полугодия 2018 г. внешний долг (государства и компаний) составлял около 8 млрд. долл., то есть около 20% ВВП. Республика занимает 17-е место снизу по уровню задолженности на душу населения среди 184 стран (подушевой долг в 2016 г. составлял 246 долл. (по сравнению с 136 долл. в 2006 г.). Однако в целом долговой пакет достаточно сбалансирован: существенную долю занимают кредиты Всемирного Банка, Азиатского банка развития, стран Евросоюза. С января 2015 г. по январь 2019 г. государственный долг перед Китаем постепенно вырос с 1,055 млрд. долл. до 1,964 млрд. долл., в 2020 г. долг Узбекистана перед Китаем достигнет 3,006 млрд. долл. Однако это не превысит критических показателей зависимости.

Инвестиционный потенциал

По итогам 2019 г. Узбекистан планирует привлечь свыше 3,5 млрд. долл. иностранных инвестиций (рост в два раза). Специалисты Госкоминвестиций республики уверены, что при существующих масштабах экономики Узбекистана и ее сопоставлении с развивающимися и переходными экономиками ежегодный объем освоенных ПИИ должен находиться в пределах 4-12 млрд. долл.

Стрежневым российским инвестором в регионе остается «Лукойл»: проекты в Узбекистане и Казахстане. Причем в Узбекистане «Лукойл» формирует поток россий-

ских инвестиций (накопленных ПИИ 7,59 млрд. долл.).

Вообще же, среднегодовой объем осваиваемых инвестиций в республике остается на уровне 2-2,5 млрд. долл. (менее 4% к ВВП), что ниже среднего показателя по странам с переходной экономикой (3,4 млрд. долл.), а также отдельных стран СНГ (Казахстан – 15-20 млрд. долл., Азербайджан – 5-8 млрд. долл., Беларусь – 3-6 млрд. долл.). Привлеченные за последние пять лет прямые иностранные инвестиции сконцентрированы в основном в нефтегазовой отрасли (73%), электроэнергетике (2%), в сфере информационных технологий и коммуникаций (6%), оставаясь незначительным в других отраслях экономики (к примеру, в легкой и текстильной промышленности – около 1%, автомобильной промышленности – 0,2%).

В этом аспекте ожидания Ташкента от взаимодействия могут концентрироваться вокруг наращивания инвестиций в инфраструктуру и совместные промышленные предприятия. Возможно, координация с ЕАБР и российскими инфраструктурными банками (ВТБ, Газпромбанк, ВЭБ) позволит количественно нарастить объем проектов [Пылин].

В настоящее время Агентство по управлению государственными активами республики, прорабатывает вопрос вывода на фондовый рынок ряда предприятий страны путем IPO/SPO. До 2023 г. планируется на 50% сократить количество предприятий с государственным участием и выпустить облигации не менее 50 компаний с государственным капиталом. Вопрос участия российских компаний в узбекской приватизации одна из тем межправительственных переговоров, в том числе в рамках пакета соглашений об услугах в рамках ЗСТ СНГ.

Особенности налогообложения и регулирования внешней торговли

С 1 января 2019 г. в Узбекистане вступили в силу новые ставки налогов, импортных таможенных пошлин, акциза, новые льготы для экспортеров, ряд других фискальных мер. Введена единая ставка налога на доходы физических лиц – 2%. Снижен налог на прибыль с 14% до 12%, налог на имущество – с 5% до 2%, единый соци-

альный платеж – с 15% до 1%. Пересмотрены сроки, основания и виды налоговых проверок, а также введены новые формы дистанционного налогового контроля. Введен упрощенный порядок исчисления НДС до 1 января 2021 г.

Кроме того, отменены лицензирование деятельности по осуществлению оптовой торговли и особого порядка налогообложения предприятий торговли, специальный порядок учета выручки от реализации отдельных видов подакцизных товаров (автомобили, растительное масло и другие), требования о получении разрешения на выездную торговлю.

Более того, из Узбекистана теперь можно вывозить товары без предоставления таможенной декларации общей стоимостью 5 тыс. долл., что на 2 тыс. долл. больше, чем ранее.

Также, определены новые меры протекционизма:

- применяется дифференцированный механизм взимания акцизов (с 1 января 2019 г.) с существенной разницей в ставках на аналогичную узбекскую и ввозимую продукцию, в том числе и российскую. При этом на аналогичные товары, производимые на территории Узбекистана, акцизы могут быть либо не установлены совсем, либо быть существенно ниже;

- с 1 января 2019 г. отменена льгота по уплате НДС в размере 20% при импорте белого сахара (код ТН ВЭД ЕАЭС 1701 99). При этом была сохранена льгота, освобождающая национальных производителей сахара от уплаты НДС в размере 20% до 1 января 2020 г. в части объемов, произведенных из импортного сырья (из сахара-сырца);

- отмена НДС для национальных производителей. Постановлением Кабинета Министров РУ от 31 декабря 2018 г. № 1065 утвержден перечень продовольственной продукции, освобождаемой от НДС: мясо (говядина, баранина, курятина), а также животные (скот и птица) в живом виде и продукты их убоя, рыба, картофель, лук, яйца, рис (все сорта), сахар, включая импортный, хлебобулочные изделия и молоко. Льгота по освобождению от НДС применяется при реализации продовольственной продукции, производимой в республике;

- потребительский кредит выдается тем организациям, которые реализуют товары только узбекского производства (в соответствии со статьей 15 Закона Республики Узбекистан от 6 мая 2006 г. № ЗРУ-33 «О потребительском кредите»¹) - обязательная маркировка импорта (44 товарные позиции).

От ЗСТ СНГ к ЗСТ ЕАЭС

Протокол о применении Договора о зоне свободной торговли СНГ от 18 октября 2011 г. между его сторонами и Узбекистаном был подписан на заседании Совета глав правительств СНГ 31 мая 2013 г. и вступил в силу для республики с 16 мая 2014 г.

Интересно, что активизация Ташкента в переговорах по ЗСТ СНГ и взаимодействия по параметрам ЕАЭС происходила практически одновременно в 2019 г. Отчасти это совпадение диктуется председательством Узбекистана в СНГ в 2020 г.

Определенную роль сыграл и тот факт, что повестка по ЗСТ СНГ в этом году формируется вокруг блока соглашений об услугах (не охвачена регулированием ВТО, в отличие от торгового соглашения ЗСТ СНГ). Это значительная часть внутренней экономики и экспорта, сюда же попадает активность в отраслях туризма и телекоммуникаций. Окончательную позицию в формулировках главы «Инвестиции» в проекте Соглашения об услугах, Ташкент пока не определил, продолжая решать эти задачи на двустороннем уровне.

В целом, в рамках ЗСТ СНГ Узбекистан поддерживает высокую степень либерализма импорта, практически не используя защитных и антидемпинговых пошлин.

Узбекистан не применяет таможенные пошлины в отношении импортных товаров, происходящих с таможенных территорий ЗСТ СНГ, но оставляет за собой право применять таможенные пошлины на ограниченный круг товаров на основе взаимности при экспорте. Указом президента от 15 декабря 2017 г. № УП-5286 отменены экс-

¹ Закон Республики Узбекистан от 6 мая 2006 г. № ЗРУ-33 «О потребительском кредите» // [https://nrm.uz/contentf?doc=292107_zakon_respubliki_uzbekistan_ot_06_05_2006_g_n_zru-33_o_potrebitelskom_kredite_\(prinyat_zakonodatelnoy_palatoy_22_12_2005_g_odobren_senatom_24_02_2006_g_](https://nrm.uz/contentf?doc=292107_zakon_respubliki_uzbekistan_ot_06_05_2006_g_n_zru-33_o_potrebitelskom_kredite_(prinyat_zakonodatelnoy_palatoy_22_12_2005_g_odobren_senatom_24_02_2006_g_)

портные таможенные пошлины на все виды товаров и лицензирование экспорта товаров, за исключением специфических. Немаловажно, что предприятиям, экспортирующим собственную продукцию, разрешено открывать за рубежом торговые дома и представительства для маркетинговых исследований внешних рынков и рекламы с поставкой для них товаров на условиях консигнации. Однако этим же документом утвержден перечень предметов и продукции, экспорт которых осуществляется на основании решений президента или кабинета: сюда вошли скот, птица, мясо, зерно, мука, крупа, кожевенное сырье, коконы шелкопряда, шелк-сырец, отходы, обрезки и скрап из полиэтилентерефталата, лом и отходы цветных металлов, а также предметы старины, представляющие ценность.

Хотя этот режим регулирования сдерживает свободу экспорта, но одновременно стимулирует более высокий уровень переработки продукции внутри Узбекистана.

В плоскости сближения с ЕАЭС правительство Узбекистана модернизировало закон 2009 г. «О техническом регулировании» (в редакции от 14 сентября 2017 г. № ЗРУ-446). В целях устранения технических барьеров во внешней торговле утверждены 40 технических регламентов, в том числе 31 общий и 9 специальных. Во многом они перекликаются с техрегламентами ЕАЭС.

Итак, мы подходим к вопросу: возможен ли перевод всего блока ЗСТ СНГ на формат ЗСТ с ЕАЭС, заключаемых отдельной страной СНГ с блоком ЕАЭС?

Это достаточно интересный сценарий, однако о какой-либо конкретике говорить рано. Другое дело, что Узбекистан может проторить «дорожную карту» в этом направлении.

Каким образом это может происходить?

Сочетая импульсы модернизации повестки, как это сделал президент Казахстана К.-Ж. Токаев, предложив общий визовый режим СНГ по типу соглашений «Шенгена», плюс к этому – проекты промокооперации, фактически объединяющие пространства ЕАЭС-СНГ более тесными связями между собой, определяя внешние регионы общей выгоды: промышленная зона РФ в Египте, общие проекты СНГ-ЕАЭС в Тур-

ции, Иране, Вьетнаме, Сингапуре и других странах.

Нужно учитывать, что четыре основные свободы ЕАЭС заложены в фундаменте СНГ:

- свобода безвизового перемещения граждан (предпринимательская и трудовая активность);

- свобода движения капиталов в рамках двусторонних Соглашений об избежании двойного налогообложения и Соглашений о защите инвестиций;

- практически покрывающая друг друга ЗСТ для экспортно-импортных операций;

- единый, интегрированный комплекс транспортной инфраструктуры, поддерживаемый взаимодействием транспортных и логистических компаний (ж.д., авиатранспорт, автомобильный)

По каждой сфере, взаимодействие можно детализировать и расширять в соответствии с новыми технико-экономическими стандартами [Кузьмина 2017].

При этом преимущество ЕАЭС перед ЗСТ СНГ для Узбекистана должно продвигаться и пониматься как способ снижения барьеров для увеличения максимального числа экспортеров малого и среднего уровня, не получающих сегодня должного содействия со стороны крупных госкорпораций, банков и иных посредников. В рамках ЕЭК и Делового Совета фактически разрабатываются принципы «единого окна» для безбарьерной среды экспортно-импортных операций субъектов МСБ. В перспективе должна быть разработана система интегрированных опций, позволяющая предпринимателю, имеющему потенциал экспорта товаров и услуг, максимально быстро: 1 - находить партнеров, через базы данных объединенных экспортных центров (в России: РЭЦ, Росконгресс, и подобных отраслевых аналогов); 2 - получать необходимую кредитную поддержку инфраструктурных банков; 3 - иметь удобную логистику (доставка и складские услуги), 4 - систему проведения платежей в национальной валюте. Речь идет о перспективе инсталляции такой системы к 2024-2025 гг.

Наконец, возникает фактор политического приближения – В. Путин предложил приглашать лидеров СНГ на все заседания

Высшего совета ЕАЭС. Отсюда возможность постепенно перевести все государства СНГ в статус наблюдателей, как в случае с Молдовой.

По существу, режимы внутренней торговли СНГ-ЕАЭС (190 млрд. долл. взаимная торговля внутри СНГ-ЕАЭС) по ряду системных признаков схожие, не представляет критических усилий подтянуть их к одной общей базе, и на этом уровне продолжать работать над снижением барьеров, расширением кодификации и маркировки общего пространства, внедрением техрегламентов. Дополнительно параллельным треком возникает «новая» надстройка в виде электронной торговли, внедрения цифровых платформ, реформ госуправления и прочих характерных черт современного макроуправления, фактически слагая те элементы, которые каждая страна воплощает поодиночке.

Узбекистан уже сейчас может прорабатывать вопросы подключения к совместной промышленной инфраструктуре ЕАЭС на территории третьих стран (в рамках реализации Рекомендации Совета ЕЭК № 3 «О мерах по продвижению совместно произведенной продукции приоритетных отраслей государств-членов Евразийского экономического союза на рынки третьих стран»). В перечне мероприятий по продвижению совместно произведенной продукции государств-членов опора делается на инфраструктуру Российского Экспортного Центра (РЭЦ). В частности, для работы в Египте создана управляющая компания российской промзоны ПЗ (Russian Industries Overseas Egypt). В настоящее время управляющая компания занимается подготовкой девелоперского контракта с Главным управлением Экономической зоны Суэцкого канала. В нем будут прописаны все процедуры по созданию и развитию РПЗ, а также условия присоединения к ней иностранных резидентов, в том числе из числа СНГ.

Один из механизмов внешней координации может возникнуть через сеть объединенных офисов российских торгпредств (Минпромторг) и РЭЦ. Постепенно они станут элементом общей координации расширенного ЕАЭС, продвигая не только российскую продукцию, но и продукцию партне-

ров на внешние рынки. Новую систему Минпромторг протестирует на пилотной группе торгпредств в Китае, Вьетнаме, Сингапуре, Индии, Узбекистане, Германии и Турции.

К моменту возможного присоединения Узбекистана к соглашению о ЗСТ с ЕАЭС будет функционировать или находиться в высокой степени готовности:

- общий рынок электроэнергетики и связи;
- увеличена торговля в рублях;
- возрастет финансирование проектов со стороны ЕАБР и российских инфраструктурных банков;
- сформированы параметры общей пенсионной системы (соглашение о пенсионном обеспечении);
- будет пройден первый этап общего финансового рынка;
- возрастет количество проектов внутренней промкооперации.

На сегодняшний день, Евразийская экономическая комиссия подготовила проект Основных направлений промышленного сотрудничества на период до 2025 г. с перспективой до 2035 г. Документ предусматривает решение трех задач: стимулирование опережающего роста промышленного производства, развитие конкурентоспособности союзных производителей, а также формирование условий для сбалансированного долгосрочного развития промышленности в ЕАЭС.

На этапе обсуждения ЗСТ Узбекистана с ЕАЭС есть смысл провести мониторинг системообразующих предприятий республики с точки зрения получения возможных субсидий, расширяющих спектр товаров, потенциально относимых к «товарам ЕАЭС» (если они соответствуют критериям допустимости описанным в «Порядке признания товара совместно произведенным государствами-членами Союза утвержден Решением Коллегии Комиссии от 11 июня 2019 г. № 93»).

Что Узбекистан ожидает от России и ЕАЭС?

Ответ находится в программах «Концепция комплексного социально-экономического развития до 2030 года». Узбекистан планирует увеличить долю вклада

перерабатывающей промышленности в рост ВВП – с 21,9% в 2018 г. до 35,4% к 2030 г., в промышленности – с 47,6% до 89,6% (металлургия, нефтехимия, производство удобрений, новые энергосистемы, производство и сборка сельхозтехники, микроэлектроника). По сути, мероприятия данной концепции разработаны на стыке идеологии программ «устойчивого развития» ООН и принципами устойчивого развития бизнес-моделей, изложенных ведущими западными экономистами [Nidumolu, Prahalad, Rangaswami 2009: 56-64].

В ряду отдельных мер – доведение уровня глубокой переработки хлопка до 100%. Сохранение вклада металлургии в ВВП – 7,6% – при объеме экспорта металлов 8,2% от общего объема экспорта. Планируется разработка и внедрение инновационных технологий получения свинцово-кальциевых, свинцово-никелевых и других видов сплавов (с использованием редкоземельных металлов) на базе местных сырьевых ресурсов для развития автомобильной промышленности, производства редкоземельной продукции и развития ее сырьевой базы.

На период до 2025 г. рассматривается вопрос строительства собственного производства свинца мощностью 30 тыс. тонн в год на данном предприятии. Это позволит обеспечить собственным сырьем производителей современных накопителей энергии для автомобильной промышленности и солнечных фотоэлектрических станций. В перспективе возможно развитие производства высокоэффективных накопителей энергии (аккумуляторов) с использованием редких и редкоземельных металлов (литий, кадмий, никель).

Планируется производство высококачественных, экологически чистых и сложных минеральных и жидких удобрений, в том числе путем внедрения новых технологий по переработке фосфорсодержащего сырья и отходов угледобычи.

Ожидаются проекты по углубленной переработке метанола, обеспечивающей производство инновационных видов продукции с высокой добавленной стоимостью (производство бензина, нитрилакриловой кислоты, полипропилена и др.), что создаст условия

для производства ациклических углеводородов (этилен и пропилен), которые в свою очередь являются сырьем для производства полимеров пропилена (полипропилена).

Будут выделены средства для формирования собственного научно-технического потенциала по разработке и внедрению в производство новых современных видов сельскохозяйственной техники и совершенствование системы финансирования научно-технических разработок.

Таким образом, ЕАЭС должен продемонстрировать готовность предложить Ташкенту взаимодействие на своих технологических платформах. Евразийские технологические платформы (ЕТП) формируются как сеть сотрудничества между бизнесом, отраслевыми промышленными предприятиями, госконцернами и ведущими НИИ, университетами и образовательными учреждениями.

Всего по итогам двух лет работы ЕТП представлены 140 кооперативных проектов, из которых в процессе проработки определены 8 проектов, находящихся на инвестиционной стадии и которые могут быть реализованы при выделении кредитной линии со стороны ЕАБР. Около 40 проектов требуют более детальной проработки, 85 являются НИОКР и требуют венчурного финансирования. Развитие атомной отрасли в Узбекистане может стать толчком к развитию новой сферы промышленности и развитию медицинских услуг в республике.

«Северо-западный» выбор Ташкента: главный среди прочих

Фактически для Ташкента вариант ЕАЭС (взаимодействие в рамках ЗСТ с последующим возможным вступлением) выглядит как оптимальный сценарий глобализации.

Три основных компонента сближения – экономический, культурный и политический – вполне нейтральны, с предоставлением возможностей, но без излишнего давления и обязательств.

В рамках экономической глобализации ЕАЭС дает все возможности углублять трансграничную торговлю товарами и услугами по всем направлениям, включая преимущества ЗСТ с Ираном и Вьетнамом, возможность взаимодействия с Египтом и

Африкой [Евразийская интеграция в турбулентном мире 2019].

В рамках культурной глобализации вектор ЕАЭС позволяет сохранить нормы и культурные ценности внутри страны (единая гуманитарная политика), защитить традиционные ценности в диаспоре (комплиментарное отношение к исламской и тюркской культуре). Что сохраняет без культурных разрывов внутренний и внешний рынок труда, отвечая как экономическим, так и культурным запросам молодежи и среднего класса. В особенности это направление интеграции ЕАЭС выигрывает в сравнении с китайским и отчасти с европейским вектором [Шивовар 2019].

В рамках политической глобализации ЕАЭС имеет преимущества по двум направлениям. Постепенный рост наднациональной координации в рамках компетенции Евразийской экономической комиссии не делает интеграционные процессы такими болезненными, как в структурах жесткого подчинения. Сохраняется приверженность многовекторной политике, по сути, формируется ее новая модификация.

И наконец, евразийский вектор – это возможность коммуникации с Евросоюзом. Такой сценарий закалывался еще в процессе становления партнерства в 2014 г., однако был прерван, но теперь снова возобновляется. «Разморозка» отношений ЕАЭС и Евросоюза приведет к выравниванию крена в сторону Китая, вызванного объективным заполнением лакун в результате сворачивания программ ЕС в Центральной Азии. Безотчетливо того, как сложится в среднесрочной перспективе конфигурация «большой тройки» ЕАЭС-ЕС-Китай вокруг Узбекистана, движение Ташкента в сторону евразийского партнерства будет усиливать внешнюю политику республики и ее экономические возможности.

Выводы

Приближаясь к цели создания ЗСТ ЕАЭС - Узбекистан предполагается организация рабочей группы, включающей представителей основных отраслевых направлений, чиновников Минэкономики и Минфина стран участников процесса. Круг вопросов группы: таможенно-тарифное и нетарифное регулирование, техническое регулирование,

взаимная торговля услугами и инвестиции, транспорт и логистика, промышленность и агропромышленный комплекс, статистика, энергетическая политика, информационные технологии, функционирование внутреннего рынка, трудовая миграция, интеллектуальная собственность. В качестве общих рекомендаций, следует обратить внимание на следующие темы:

- создание экспортного Агентства ЕАЭС

Имеет смысл поставить перед ЕЭК и профильными ведомствами задачу создания Объединенного экспортного Агентства. Смысл этой структуры - снизить напряжение взаимно-пересекающихся товарных групп Узбекистана и Киргизии на крупнейших региональных рынках России и Казахстана. Кроме того, опыт РЭЦ показывает, что регулируемый характер национального экспорта товаров и услуг малого и среднего бизнеса стимулирует приток валюты из внешнего по отношению к ЕАЭС пространству.

В этом же ряду, как промежуточный этап - содействие Министерству инвестиций и внешней торговли Узбекистана в развитии торгпредств в тех странах, где Россия уже имеет фиксированные позиции. Множество экспортных позиций РФ и Узбекистана обладают синергией и не пересекаются.

- отраслевая промкооперация и промышленность

Необходимо исследовать возможность создания и сбыта в Узбекистане сегмента высокотехнологичной сборки аграрной и спец техники: беспилотные уборочные комбайны для различных аграрных культур. В рамках переговоров по ЗСТ или статусу наблюдателя возможно зафиксировать ограниченные по времени «скрытые» преференции для узбекских автопроизводителей на российском рынке.

В частности, в сфере автопрома эти преференции нужно понимать, как содействие общему производственному циклу. Компании «Татнефть» и «Узхимпром» создали СП, которое будет владеть активами «Первого резинотехнического завода» - единственного производителя шин в Узбекистане. Объем финансирования проекта оценивается минимум в 500 млн. долл. Мощность производства - 3 млн автомо-

бильных шин, 200 тыс. сельскохозяйственных шин и 100 тыс. погонных метров конвейерной ленты в год.

В свете открытия КАМАЗом нового производства, нужно указать, что отрасль становится ядром узбекского развития. В 2019-м г. в стране выпущено более 218 тыс. легковых автомобилей (рост 41,8%), 4 440 грузовиков (рост 31,8%), 165 тыс. автомобильных двигателей (43,3%).

- имеет смысл проработать возможность суммирующего взаимодействия Евразийского банка (ЕАБР) и ЕБРР по узбекским проектам.

ЕБРР имеет два офиса - в Ташкенте и Андижане (Ташкент подписал программу соглашения на общую сумму 246,1 млн. долл. на проекты в сфере энергетики и жилищно-коммунального хозяйства). Такая работа может стать началом взаимодействия ЕС и ЕАЭС поверх санкций.

- адаптация к ЕАЭС внешних партнеров Ташкента.

В частности, на определенном этапе Ташкент мог бы стать инициатором переговоров ЕАЭС с ОАЭ по созданию ЗСТ. Араб-

ское государство является, одним из ведущих инвесторов в республику: инфраструктура Самарканда (300 млн. долл.), строительство ветряной и солнечной электростанции (350 млн долл.) в Навоийской области, организация агрокластера по производству целлюлозы, комбикорма и стройматериалов (203 млн долл.) в Сырдарьинской области.

- в медиа сфере.

Сделать упор на массовый интерес. Сближение Узбекистана с ЕАЭС будет происходить в период отладки в объединении принципов «единого окна» для безбарьерной среды экспортно-импортных операций субъектов малого и среднего бизнеса. В перспективе должна быть разработана система интегрированных опций, позволяющая предпринимателю, имеющему потенциал экспорта товаров и услуг, максимально быстро выходить на рынки ядра и внешних партнеров. Также важно педалировать, тему вхождения Узбекистана в ядро ЕАЭС (по объему инвестиций, численности населения и росту ВВП).

Библиографический список

- Евразийская интеграция в турбулентном мире / Отв. ред. Л.Б. Вардомский. – СПб.: Алетейя, 2019. – 288 с.
- Кузьмина Е.М. Экономическое развитие стран ЕАЭС и перспективы экономической интеграции до 2025 года. М.: 2017.
- Пивовар Е.И. Евразийский интеграционный проект: предпосылки, становление, развитие. Глобальные процессы на постсоветском пространстве. СПб, 2019
- Пылин А.Г. Проблемы повышения связанности постсоветской евразийской интеграции // Общество и экономика, 2019. №11. С. 57-69.
- Попов В.В. Экономическое чудо переходного периода: как Узбекистану удалось то, что не удалось ни одной постсоветской экономике. // Журнал Новой Экономической Ассоциации, 2014. №1 (21). С. 136-159.
- Nidumolu R., Prahalad C.K., Rangaswami M.R. Why Sustainability is Now the Key Driver of Innovation // Harvard Business Review, 2009. September. Pp. 56-64.

Сведения об авторе: Караваев Александр Валерьевич, научный сотрудник Института Экономики РАН. (e-mail: a.karavai@mail.ru).

References

- Evrzjiskaya integraciya v turbulentnom mire / Отв. ред. L.B. Vardomskij. – SPb.: Aletejya, 2019. – 288 с.
- Kuz'mina E.M. Ekonomicheskoe razvitie stran EAES i perspektivy ekonomicheskoy integracii do 2025 goda. M.: 2017.
- Pivovar E.I. Evrazijskij integracionnyj proekt: predposylki, stanovlenie, razvitie. Global'nye processy na postsovetском prostranstve. SPb, 2019
- Pylin A.G. Problemy povysheniya svyazannosti postsovetской evrazijsкой integracii // Obshchestvo i ekonomika, 2019. №11. S. 57-69.

Popov V.V. Ekonomicheskoe chudo perekhodnogo perioda: kak Uzbekistanu udalos' to, chto ne udalos' ni odnoj postsovetskoj ekonomike. // Zhurnal Novoj Ekonomicheskoy Associacii, 2014. №1 (21). S. 136-159.

About the author: Karavaev Alexander V., researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (e-mail: a.karavai@mail.ru).

Основные этапы формирования внешней политики Республики Таджикистан

А.Н. Шарипов

Таджикский национальный университет, Душанбе, Республика Таджикистан

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению формирования внешней политики Республики Таджикистан в период независимости и ее основных этапов развития. Внешняя политика Республики Таджикистан формировалась в условиях тяжелого экономического кризиса, разрыва традиционных хозяйственных отношений и навязанной гражданской войны. Именно, правильное определение основных направлений внешней политики содействовал развитию внешнеполитического ведомства и увеличению имиджа страны на международной сцене. В статье освещены трудности формирования внешней политики Республики Таджикистана в начале независимости. Вместе с тем, подчеркивается, что каждому этапу развития внешней политики страны свойственны особенности и достижения. Также в статье освещены факторы, содействовавшие переходу на многовекторную внешнюю политику и достижения, которые покорились Таджикистану за годы независимости.

Ключевые слова: внешняя политика, национальные интересы, Республика Таджикистан, политика «открытых дверей», многовекторная политика.

The main stages of the formation of the foreign policy of the Republic of Tajikistan

A.N. Sharipov

Tajik National University, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Abstract. The article is devoted to the consideration of the formation of the foreign policy of the Republic of Tajikistan during the period of independence and its main stages of development. The foreign policy of the Republic of Tajikistan was formed in the conditions of a severe economic crisis, the rupture of traditional economic relations and the imposed civil war. Namely, the correct definition of the main directions of foreign policy contributed to the development of the foreign ministry and to increase the country's image on the international stage. The article highlights the difficulties of forming the foreign policy of the Republic of Tajikistan at the beginning of independence. At the same time, it is emphasized that each stage of the development of the country's foreign policy is characterized by features and achievements. The article also highlights the factors that contributed to the transition to a multi-vector foreign policy and the achievements that Tajikistan has submitted to over the years of independence.

Keywords: foreign policy, national interests, Republic of Tajikistan, open door policy, multi-vector policy, international community

Внешняя политика это взаимоотношение с другими государствами в интересах собственного государства; общий курс государства в международных делах. Внешняя политика регулирует отношения данного государства с другими государствами и народами в соответствии с его принципами и целями, достигаемыми применением различных средств и методов. Важнейшее средство внешней политики – дипломатия.

Внешняя политика неразрывно связана с внутренней политикой государства.

Внешняя политика той или иной страны представляет собой конкретное, практическое воплощение министерством иностранных дел (или соответствующим ему внеш-

неполитическим ведомством) основных принципов международной политики государства, вырабатываемых в рамках его более широких структур и призванных отражать его национальные интересы.

Предметом внутренней и внешней политики нередко являются национальные интересы государства, что доказывает их тесную взаимосвязь¹.

Все знают, что конечная цель каждой государственной политики - защита нацио-

---

¹ Тюрина И.А. Системный подход к изучению взаимосвязи внешней и внутренней политики Электронный ресурс. URL <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-k-izucheniyu-vzaimosvyazi-vneshney-i-vnutrenney-politiki>

нальных интересов. Поэтому настоящие политологи должны в мировом масштабе найти справедливый и рациональный баланс разносторонних интересов государств [Рахмонов 2004: 119].

Внешняя политика Республики Таджикистан также направлена для обеспечения национальных интересов, защиты прав граждан за рубежом и представления страны на международной арене. Официально с 31 декабря 2002 г. она называется политикой «открытых дверей».

Но необходимо отметить, что до официального провозглашения политики «открытых дверей» внешняя политика Республики Таджикистан преодолела трудный этап формирования. В целом, с учетом особенностей развития, решаемых задач, целей и перспектив внешняя политика нашей страны за прошедший 28 летний период формирования состоит из трех этапов.

Первый период начинается с приобретением государственной независимости. Этот период развивался очень медленно с учетом трудностей переходного периода, разрыва устойчивых экономических связей, финансово-экономического кризиса и навязанной гражданской войны.

Первые практические шаги на пути к признанию мировым сообществом, и вхождение в международные отношения были сделаны после официального прекращения деятельности Советского Союза (25 декабря 1991 г.). 4 - января 1992 г. Верховный Совет Республики Таджикистан (одиннадцатая сессия двенадцатого созыва) единогласно принял «Обращение Верховного Совета Республики Таджикистан к мировому сообществу наций», с просьбой признать независимость Таджикистана и установить с ней дипломатические отношения [Назриев, Саттаров 2005: 7].

Вхождение в ООН – это первый шаг для вхождения в глобальное течение международных отношений. Поэтому с обретением независимости одним из приоритетных направлений внешней политики Таджикистана было вступление в эту универсальную международную организацию.

29 января в адрес Президента Республики Таджикистан Р. Набиева от имени Генерального Секретаря Бутроса Гали поступила

телеграмма, в которой было сказано, что сегодня, 29 января 1992 г., на своем заседании Совет Безопасности без голосования принял резолюцию о рекомендации Генассамблее принять Республику Таджикистан в члены ООН [Назриев, Саттаров 2005: 32].

2 марта на состоявшемся пленарном заседании 46 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в члены ООН были приняты восемь стран-членов СНГ, среди которых был и Таджикистан. Решения о приеме новых членов были приняты без голосования, на основании единодушного одобрения [Назриев, Саттаров 2005: 65].

Принятие в членство этой авторитетной организации свидетельствует признание нашего суверенитета со стороны мирового сообщества. Таким образом, мы получили возможность быть причастными к мировым делам и общечеловеческим проблемам, находиться в русле современного цивилизованного развития человечества, иметь доступ к его достижениям в политической, экономической, социальной, гуманитарной и других важнейших сферах деятельности.

К моменту вступления в ООН нашу республику официально признали 83 государства мирового сообщества. Таджикистан стал участником Совещания по сотрудничеству и безопасности в Европе, активно включился в другие международные процессы [Шарипов 2012: 40].

Однако, обострения политического кризиса и гражданского противостояния в Таджикистане в 1992 г. препятствовали налаживанию более активного вовлечения страны в мировое русло. После исторической XVI сессии Верховного Совета Республики Таджикистан (которая состоялась в городе Худжанде с 16 ноября по 2 декабря 1992 г.) и прихода к власти Э. Рахмона наступил относительный период развития внешней политики. Глава таджикского государства с первых дней политического руководства выбрал многовекторную политику. Хотя с учетом гражданского противостояния и трудностей связанные с её последствиями реальное осуществление такой политики началось в XXI в., но этап формирования внешней политики страны постепенно выявил эту реальность.

Например, в первом обращении к народу Таджикистана от 12-го декабря 1992 г. Глава таджикского государства определил основные принципы внешней политики в котором «вхождение республики в мировое сообщество, установление дипломатических отношений со всеми странами, которые хотят развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество с Таджикистаном, вступление в международные организации, укрепление и дальнейшее развитие добрососедских связей и всестороннего сотрудничества с государствами СНГ, прежде всего – Российской Федерацией, Узбекистаном, Казахстаном, Кыргызстаном, Туркменистаном и другими» играли важную роль. [Рахмонов 2004: 6].

В направлении осуществления многовекторной политики Э. Рахмон на XVIII сессии Верховного Совета Республики Таджикистан от 28 декабря 1993 г. подчеркнул, что Республика Таджикистан по своему географическому, геополитическому местоположению и экономическим интересам входит в пять политических регионов:

- первый регион - союз независимых государств, которые, несмотря на трудности периода своего становления, стараются всемерно развивать внутренние связи;
- второй регион - Центральная Азия, которая идет по пути политической и экономической интеграции;
- третий регион - пространство жизни и действия соседних фарсиязычных государств, которые до сих пор не организовали у себя тот или иной политический или экономический союз. Их объединяют не только историческая, религиозная и культурная общность, но и реальные перспективы национального возрождения;
- четвертый регион - сфера влияния исламских государств Востока, которые связывают не только общность религии, обычаи, духовные ценности, но и возможности, и нужда национального возрождения.

Наконец, пятый регион - международное сообщество, внутренняя и внешняя интеграция которого усиливается с каждым днем и постепенно идет по пути к единой человеческой цивилизации. [Рахмонов 1995: 79].

С другой стороны, Таджикистан постепенно присоединился к международным конвенциям в направлении дипломатии,

примером которого можно считать Венскую конвенцию о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г.

Вместе с тем, если главной особенностью первого этапа внешней политики таджикского государства было становление, то его важной необходимостью и конечной целью стала достижение мира и национального согласия. Для становления успешной внешней политики способствовали принятие важных нормативно-правовых документов, которые определили его качественное развитие. Основными документами, содействовавшими успешному становлению внешней политики, можно считать следующие:

- Положение о Посольстве Республики Таджикистан от 23 января 1995 г. - № 165;

- Положение об основных правах и обязанностях Чрезвычайного Полномочного Посла Республики Таджикистан, аккредитованного в других государствах от 23 января 1995 г. - № 165;

- Закон Республики Таджикистан о единой протокольной практике - от 4 июля 1997 года.

- Консульский устав Республики Таджикистан - от 30 июля 1998 г. - № 275;

Следует подчеркнуть, что наряду с вхождением в мировое русло и нахождение своего достойного места на международной арене важнейшей задачей первого этапа формирования внешней политики Республики Таджикистан была достижение мира и национального согласия. Благодаря твердой позиции главы государства и последовательности в этом направлении эта цель была достигнута 27 июня 1997 г. В этот день Глава таджикского государства и лидер Объединенной таджикской оппозиции подписали Соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане [Шарипов, Фаттоев 2006: 129].

Наряду с этим с 2000 г. возник новый институт определения основных направлений внешней политики в форме ежегодных Посланий Президента Республики Таджикистан Парламенту, который свидетельствовал о качественном развитии внешней политики страны.

Второй этап начинается с началом нового тысячелетия. В этот период происходит

фундаментальные изменения в международных отношениях, связанные с известными трагическими событиями 11 сентября 2001 г. в США. Также прослеживается тенденция глобализации вопросов и проблем, стоящих на повестке дня ООН и других международных организаций, что наглядно свидетельствует о возрастании роли многосторонней дипломатии.

Протекающие процессы и тенденции начала XXI-го в. оказали серьезное влияние на геополитическую и геостратегическую роль исторической Центральной Азии, отдельных государств этого региона на региональное и межрегиональное взаимодействие.

В этих условиях особую актуальность приобретает учет и реализация новых возможностей и факторов межгосударственного и общерегионального сотрудничества современного типа. Осознавая это, Таджикистан стремится достичь устойчивого динамичного развития отношений со всеми странами мира в целом и региона в частности.

С другой стороны для провозглашения политики «открытых дверей» были несколько факторов и условий, которые требовали ведения многосторонней внешней политики. Эти факторы выражались в следующих аспектах:

- важное стратегическое расположение страны, которая охватывает одну из ключевых точек Центральной Азии;

- необходимость защиты государственного суверенитета – Независимость — это великая ценность. Она, прежде всего, свидетельствует о том, что нация обладает огромным людским потенциалом и может занять достойное место в ряду других народов мира [Рахмонов 2004: 353]. Также независимость — это чаяния и надежда каждой нации, для достижения, которого направляются старания и стремления народа. Но важнее считается защита независимости, которая в сложных современных условиях является одной из главных целей для каждого народа;

- с началом нового тысячелетия наблюдается повышение роли региона, которая была связана с началом антитеррористической кампании в Афганистане;

- необходимость сопротивления в борьбе с новыми нетрадиционными угрозами и коллективная безопасность;

- олицетворение культурно-исторических и традиционных ценностей таджикского народа, т.е. дружбы и добрососедства во внешней политике страны;

- соблюдение баланса в направлении основных приоритетов внешней политики государства;

- привлечения прямых иностранных инвестиций для возрождения экономики страны и реализации реформ в области развития республики и увеличения уровня благосостояния населения.

Также для этого были приняты нормативно-правовые акты, регулирующие внешнеполитическую деятельность республики, в том числе Закон Республики Таджикистан о международных договорах от 06.08.2001 г. № 31, 28.12.2005 г. № 142, 22.07.2013 г. № 1013, Концепция внешней политики Республики Таджикистан от 24 сентября 2002 г., Закон Республики Таджикистан о дипломатической службе от 2 декабря 2002 г.

Резюмируя вышесказанные слова можно подчеркнуть, что Таджикистан является страной с важным стратегическим и геополитическим расположением в Центральной Азии, и достижения какой роли в регионе и в мире Таджикистана, прежде всего, зависит от того, до какой стадии ведется правильная внешняя политика.

Эти факторы содействовали провозглашению политики «открытых дверей», которая подтверждает готовность страны к взаимодействию со всеми субъектами международных отношений на основе общепризнанных принципов и норм международного права.

Пройденное время доказало, что реализация политики «открытых дверей» во внешней политике является единственно правильным способом ведения отношений со странами мирового сообщества в сложнейших условиях фундаментальных изменений в международных отношениях.

Сегодня во время рассмотрения приоритетности и правильности политики «открытых дверей» мы можем подчеркнуть следующие достижения:

- установление дипломатических отношений Республики Таджикистан с 128 странами мирового сообщества;
- официальное признание государственного суверенитета Республики Таджикистан со стороны 151 стран планеты;
- членство в 51 престижнейших международных региональных организаций;
- подписание 1200 двусторонних соглашений со странами мирового сообщества;
- членство в 600 международных конвенций;
- товарооборот свыше со 100 странами мира;
- достижения в направлении международных инициатив (прежде всего по проблеме воды, сотрудничество в этой сфере и его превращения в важный фактор устойчивого экономического развития);
- председательство главы таджикского государства на 54 сессии Генеральной Ассамблеи ООН;
- предложение формулы мира и т.д.²

Важнее всего одним из больших достижений нашей страны в эпоху независимости является формирование и реализация внешней политики, осью которого составляет политика «открытых дверей».

Благодаря сбалансированной внешней политике на втором этапе наш Таджикистан приобрел свое достойное место в мире, наладил разностороннее сотрудничество со странами мира, международных и региональных организаций и международных финансовых институтов.

Но необходимо подчеркнуть, что коренные изменения международных отношений и уязвимость национальных государств в 2013-2014 гг. раскрыли новую реальность. Именно в это время начинается становление третьего этапа, связанного с возникновением новых угроз и реальностей в мировом масштабе.

В этой связи с учетом обеспечения национальных интересов должны внедрить новые ценности в новую концепцию внешней политики государства. Этими ценностями являются своевременное реагирова-

ние на современные реальности для защиты независимости и ведение сбалансированной внешней политики. Именно, поэтому новая Концепция внешней политики была принята 27 января 2015 г. по приказу Президента Республики Таджикистан, которая определяет и регулирует основные принципы, цели и задачи, приоритетных направлений внешней политики Республики Таджикистан с учетом долгосрочных национальных интересов страны³ [3].

Необходимость разработки и принятия настоящей Концепции вызвана конкретизацией целей, задач и направлений внешней политики Республики Таджикистан в изменяющихся условиях политической, социальной и экономическо-культурной жизни государства и формирования нового геополитического облика мира и региона во втором десятилетии XXI в. Концепция предусматривает разработку и реализацию внешней политики, содействующей соответствию развития страны с расширяющимися интеграционными процессами, регионализацией и глобализацией, предоставляющей новые приемлемые возможности для предотвращения и нейтрализации потенциальных угроз и вызовов, обеспечивающей необходимые основы для последовательной реализации национальных интересов на основе объективности и сбалансированности.

На этой основе во главе внешней политики нашего государства будет стоять содействие созданию атмосферы доверия и безопасности вокруг страны путем расширения и укрепления добрососедских отношений со всеми приграничными странами с использованием политических и дипломатических средств, постоянное проявление усилий и стремлений для своевременного решения актуальных вопросов региона⁴.

Внешняя политика страны под названием политика открытых дверей основывается

³ Концепция внешней политики Республики Таджикистан. Утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 27 января 2015 года, № 332. Электронный ресурс. URL <http://mfa.tj/?l=tj&cat=109&art=1072>

⁴ Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 22.12.2016 12:06, город Душанбе. Электронный ресурс. URL <http://www.president.tj/ru/node/13747>

² Достижения внешней политики Таджикистана. Электронный ресурс. URL <https://mfa.tj/ru/main/vneshnyaya-politika/dostizheniya-vneshnei-politiki-tadzhikistana>

на принципах дружбы и равноправных отношений со всеми странами.

"Ныне реализуемая Концепция внешней политики Таджикистана представляет собой логическое продолжение данного курса и обеспечивает вывод международных связей нашей страны на качественно новый уровень в новых условиях мирового развития", - подчеркнул глава государства в своем Послании Парламенту от 26 декабря 2018 г.

Во время выступления президент Таджикистана уточнил, что развитие и укрепление международного сотрудничества особенно важно при геополитической конкуренции и глобальных угрозах⁵.

Вместе с тем, были введены некоторые дополнения в Закон о дипломатической службе, (от 31 декабря 2014 г.) сделав суть и содержание данного закона более совершенным и дополненным.

Несмотря на успешность, внешняя политика Республики Таджикистан сталкивается с несколькими современными вызовами и угрозами, и устойчивость его дальнейшего развития зависит от противодействия и реагирования к ним:

- фундаментальные изменения в системе международных отношений с изменениями подходов соперничества сверхдержав и геополитических регионов;

- возникновение новых экстремистских и радикальных идей, в том числе религиозный экстремизм, националистские и неофашистские настроения - с учетом потери идентичности и распространения западных ценностей возникли и получили дальнейшее развитие националистические ценности, которые постепенно преобразовались в неофашистские и радикальные;

- уязвимость национальных государств и самодостаточный терроризм с элементами государственной структуры – данный вид сформировался после возникновения террористического государства ИГИЛ⁶;

- негативное влияние информационных угроз (промывание мозгов, привлечение молодежи посредством социальных сетей к

радикальным группировкам и распространение экстремистских религиозных идей);

- не впадать в геополитическую зависимость от сверхдержав.

В целом, глобальные угрозы и вызовы формируются с процессами глобализации и развиваются параллельно, поэтому нужны новые методы борьбы с ними. В этом русле единственным выходом из сложившейся ситуации является сплочение и объединение усилий государств мирового сообщества.

Мы находимся на стыке соединения цивилизаций и должны иметь особую роль. Это зависит от талантов руководства страны и внешнеполитического ведомства. Именно правильность определения сути и основных направлений внешней политики содействует увеличению статуса и авторитета страны на мировой арене.

⁵ Рахмон озвучил основные направления внешней политики Таджикистана. Электронный ресурс. URL <https://tj.sputniknews.ru/asia/20181213/1027708729>

⁶ Деятельность организации запрещена на территории РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Внешняя политика стран СНГ. – Москва, 2019. (Переиздание одноименного учебного пособия 2017 г.).
- Набиев Р.А., Шакиров И.Я.* Ареалы активизации исламских фундаменталистских течений в постсоветских среднеазиатских государствах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, 2015. Том 15, № 3. С. 83-90.
- Назриев Д., Саттаров И.* Республика Таджикистан: история независимости. Год 1992-й. Душанбе, 2005. С. 7, 32, 65.
- Рахимов К.Х.* Международно-правовые основы сотрудничества Республики Таджикистан с ШОС в сфере обеспечения безопасности и стабильности в многополярном мире // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 6. С. 1390-1401.
- Рахмонов Э.* Независимость Таджикистана и возрождение нации. Состоит из 7 томов. Том первый - Душанбе 2004 г, 358 с. С. 6, 119.
- Рахмонов Э.* Независимость Таджикистана и возрождения нации. Том 1. Душанбе, 2004. С. 353
- Рахмонов Э.* Таджикистан: четыре года независимости и самосознания (на таджикском языке) - Душанбе, 1995. С. 79.
- Рустамова Л.Р.* Гуманитарная деятельность ЕС в Центральноазиатских странах постсоветского пространства: вызовы и возможности для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, 2018. Том 18, № 2. С. 304-314.
- Сафарова Г.Ф.* Механизмы преодоления исламского экстремизма в контексте обеспечения национальной безопасности стран Центральной Азии // Постсоветские исследования, 2018. Т. 1. № 7. С. 707-717.
- Шарипов А.Н.* Из истории таджикско-казахстанских взаимоотношений (1991-2006 гг.). Душанбе, ЭР-Граф, 2012. С. 40.
- Шарипов А. Фаттоев С.* Эмомали Рахмон – основоположник мира и национального согласия (на таджикском языке) Д., 2006. С. 129.

Сведения об авторе. Шарипов Амриддин Нуридинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры дипломатия и внешняя политика Республики Таджикистан, Таджикского национального университета (email: amrsharif@mail.ru).

REFERENCES

- Vneshnyaya politika stran SNG. – Moskva, 2019. (Pereizdanie jednoimennogo uchebnogo posobiya 2017 g.).
- Nabiev R.A., Shakirov I.YA.* Arealy aktivizatsii islamskih fundamentalistskih techenij v postsovetskih sredneaziatskih gosudarstvah // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2015. Tom 15, № 3. S. 83-90.
- Nazriev D., Sattarov I.* Respublika Tadzhiqistan: istoriya nezavisimosti. God 1992-j. Dushanbe, 2005. S. 7, 32, 65.
- Rahimov K.H.* Mezhdunarodno-pravovye osnovy sotrudnichestva Respubliki Tadzhiqistan s SHOS v sfere obespecheniya bezopasnosti i stabil'nosti v mnogopolyarnom mire // Postsovetskie issledovaniya. 2019. T. 2. № 6. S. 1390-1401.
- Rahmonov E.* Nezavisimost' Tadzhiqistana i vrozozhdenie natsii. Sostoit iz 7 tomov. Tom pervyj - Dushanbe 2004 g, 358 s. S. 6, 119.
- Rahmonov E.* Nezavisimost' Tadzhiqistana i vrozozhdeniya natsii. Tom 1. Dushanbe, 2004. S. 353
- Rahmonov E.* Tadzhiqistan: chetyre goda nezavisimosti i samosoznaniya (na tadzhiqskom yazyke) - Dushanbe, 1995. S. 79.
- Rustamova L.R.* Gumanitarnaya deyatel'nost' ES v Central'noaziatskih stranah postsovetskogo prostranstva: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2018. Tom 18, № 2. S. 304-314.

Safarova G.F. Mekhanizmy preodoleniya islamskogo ekstremizma v kontekste obespecheniya nacional'noj bezopasnosti stran Central'noj Azii // Postsovetskie issledovaniya, 2018. T. 1. № 7. S. 707-717.

SHaripov A.N. Iz istorii tadzhiksko-kazahstanskih vzaimootnoshenij (1991-2006 gg.). Dushanbe, ER-Graf, 2012. S. 40.

SHaripov A. Fattoev S. Emomali Rahmon – osnovopolozhnik mira i nacional'nogo soglasiya (na tadzhikskom yazyke) D., 2006. S. 129.

About the author. Sharipov Amriddin Nuridinovich, candidate of historical sciences, associate professor of department of diplomacy and foreign policy Republic of Tajikistan, Tajik National University (email amrsharif@mail.ru).

Searching for middle power diplomacy. South Korea's approach toward Kyrgyzstan

E. Varpahovskis

Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea

Abstract. This study examines the relationship between Kyrgyzstan and South Korea from the perspective of middle power diplomacy. This study has a dual goal: first, to fill in the gap in study of the development of Kyrgyz-Korean relations which are rarely explored, even though South Korea considers Central Asia as a strategically important region in its foreign affairs; secondly, to analyze South Korea's foreign affairs in terms of following principles of middle power behavior, which is pronounced as one of the major concepts for foreign policies. This study examines the implementation of seven major middle power features by South Korea in relationships with Kyrgyzstan. The author concludes that South Korea gradually developed its middle power approach towards Kyrgyzstan, and it blossomed during Lee Myun-bak and Park Geun-hye's terms in office. However, even though middle power is considered as a cornerstone concept of South Korea's foreign affairs, in its relations with Kyrgyzstan South Korea cannot fully implement it. While South Korea efficiently conducts niche diplomacy, contributes to multilateral relations of Kyrgyzstan with other Central Asian republics, South Korea has almost intangible impact on trilateral relations between two great powers (China and Russia) and Kyrgyzstan. Author highlights that Moon's administration inherited from Park's administration its approach towards Kyrgyzstan and made some progress in elaboration of its ties with Kyrgyzstan, however, it should not be expected that South Korea will make breakthrough progress to meet missing middle power features in its policies towards Kyrgyzstan.

Keywords: middle power, Kyrgyzstan, South Korea, Central Asia, Kyrgyz-Korean relations, KOICA, Korea-Central Asia cooperation

В поисках дипломатии «средней силы». Подход Южной Кореи к отношениям с Кыргызстаном

Э. Варпаховскис

Университет Иностранных Языков Хангук. Сеул, Южная Корея

Аннотация. В данной статье рассматриваются отношения между Южной Кореей и Кыргызстаном с точки зрения концепции «средней силы» (middle power). При проведении данного исследования автор преследовал две основные цели. Во-первых, отразить взаимоотношения двух стран, так как тема отношений между Корейской Республикой и Киргизской Республикой представлена крайне скупо в научной литературе. Во-вторых, проанализировать политику Южной Кореи с точки зрения концепции «средней силы», которая до сих пор заявляется как одна из ключевых внешнеполитических концепций страны. Южнокорейские ученые и государственные деятели, подчеркивают, что для того, чтобы считаться «средней силой», необходимо проводить соответствующую политику, т.е. «среднесильность» страны определяется через её внешнеполитическое поведение. Автор данной статьи выделил семь ключевых принципов «среднесильности» государства, которые описывались южнокорейскими специалистами, и проанализировал политику Южной Кореи в отношении Кыргызстана на предмет соответствия данным принципам. Анализ показал, что наиболее активно и успешно Южная Корея стремилась проводить политику «среднесильности» в отношении Кыргызстана во время правления Ли Мён Бака и Пак Кын Хе. Тем не менее, ни при этих двух президентах, ни при Мун Джэ Ине Южная Корея не проводила и не проводит политику, которая полностью соответствовала бы заявленным принципам. Наибольшие затруднения у Южной Кореи при выполнении данных принципов возникают при попытках влияния на многосторонние отношения в центральноазиатском регионе, которые бы включали Кыргызстан и такие сверхдержавы, как Китай и Россию. Автор приходит к выводу, что несмотря на то, что Южная Корея продолжает развивать каналы дипломатии «средней силы» в отношениях с Кыргызстаном, как например нишевую дипломатию, при администрации Мун Джэ Ина не стоит ожидать прорыва, который

позволил бы южнокорейской политике в отношении Киргизской Республики соответствовать всем заявленным принципам дипломатии «средней силы».

Ключевые слова: средняя силы, Кыргызстан, Южная Корея, Центральная Азия, киргизско-корейские отношения, КОИКА, корейско-центральноазиатское сотрудничество.

Introduction

Diplomatic relations between Kyrgyzstan and South Korea¹ were established almost three decades ago in early 1992. Even before the collapse of the USSR, Korea had ties with Central Asian republics, which were parts of the Soviet Union at that time. That time there were two significant reasons for it: Korea was looking for new markets and suppliers that could satisfy the growing needs of the economy that experienced rapid growth, and also Korea was seeking to engage with Korean diaspora living in the Central Asia. Kyrgyzstan was one of the Central Asian republics that was approached by Korea, but as Aizharkyn Ormonova indicates, there is minimal attention in the academic literature that is dedicated to relations between two countries [Ormonova 2019].

Even though Korea tends to pay more attention to bilateral relations with Uzbekistan, Kazakhstan and Turkmenistan, in the latest available release of the Diplomatic White Paper by the Ministry of Foreign Affairs of Korea [MOFA 2018] Kyrgyzstan is mentioned as an essential member of Korea-Central Asian Forum, using which Korea tries to strengthen its presence and influence as a “mutually beneficial cooperation partners in Central Asian countries” [MOFA 2018: 181]. Furthermore, MOFA considers relations with Kyrgyzstan as a contribution to the overall success of New Northern Policy, which aims to “promote peace, stability, and prosperity in the Eurasian continent” [MOFA 2018: 91].

Assuming that middle power diplomacy is one of the central concepts for Korea's foreign affairs policy, the author of the research explores the implementation of this concept toward Kyrgyzstan. The aim of the paper is dual: to see the evolution of the relations between two countries and to learn whether Korea's policies towards Kyrgyzstan can be considered as middle power diplomacy.

Method

To do this research, the author uses the accumulated model of middle power diplomacy based on works of South Korean scholars. This

study also has a chronological nexus: the relations between Korea and Kyrgyzstan are divided into three core periods: when Korea was an “emerging middle power” (Roh Tae-woo till Roh Moo-hyun), “established middle power” (Lee Myung-bak and Park Geun-hye), and the current period (Moon Jae-in).

Korean Middle Power

The first attempts to develop a concept of the middle power are linked with Giovanni Botero, who in the XVI century apart from great powers ranked other countries, which were classified as countries as middle powers (that are capable of supporting themselves) and small powers (that require protection from stronger states to survive). In the XX and XXI century, this concept regained popularity because there appeared many countries that were seeking conceptualization of its foreign policy and status. While there was a set of attempts to classify middle power through geopolitical parameters like territory size, population, economy strength [Holbraad 1984, Ping 2005, Jordaan 2003], there was a proposition to define country type through its behavior, namely, the middle powers should conduct policies within *middlepowermanship* framework [Cooper, Higgot, and Nossal 1993: 12-17]. According to scholars, middle powers should take specific roles in international relations like conflict moderator, assistant in finding common ground to opposing powers, promoter, a user of non-conventional diplomacy methods, controller of the events [Cooper, Higgot, and Nossal 1993; Hart 1976].

Korean government decided to employ this concept in its foreign policy; however, taking into consideration the specific position of Korea in the region, the existing conceptual developments were not enough. Hence, some Korean scholars put much effort into the development of the middle power concept tailored specifically for Korean case [for example see Kang 2004; Choi, 2009; Kim 2016; Lee 2012; Sohn 2012, 2015; Chun 2014].

After analyzing academic literature on middle power, the author of the research comes up

---

¹ Hereafter Korea

with seven major features that describe the behavior of the middle power.

One of the significant middle power's functions is helping bigger powers to find common ground and routes for cooperation and consensus, as well as helping different networks [Choi, 2009; Sohn 2012].

The second behavioral feature of the middle power is using the power of networking, rather than relying on power sources derived from economic and military sources because smaller states have not very much advantage in it in comparison to great powers [Lee 2012].

The third feature touches upon involvement and activity of the middle power in building and designing system of the regional relations between countries [Sohn 2012]

The fourth behavioral feature of the middle power implies a country's active policies as an engaging actor between state and non-state actors [Lee 2012; Chun 2014].

The fifth feature of middle power concerns the source of influence. The middle power should be a strategically important element in the region and should use this advantage in building its relations with bigger and smaller countries in the region [Lee 2012].

The sixth feature is related to the use of non-trivial diplomacy methods or specific niches [Kim S.B. 2014; Kim S.J. 2014].

Finally, the seventh important feature of middlepowermanship is the conduction of policies in non-hierarchical mode and the absence of the aim to overtake leadership from the greater powers. Hence, the middle power should consider an approached country as a partner, not a satellite, or sphere of interests [Kang 2004].

Emerging Middle Power Period: from Roh to Roh

Even though Korean-Kyrgyz relations started right after Kyrgyzstan gained its independence, and by that time in Kyrgyzstan, there were many ethnic Koreans (about 20,000), the effective and intensive collaboration was limited. Unlike Uzbekistan and Kazakhstan, Kyrgyz Republic could not boast with enormous amounts of natural sources that could be exported or that could attract many investments. Simultaneously, due to the population of the country at that time was around five mln people and GDP per capita

did not exceed even US\$ 400, the market was much less interesting for Korean companies. For example, in the period from 1995 to 2002 Korea was the sixth among foreign direct investment (FDI) sources, with totaling only 6% of investments. While the first place was taken by Canada with 38.1%, and the USA was second with 14.1%. A most significant share of investments concentrated on the mining industry of Kyrgyzstan (55%), primarily gold mining [Dikkaya & Keles, 2006].

Starting from relations establishment, the Kyrgyzstan government showed some activity in maintaining and improvement of relationships with Korea, which resulted in visits by Prime ministers Chyngryshev (1993)², Jumagulov (1994) and even president of Kyrgyz republic Askar Akaev visited Korea in 1997. Some Korean business companies also tried to seize the opportunity and start doing business with Kyrgyzstan and in Kyrgyzstan. Among businesses who tried to enter Kyrgyzstan were LG-Goldstar, however further development was hindered by debt from Kyrgyzstan (about US\$ 3 mln), later in 1998, Hanwha launched a telecommunication project in Chuy Region by using a loan given to Kyrgyzstan by the Korean Economic Development Cooperation Fund (EDCF)³ [Saliyev 2011]. Nevertheless, due to a combination of factors, there was a limited scope of cooperative activity occurring between Kyrgyzstan and Korea. Among main factors that hindered Korea's cooperation with Kyrgyzstan for long period were political instability and high level of corruption in Kyrgyzstan [Knottnerus and Satke 2017], financial crisis that led to decrease of investment capabilities of Korea companies, status of Kyrgyz Republic as ODA recipient was still classified as Other Low Income Country, while Korea tends to focus on Low Middle Income Countries (LMIC) [Kim and Oh 2012; Smart 2011].

Re-activation of the dialogue occurred in 2002 when Kyrgyzstan agreed to host military medical personnel at Manas Air Base as a part of the antiterrorist operation after September 11, 2001. Of 150 personnel, 91 were South Koreans. Furthermore, dialogue between Korea and Kyrgyzstan intensified because Korea's preparation for hosting EXPO 2010 and Korea was seeking support from Kyrgyzstan, and after recovering

² He visited Daejeon Expo 1993

³ EDCF. (2012). *EDCF Your Development Partner. History Book 1987-2007*.

from the crisis was looking for new investment opportunities [Saliyev 2011]. Samsung was one of companies seeking new partners and investment opportunities and in 2001-2002, Samsung participated in the reconstruction of the road Bishkek-Osh [Saliyev 2011].

Even though business cooperation Kyrgyzstan and Korea were quite limited in the period when Korea was forming as a Middle Power and Kyrgyzstan was trying to improve its position and transit from Low-Income Country status to Low Middle Income Country the engagement between countries was ongoing. Perhaps, two of the most critical channels for relations maintaining and improvement were diaspora relations and culture- and education-based cooperation.

Despite difficulties and hinders in relations between government of Korea and Kyrgyzstan, financial obstacles that occurred in relations between governments and businesses cultural and education channel of cooperation was active, developed step-by-step and resulted in various projects that contributed to engagement between countries: Korean Education Center was opened in Bishkek in 2001 following agreements that were achieved during President Akaev's visit to Seoul. This Center mentions among its goals assistance to Koryo-saram in self-identification, promotion of Korean language and culture, promotion of education opportunities in Korea, and others. The Center reports about 3000 people currently enrolled in Korean courses in the Center and conduction of Korean language courses in 45 middle schools around Kyrgyzstan (about 4400 students of Korean language in these schools)⁴.

KOICA's office opened in Bishkek only in 2015 but organization was already providing assistance to Kyrgyzstan for the period of almost 20 years in various matters like providing facilities and electronics needed to educational institutions and administrative bodies, providing study grants to Kyrgyzstan citizens enrolled in various administrative bodies and ministries, consulting government of Kyrgyzstan on

different subjects that aim to contribute to development of Kyrgyzstan administrative system⁵ [Saliyev 2011].

Diaspora of Koreans keeps on serving as a bridge between Kyrgyzstan and Korea, and diaspora started organizing itself in different associations from 1989, those organizations and associations aimed to improve and re-store culture and language knowledge among ethnic Koreans living in Kyrgyzstan. In 1998 associations united into an organization for Koreans living in Kyrgyzstan, which is active in the promotion of Korean culture, language and traditions, charity activities, the establishment of business ties with Korea, and between diasporas in other CIS countries [Saliyev 2011, Won 2004].

One of the most critical features in relations between Korea and Kyrgyzstan are migration processes. After the dissolution of the Soviet Union, Kyrgyzstan labor migrants started arriving in Korea; however, this process started being regulated following agreements between governments only in 2007. In 2007 Korea issued 2000 people quota for labor workers from Kyrgyzstan [Saliyev 2011]. Later, governments of countries agreed on the quota of 2500⁶. In 2009 Kyrgyzstan and 14 other countries started sharing quota of 17000 people⁷.

During the period when Korea was forming as a Middle Power state and when Kyrgyzstan was evolving from the status of Low Income Country to the status of Low Middle Income Country relationship between countries was consistent, but depth of engagement was limited: Korea and Korean chaebols⁸ were careful in investing to Kyrgyzstan, Korean government was consistently supporting Kyrgyz government and organization through loans and grants, and various projects conducted through KOICA, but amount of this help also was not very generous. However, even in the early stages, Korea demonstrated some features of middlepowermanship in relations with Kyrgyzstan. Korea tried to use niche diplomacy and find sectors that were not yet dominated by great powers. Also,

⁴ Greetings from the Director of the Korean Education Center in Bishkek.

⁵ KOICA to open Bishkek Office. Press release. 2015 Retrieved from http://www.koica.go.kr/english/board/press_releases/1319425_3534.html

⁶ Bureau of Democracy, H. R., and Labor, US Dep't of State,. (2007). Country Reports on Human Rights Practices.

⁷ CA-News. (2009). South Korea introduced common quota for foreign labor workers from 15 countries, including Kyrgyzstan. Retrieved from <http://meta.kz//337620-juzhnaja-koreja-vvela-edinuju-kvotu-dlja.html>

⁸ Korean private corporations and conglomerates.

Korea was treating Kyrgyzstan in a partnership manner, avoiding the imperialist approach. The implementation of middle power diplomacy was not the primary strategy and approach during administrations of Roh Tae-woo, Kim Young-sam, Kim Dae-jung, and Roh Moo-hyun. Korea started to recognize itself as middle power starting from Lee Myung-bak presidency, the approach towards Kyrgyzstan changed accordingly.

Formed Middle Power: from Lee to Park

While the presidency of Lee Myun-bak relations between Korea and Kyrgyzstan reached a new intensity level. In relationships with Kyrgyzstan, as well as with other Central Asian countries, Korea was strengthening people-to-people diplomacy by providing scholarships to Kyrgyzstan citizens through programs like KGSP, OKF, KF, KOICA and others [Varpahovskis, 2017]. Furthermore, during Lee Myun-bak's presidency, Korea intensified cultural exchanges between countries and harvested benefits from Hallyu's⁹ success.

The Republic of Korea started actively using rhetoric about middle power, identify itself as middle power during the presidency of Lee Myung-bak [Kim S.M. 2016]. On the one hand, it was a conceptualized strategy to approach foreign partner countries; on the other hand, it was needed for self-identification and self-branding at the international arena [Ayhan 2019].

At this stage, cooperation between Kyrgyzstan and Korea intensified and expanded to different levels of cooperation. At the end of 2007, Korea established a diplomatic mission in Kyrgyzstan, and an embassy was opened. The same year was opened the employment center of Kyrgyzstan citizens in Korea¹⁰. Simultaneously business cooperation was growing, and even some investment projects resulted into joint production plants, like potato plant and phone assembling facilities [Sparling, 2009], building of houses by Korean construction companies in Bishkek¹¹, number of Kyrgyzstan citizens visiting Korea growth thanks to improved quota for labor workers and education grants given to

Kyrgyzstan citizens within various educational programs (KOICA, OKF, later KGSP and others). Cultural engagement and cooperation with KOICA were gradually evolving.

The turning point and crucial breakthrough in relations between Korea and Kyrgyzstan occurred in 2012-2013 when Kyrgyzstan was finally recognized as LMIC country, and Korea's focus on Kyrgyzstan increased drastically what resulted into growth of the given help through KOICA. Among KOICA projects in Kyrgyzstan are "The Election Management Capacity Building of the Kyrgyz Republic" (2014-2016), which aimed to help Central Election Commission of Kyrgyzstan to run electoral process in more democratic way; "Establishment of Land Information System (LIS) in the Kyrgyz Republic" (2015-2017) which aimed to help Kyrgyzstan unified land information system what should contribute to economic development and sustainable usage of these lands; establishing an e-NID System in the Kyrgyz Republic (2016-2017), which led to more transparent electoral process and improvement of e-government facilities; "Strengthening the Capacity of Forest Conservation of the Kyrgyz Republic" (2012-2015) aimed to contribute to conservation and cultivation of forests. In addition to it, there are ongoing projects like implementation of "Korean Rural Development Model"¹² (Saemaul Undong) in Kyrgyzstan aiming to improve living conditions of people from rural communities, KOICA's program in cooperation with World Food Program to help vulnerable communities in Osh, Jalalabad, Batken, Talas and Naryn provinces¹³. Intensification of cooperation between Korea and Kyrgyzstan was also accompanied by some progress in business ties what resulted in opening of Korea Eximbank in Kyrgyzstan, aimed to provide financial support to Kyrgyz-Korean projects¹⁴, Korea Hydro & Nuclear Power Co., Ltd. (KHNP) agreed to cooperate with Kyrgyzstan government in implementing hydraulic sector projects¹⁵, construction of small and middle hydropower plants by KEPCO have

⁹ Korean cultural wave

¹⁰ Shepelenko, A. (2017). Perspectives of cooperation. Slovo Kyrgyzstana. Retrieved from <http://slovo.kg/?p=93600>

¹¹ AKIPress. (2016). PR: South Korean construction company "Global Artis". Retrieved from <https://kg.akipress.org/news:630341>

¹² Saemaul Undong

¹³ KOREA INTERNATIONAL COOPERATION AGENCY (KOICA) KYRGYZ REPUBLIC OFFICE. Retrieved from <http://www.donors.kg/en/agencies/2905-koica#.WtlaKYhuZPY>

¹⁴ FOR.kg. (2014). Korean bank to open in Kyrgyzstan. Retrieved from <http://www.for.kg/news-292981-ru.html>

¹⁵ BusinessKorea. (2015). KHNP to Transfer Hydroelectric Power Generation Expertise to Kyrgyzstan. Retrieved

been discussed by years between government, however, final decision was not yet made¹⁶.

Even though Kyrgyzstan reached the LMIC status and started actively support Kyrgyzstan through KOICA, business projects remained small in number and incomparable to joint projects of Korea and Uzbekistan and Korea and Kazakhstan. There were few reasons for it, first of all, is that the gold mining industry is the core industry where international investors are aiming to when dealing with Kyrgyzstan, and this industry is already highly competitive. To enter this industry the potential investor has to prove its intentions with closer work with local government and pledge to contribute to the development of local community [Joo 2013], thus it is relevant to assume that Korean government's efforts oriented on improvement of forestry, administration¹⁷, healthcare¹⁸, that are undertaken under the emblem of KOICA and other organizations are a part of strategy to enter mining industry of Kyrgyzstan. Another issue that limited development of business ties between countries is a failure in cooperation between Korean companies which were investing in Kyrgyzstan under the name of "Central Asia Fez Development Corporation" and Free Economic Zone "Bishkek", argument between sides led to opposition between sides in the court and further Kyrgyzstan experienced reputational damage as an investment destination¹⁹. Another big failure for Korean investors and Kyrgyzstan government

was a project on construction of POSCO's aluminum-ferrosilicon plant, which was a secured deal and joint-project between Korea, Kyrgyzstan, and Kazakhstan, but because Kazakhstan and Kyrgyzstan were not able to agree on electricity tariffs this project was frozen after the stage of construction²⁰.

Perhaps such delays in active development of relations were also linked to political instability in Kyrgyzstan what led to two revolutions in 2005 and 2010. Only in December 2011 power transition period after the second Kyrgyz revolution was over, and Almazbek Atambaev became a president. Thus some political and economic stability was an essential factor for fostering ties between Korea and Kyrgyzstan. In favor of this argument speaks that fact that influx of development assistance to Kyrgyzstan from Korea happened after Atambaev's three-days-long visit to Korea in 2013, where he met Park Geun Hye, and they signed "basic agreement on grant-type aid" and Memorandum of Understanding "between the two countries on expanding bilateral cooperation in the energy, natural resources, and industrial sectors"²¹. Thanks to this agreement, the amount of help given by Korea to Kyrgyzstan within OECD framework grew significantly (see Table 1). This meeting was also expected to contribute to the development of Park's Eurasian Initiative. Thus Korea preferred to brand itself as a unifier for Eurasian Nations than middle power in talks with Kyrgyzstan.

from <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=11933>

¹⁶ Vzglyad. (2016). Korean Companies showed interest in investing to construction of small- and middle- hydro power plants in Kyrgyzstan. Retrieved from http://www.vzglyad.kg/econom/9085_koreyskie_kompanii_proyavili_interes_v_investirovani_i_malyih_i_srednih_ges_v_kyrgyzstane/.

K-News. (2017). It is planned to build 14 small power plants in Kyrgyzstan. Retrieved from <http://knews.kg/2017/05/v-kyrgyzstane-planiruyut-postroit-14-malyh-ges/>

¹⁷ KOREA INTERNATIONAL COOPERATION AGENCY (KOICA) KYRGYZ REPUBLIC OFFICE. Retrieved from <http://www.donors.kg/en/agencies/2905-koica#.WtlaKYhuZPY>

¹⁸ KABAR. (2017). South Korean charity fund provided medical equipment to the Ministry of Health of Kyrgyz Republic. Retrieved from <http://kabar.kg/news/blagotvoritel-nyi-fond-iuzhnoi-korei-peredal-minzdravumedoborudovanie-v-vide-gumpomoshchi/>

¹⁹ FOR.kg. (2013). FEZ "Bishkek" takes away from Central Asia Fez Development Corporation a part of rented

territory. Retrieved from <http://www.for.kg/news-220567-ru.html>

Isaeva, A. (2013). "Not free FEZ": Republic is on a way to have another international scandal. Retrieved from https://vesti.kg/?option=com_k2&view=item&id=19170:nesvobodnaya-ekonomicheskaya-zona-kyrgyzstanu-grozit-ocherednoy-mezhdunarodnyiy-skandal-i-millionnyie-sudebnyie-tyazhbyi&Itemid=77

²⁰ Minbaeva, A. (2017). Territory of despair: history of the Kyrgyz-Kazakh frozen plant. Retrieved from <https://ru.sputnik.kg/video/20171215/1036854240/territoriya-otchayaniya-istoriya-zamorozhennogo-kyrgyzskokazahskogo-zavoda.html>

Oh, S. (2013). POSCO : Kyrgyzstan aluminum-ferrosilicon secured. Retrieved: <http://www.4-traders.com/POSCO-6494927/news/POSCO-Kyrgyzstan-aluminum-ferrosilicon-secured-17039314/>

²¹ BusinessKorea. (2013). Korea, Kyrgyz Sign Agreement on Development Aid. Retrieved from BusinessKorea website: <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=2242>

Table 1. ODA aid to Kyrgyzstan by Korea, in mln USD.

Country	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Kyrgyzstan	0.61	0.15	0.71	0.72	1.83	1.21	1.00	1.33	2.36	7.97	9.32	11.99

Source: OECD QWIDS.

Korean efforts in the popularization of Korean culture among Kyrgyzstan citizens also positively resulted in people-to-people relations, for example, since 2007 to 2017 the number of Kyrgyz people who take Korean language proficiency test increased by more than 400% (from 187 in 2007 to 948 in 2017) (see Table 2). Most people are taking this test to qualify and continue their education in Korean higher education

institutions. Korea's policy in the promotion of own culture in Kyrgyzstan includes support of Korean diaspora. Diaspora plays dual role, both as a receiver of the support from Korea, mainly through government-sponsored agency Overseas Koreans Foundation, and also Korean diaspora is active in popularizing and spreading Korean culture in the place.

Table 2. TOPIK test-takers in Kyrgyzstan. Total number per year.

Country/Year	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Kyrgyzstan	187	198	153	373	560	534	600	625	750	901	948

Source: NIIED

Separately should be highlighted the progress of Korea in regional diplomacy. At the latest stage of the presidency of Roh Moo-hyun, in 2007, it was introduced the Korea-Central Asian Cooperation Forum, which aimed to strengthen relations of Korea with Central Asian republics and develop multilateral cooperation. Hence Lee Myung-bak's administration inherited from Roh Moo-hyun's administration an instrument of middle power diplomacy. This forum became a platform for meeting between representatives of Korea and Central Asia. Until 2016 countries were meeting annually, and even in 2013 in Bishkek, at the VIIth session of the Forum, sides signed a multilateral agreement enhancing cooperation in forestry¹. In 2016, member states established a permanent body – Secretariat of the Forum, which has headquarters in Seoul, and among its goals is the enhancement of the multilateral cooperation between Forum members and launching and management of the joint projects. However, while Kyrgyzstan was a permanent participant of the events organized under the Forum until recent, it was not a part of the Secretariat.

From the middle power diplomacy point of view, Korea made enormous progress during the presidencies of Lee Myung-bak and Park Geun-hye. Korea's foreign affairs policies towards Kyrgyzstan were tailored in a more middle power manner than before. The diversity of niche diplomacy was increased: Kyrgyzstan and Korea started having joint projects in the development of rural and remote areas, forestry, e-governance, education, and culture.

In comparison to the previous period, Korea started trying to approach Central Asian countries as a region and attempted boosting relations between countries of the region. Hence, Korea was trying to take the role of the regional relations system designer and moderator, while not trying to take away the major influence from traditional great powers in the region.

On the other hand, major middle power's goal is to help great powers to find consensus in the region. So far, Korea could not exercise this kind of behavior in the region. It could be explained by the fact that Korea geographically is far away from the region in comparison to China and Russia. Furthermore, China prefers to establish bilateral relations with the Central Asian

¹ History of Central Asia – Korea Cooperation Forum. Retrieved from <https://www.centralasia-korea.org/web/pages/gc29199h.do>

republics. On the other hand, Russia also tends to either conduct bilateral relations with Central Asian states or conduct them within the Eurasian Economic Union or the Commonwealth of Independent States, in which Korea does not have membership.

Rethinking middle power concept: Moon and after

It is too early to evaluate whether Moon Jae-in's administration conducted middle power diplomacy towards Kyrgyzstan, but in the most recent discussion, several scholars expressed skepticism that Korea's middlepowermanship was rather a branding project than the actual foreign policy concept [Ayhan, 2019; Robertson 2016]. Nevertheless, it is worth noting that the middle power concept was mentioned by Moon's administration in the White Paper by the Ministry of Foreign Affairs of Korea [MOFA 2018]. Korea considers Korea-Central Asian Cooperation Forum as part of its mini-lateral and middle power diplomacy [MOFA 2018]. Using this Forum, Korea tries to expand its niche diplomacy, and one of the common topics that was discussed at the session in 2018 was cooperation and water management.

Furthermore, at this session, Kyrgyzstan became a member of the Secretariat of the Forum.¹ It is fair to expect that Moon's administration will maintain some features of middle power diplomacy in relations with Kyrgyzstan. Korea will be using niche diplomacy and agreed on the expansion of these niches in Kyrgyzstan², namely helping Kyrgyzstan with e-governance and electoral capacity building, issuing electronic resident identity cards, and assisting in the establishment of the national infectious disease hospital. The cultural and education cooperation will also continue to develop, allowing Korea to increase the number of alumni of Korea's higher education programs and courses who are working in governmental structures. The development of rural communities is also continued³.

¹ MOFA (2018) 11th Korea-Central Asia Cooperation Forum Takes Place (November 6-7, Seoul). Press release. Retrieved from http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=320189

² MOFA (2018) Vice Minister Cho Meets Bilaterally with his Counterparts from Turkmenistan and Kyrgyzstan on Occasion of 11th Korea-Central Asia Cooperation Forum. Press release. Retrieved from

Secondly, Moon's administration inherited the multilateral body of the Secretariat of Korea-Central Asian Cooperation Forum, which also functions within a framework of the middle power diplomacy. So far, this body is a platform for 2.0 and 1.5 track diplomacy, but it has the potential to become a more prominent instrument of cooperation.

Thirdly, Korea will not pursue the goal of overtaking leadership in the region from Russia and China.

Fourth, the cooperation between Kyrgyz and Korean non-state actors might reach some progress. Mainly it should be expected from business enterprises representing Korea who are backed by the government and who want to establish themselves at the Kyrgyzstan market. Additionally, taking into consideration that Korea strongly backs education diplomacy in the region, it is fair to expect development in cooperation between private educational institutions and Kyrgyz private and state-owned institutions.

Even though several middle power features can be still observed in Korea's approach towards Kyrgyzstan, it is fair to admit that they were inherited by Moon's administration from previous administrations. Moreover, like previous administrations, Moon's administration also fails to function as a middleman between bigger power in the region, and Korea still lacks to have instruments to influence agenda in relations between Russia, China, and Kyrgyzstan. In this regard, Korea does not fulfill requirements to be considered as a middle power.

In the nearest future, during Moon's presidency, it should not be expected that Korea will make huge progress in the fulfillment of all needed middle power behavioral principles. Furthermore, taking into consideration ongoing instability in Kyrgyzstan caused by the arrest of the previous president, allegations in corruption of several high-ranked people of Kyrgyz government, and drop of Moon's rating in Korea

http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=320184

³ Kabar.kg (2019) South Korea to finance construction of social facilities in 12 villages of Batken Oblast. Retrieved from <http://kabar.kg/eng/news/south-korea-to-finance-construction-of-social-facilities-in-12-villages-of-batken-oblast/>

because of allegations in corruption of a few people of his team, and a failure in conduction of economic reforms create a situation when Korea would prefer maintaining existing status quo, instead of expanding its commitment in relations with Kyrgyzstan.

References

- Ayhan, K.J.* (2019). Rethinking Korea's Middle Power Diplomacy as a Nation Branding Project. *Korea Observer*, 50(1), 1-24.
- Choi, Y.J.* (2009). South Korea's regional strategy and middle power activism. *The Journal of East Asian Affairs*, 47-67.
- Cooper, A.F., Higgott, R.A., & Nossal, K.R.* (1993). Relocating middle powers: Australia and Canada in a changing world order (Vol. 6). UBC Press.
- Chun, C.* (2014). East Asian security and South Korea's middle power diplomacy. EAI Middle Power Diplomacy Initiative Working Paper 09.
- Dikkaya, M., & Keles, I.* (2006). A case study of foreign direct investment in Kyrgyzstan. *Central Asian Survey*, 25(1-2), 149-156.
- Hart, J.* (1976). Three approaches to the measurement of power in international relations. *International Organization*, 30(2), 289-305.
- Holbraad, C.* (1984). Middle powers in international politics. Springer.
- Jordaan, E.* (2003). The concept of a middle power in international relations: distinguishing between emerging and traditional middle powers. *Politikon*, 30(1), 165-181.
- Joo, J.* (2013). The Investment Environment Changes in the Mining Industry of the Kyrgyz Republic and Implications. 13 (12). Korean Institute of International Economic Policy. Retrieved from http://www.kiep.go.kr/sub/view.do?bbsId=search_report&nttId=185897
- Kang, D.C.* (2004). Hierarchy, Balancing, and Empirical Puzzles in Asian International Relations. *Quarterly Journal: International Security*, vol. 28. no. 3.
- Kim, S.B.* (2014). Cyber Security and Middle Power Diplomacy: A Network Perspective. *The Korean Journal of International Studies*, 12(2), 323-352.
- Kim, S.J.* (2014). South Korea's Climate Change Diplomacy: Analysis Based on the Perspective of 'Middle Power Diplomacy'. EAI Middle Power Diplomacy Initiative Working Paper 05
- Kim, S.M.* (2016). South Korea's Middle-power Diplomacy: Changes and Challenges. Chatham House.
- Kim, E.M., & Oh, J.* (2012). Determinants of foreign aid: The case of South Korea. *Journal of East Asian Studies*, 12(2), 251-274.
- Knottnerus, R., & Satke, R.* (2017). Kyrgyz Republic's experience with investment treaties and arbitration cases. Retrieved from <https://www.tni.org/en/publication/kyrgyz-republics-experience-with-investment-treaties-and-arbitration-cases>
- Lee, S.J.* (2012). South Korea as new middle power seeking complex diplomacy. EAI Asia Security Initiative Working Paper, 25, 19.
- MOFA (2018). 2018 Diplomatic White Paper. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of South Korea.
- Ormonova, A.* (2019). Study of Kyrgyz-South Korean Relations in the years of independence of Kyrgyzstan. *Humanities & Social Sciences Reviews*, 7(4), 881-885. <https://doi.org/10.18510/hssr.2019.74117>
- Ping, J.H.* (2005). Middle Power Statecraft: Indonesia, Malaysia and the Asia-Pacific, England and USA: Ashgate Publishing Limited, 51.
- Robertson, J.* (2016). An End to South Korea's Middle Power Moment? *East Asia Forum*.
- Saliyev, A.L.* (2011). East vector of Kyrgyzstan Foreign Affairs: Asia-Pacific region and Middle East. Bishkek, Kyrgyzstan: KRSU.
- Smart, C.B.* (2011). The economic of (Country) choice: South Korea and aid selectivity. *PEAR*, 3, 99-114.
- Sohn, Y.* (2012). 'Middle Powers' Like South Korea Can't Do Without Soft Power And Network Power. *Global Asia*, 7(3), 30-34.

- Sohn Y.* (2015). Searching for a new identity: South Korea's middle power diplomacy. *Fride, Policy Brief*, #212.
- Sparling, E.* (2009). Kyrgyzstan: Ethnic minority expands ties to South Korea. *Eurasia Net*.
- Varpahovskis, E.* (2017). Education as a Soft Power Tool: Korea's Approach toward Uzbekistan In *Ayhan, K.* (2017). *Korea's Soft Power and Public Diplomacy*. Hangang Network. Seoul.
- Won, L.M.* (2004). Koreans of Kyrgyzstan and Korean Language. Paper presented at the Actual Issues of Teaching of Korean Language in Higher Education Institutions of Kyrgyzstan, Bishkek, Kyrgyzstan.

About the author: Eriks Varpahovskis, Ph.D. Hankuk University of Foreign Studies, Graduate School of International and Area Studies, Imun-ro, 107, Dongdaemun-gu, Seoul, Republic of Korea (Email: erix.vars@gmail.com).

Об авторе: Эрик Варпаховскис получил степень Ph.D. (международные отношения) в Университете Иностранных Языков Хангук (Hankuk University of Foreign Studies). В данный момент Эрик занимается исследованиями в области публичной дипломатии и мягкой силы (Email: erix.vars@gmail.com).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Энергетические ресурсы как инструмент внешней политики России

А.Г. Ибрагимов

Бакинский Государственный Университет, Баку, Азербайджан

Аннотация. В статье рассмотрены моменты, определяющие эффективность энергетических инструментов для достижения целей внешней политики России. В статье подчеркивается, что инструменты могут иметь как позитивные, так и непредвиденные негативные последствия для стран-потребителей на постсоветском пространстве.

Энергетические инструменты принудительного характера можно приравнять к санкциям, поскольку они должны иметь нежелательные последствия для стран-потребителей и заставлять их менять свою внутреннюю и внешнюю политику. Россия использовала принудительные инструменты в своей внешней политике чрезвычайно широко в случае Украины. Для достижения своей цели Москва угрожала сократить транзит газа и нефти и фактически сократила его, были озвучены угрозы повысить цены на природный газ, и они были увеличены, а поставки и транзит газа были прекращены. Используя эти инструменты, Россия также настаивала на том, чтобы Украина изменила свою внешнюю политику: присоединилась к Таможенному союзу и Евразийскому экономическому союзу; продлить срок дислокации Черноморского флота в Севастополе; сохранять пророссийскую ориентацию; снизить интенсивность сотрудничества с Западом; ограничить участие в противостоящих международных организациях.

Инструменты влияния влияют на уязвимость стран-потребителей, поскольку они увеличивают как вероятность использования обязательных инструментов, так и чувствительность к их использованию. Пример Беларуси - прекрасная иллюстрация такого случая. Постоянно субсидируя энергетические ресурсы, Россия поддерживает Александра Лукашенко, выживание которого напрямую зависит от экономической стабильности государства, в то время как экономическая конкурентоспособность страны зависит от низких цен на ресурсы. В обмен на дотации Москвы Минск продолжил свою пророссийскую внешнюю политику, осуществил интеграцию в Таможенный союз, Единое экономическое пространство и Евразийский экономический союз, а также позволил российским компаниям расширить свои права собственности в энергетическом и других секторах экономики.

Использование энергетических инструментов для достижения целей внешней политики имеет последствия не только для стран-потребителей, но и для стран-поставщиков. Когда страна-поставщик использует инструменты принуждения, она может столкнуться с негативными реакциями и действиями стран-потребителей, которые вынуждают страну-поставщика прекратить использование этих инструментов, уменьшить влияние инструментов или иметь другие непредсказуемые последствия.

Пример России показывает, что использование таких инструментов влияния, как ценовые скидки, напрямую снижает доходы страны-поставщика, поскольку это оказывает негативное влияние на сбор бюджета. Однако очевидно, что энергетические ресурсы будут продолжать играть важную роль во внешней политике России.

Ключевые слова: энергетика, внешняя политика, государственность, неоклассический реализм, постсоветское пространство.

Energy Resources as a Tool for Foreign Policy of Russia

A.G. Ibrahimov

Baku State University, Baku Azerbaijan

Abstract. The article describes the moments that determine the effectiveness of energy tools for achieving the goals of Russian foreign policy. The article stresses that the tools can have both positive and unforeseen negative consequences for consumer countries in the post-Soviet space. Energy

instruments of a coercive nature can be equated to sanctions, since they should have undesirable consequences for consumer countries and force them to change their domestic and foreign policies. Russia used coercive instruments in its foreign policy extremely widely in the case of Ukraine. In order to achieve its goal, Moscow threatened to reduce the transit of gas and oil and actually reduced it, threats to raise natural gas prices were voiced, they were increased, and gas supplies and transit were stopped. Using these tools, Russia also insisted that Ukraine change its foreign policy: join the Customs Union and the Eurasian Economic Union; extend the deployment of the Black Sea Fleet in Sevastopol; maintain a pro-Russian orientation; reduce the intensity of cooperation with the West; limit participation in opposing international organizations. Influence instruments affect the vulnerability of consumer countries, as they increase both the likelihood of using obligatory instruments and their sensitivity to their use. The example of Belarus is an excellent illustration of such a case. By constantly subsidizing energy resources, Russia supports Alexander Lukashenko, whose survival directly depends on the economic stability of the state, while the country's economic competitiveness depends on low prices for resources. In exchange for subsidies from Moscow, Minsk continued its pro-Russian foreign policy, integrated into the Customs Union, the Common Economic Space and the Eurasian Economic Union, and also allowed Russian companies to expand their property rights in the energy and other sectors of the economy. The use of energy tools to achieve foreign policy objectives has implications not only for consumer countries, but also for supplier countries. When a supplying country uses coercive tools, it may experience negative reactions and actions by consuming countries that force the supplying country to stop using these tools, reduce the impact of tools or have other unpredictable consequences. The example of Russia shows that the use of such instruments of influence as price discounts directly reduces the income of the supplier country, since this has a negative impact on the collection of the budget. However, it is obvious that energy resources will continue to play an important role in Russia's foreign policy.

Keywords: energy, foreign policy, statehood, neoclassical realism, the post-Soviet space

Энергетические ресурсы стали неотъемлемой частью внешней политики. По словам Хэдфилда, «государства теперь стремятся к энергетической безопасности в том же смысле, что и к военной или экономической безопасности». Венгер утверждает, что энергетическая политика стала неотделимой от внешней политики, «производители и потребители больше не могут отделять свою энергетическую политику от своей внешней политики и политики безопасности» [Wenger 2009: 226]. В своем определении энергетической безопасности стран-потребителей Ергин подчеркивает связь между стабильными поставками по разумным ценам и внешней политикой и заявляет, что «целью энергетической безопасности является обеспечение адекватных, надежных поставок энергии по разумным ценам и способами, которые позволяют не ставить под угрозу основные национальные ценности и задачи» [Yergin 1988: 111]. Поскольку энергоресурсы могут использоваться для воздействия на потребителей, для производителей энергоресурсов эти ресурсы стали

инструментами внешней политики [Stegen 2011].

Аналитики выявили отсутствие систематических исследований и всестороннего анализа роли энергетических ресурсов во внешней политике [Levi 2010:5]. Исследователи лишь эпизодически обсуждают эффективность применения энергетических ресурсов для достижения целей внешней политики. Среди исследователей, попытавшихся анализировать энергетические ресурсы во внешней политике, можно упомянуть Шаффер, которая рассмотрела связи между стабильностью поставок природного газа и внешней политикой между Россией и странами-потребителями на постсоветском пространстве [Shaffer 2012]]. Роберт Р. Ларссон пытался классифицировать энергоресурсы во внешней политике России в соответствии с влиянием использования энергоресурсов на страны-потребители [Larsson 2006:177]. Однако его классификация не является полной или последовательной.

Энергетические ресурсы во внешней политике могут быть как ее объектами, так и инструментами для достижения определен-

ных целей, которые в каждом отдельном случае определяются путем анализа стратегий внешней политики и политики национальной безопасности, выступлений и действий правительственных чиновников. В результате стратегического значения энергетических ресурсов, они являются не только объектами торговли, но и объектами доминирования в международных отношениях [Bobo 2003:67]. В глобальной энергетической системе для стран-поставщиков энергоресурсы становятся инструментами, которые позволяют преобразовывать энергию в энергетическом секторе в экономическую или любые другие виды власти и приобретать или усиливать влияние на других субъектов международной системы. Значение энергетических ресурсов как инструментов внешней политики возрастает, поскольку они заполняют нишу, которая возникает, когда военные инструменты внешней политики заменяются другими инструментами. По словам Ная, «многие государства, особенно крупные, считают более затратным использование военной силы для достижения своих целей, что было справедливо в прежние времена» [Nye 2011: 28]. Использование энергетических инструментов во внешней политике может иметь огромное влияние на государства, против которых они используются.

Дихотомия между странами-потребителями и странами-поставщиками не так строга, как кажется, и приверженность ей упрощает взаимодействие между участниками глобальной энергетической системы, не раскрывая при этом сложности отношений между поставщиками и потребителями, которые также охватывают другие области взаимодействия между субъектами международной системы. Согласно реалистической парадигме, государства всегда пытаются расширить свою власть в отношении других участников международной системы [Morgenthau 1948: 13]. Исходя из этого предположения, можно утверждать, что страны-поставщики также пытаются расширить контроль над энергетическими ресурсами и энергетической инфраструктурой за пределами своих границ и таким образом увеличить их влияние на субъектов международной системы. Энергетические ресурсы

и энергетическая инфраструктура также становятся объектами внешней политики стран-поставщиков, для приобретения которых энергетические инструменты могут быть потенциально использованы. Благодаря своему преимуществу в энергетическом секторе страны-поставщики энергоресурсов могут гораздо легче расширить свое влияние, чем страны-потребители, и это приводит к большому накоплению их мощности.

Расширение контроля над инфраструктурой добычи и транзита ресурсов трансформирует региональный и глобальный геоэнергетический контекст и расширяет возможности для формирования и преобразования геоэнергетической системы. Следовательно, власть в энергетическом секторе может быть разделена на два типа власти в международной системе. Первый тип - власть как валюта, когда эта власть превращается или обменивается на другие виды власти. Второй - власть как контекст и структура, которые заставляют других участников международной системы в определенной степени действовать в соответствии с параметрами, установленными государством, которое доминирует в глобальной или региональной энергетической системе.

Пример России объясняет, как государство извлекает дивиденды из своей власти в энергетическом секторе, то есть трансформирует свою национальную власть в возможности государства в международной системе, и использует эти возможности во внешней политике для достижения своих целей. Национальная мощь в энергетическом секторе состоит из энергетических ресурсов на территории страны, эксплуатируемых национальными или частными компаниями, а также инфраструктуры, контролируемой национальными или частными компаниями. Однако это не означает, что вся национальная власть в энергетическом секторе может быть преобразована в возможности международной системы. Национальная власть по-прежнему является фундаментальной силой, которая определяет характер воздействия на международную систему и амбиции государства [Hill 2003: 136]¹. Гос-

¹ Hill C., *The Changing Politics of Foreign Policy*, 136.

ударство не обязательно должно осуществлять внешнюю политику, модели которой определяются динамикой национальной власти, потому что выбор внешней политики зависит только от восприятия ответственных лиц, принимающих решения в государстве.

Национальная власть России в энергетическом секторе является одной из самых больших в мире, но российское государство не всегда может использовать всю эту власть для достижения своих внешнеполитических целей. Российское государство может использовать только часть национальной энергии и только эта часть может быть превращена в ее возможности в международной системе.

Виды энергетических инструментов во внешней политике России

Элементы государственной власти, доступные государству в энергетическом секторе, становятся возможностями государства в международной системе для достижения своих целей внешней политики. Накопленные государством возможности, когда они используются во внешней политике, становятся инструментами внешней политики.

Энергетические ресурсы могут также использоваться, чтобы побудить страны-потребители добровольно осуществлять политику, желаемую странами-поставщиками. Энергетические инструменты внешней политики можно разделить на два вида: инструменты принуждения и инструменты влияния. Типы энергетических инструментов во внешней политике были обозначены и в некоторой степени классифицированы на основе универсальной пирамидальной модели инструментов внешней политики, разработанной Хиллом [Hill 2003: 134].

Инструменты первого типа - угрозы сокращения энергопоставок и сокращения поставок ресурсов (от минимального сокращения до полного отключения). Угроза сокращения или прекращения поставок всегда делалась до сокращения и прекращения поставок природного газа или нефти.

Второй тип инструментов - угрозы повышения цен на энергоносители и их повышения. Инструменты для применения угроз для повышения цены или ее повышения яв-

ляются более значительными, когда страна-потребитель платит более низкую цену по сравнению с другими потребителями в регионе. До сих пор к Беларуси применяется более низкая цена, а Армении предоставляются также субсидии на цены на газ. Субсидии предоставлялись Украине до 2009 г. и Грузии до 2006 г. Ценовые скидки и субсидии упрощают использование такого инструмента. Перед крупными энергетическими конфликтами с Беларусью и Украиной Россия угрожала повысить цены на природный газ.

Третий тип инструментов - угрозы сократить транзит энергоресурсов и сократить транзит (от минимального сокращения до полного отключения). Транзит газа и нефти через Украину практически постоянно сокращался с 2005 г. По данным Нафтогаза Украины в 2014 г. транзит природного газа через Украину составил только 62,2 млрд. м³ против 136,4 млрд. м³ в 2005 г.

Четвертый тип инструментов - угрозы увеличения экспортных тарифов и повышения экспортных тарифов. В 2007 г. Россия увеличила экспортные пошлины на нефть, экспортируемую в Беларусь.

Наконец, пятый тип инструментов - угрозы, требующие покрытия долгов и требования по погашению долгов. Угрозы обычно делаются перед тем, как выдвигать требования об урегулировании долгов. Требования урегулирования задолженности зависят от того, имеет ли задолженность страна-потребитель и насколько страна-поставщик готова терпеть эти долги. Примеры Беларуси, Молдовы и Украины показывают, что Россия по-разному переносила уровень задолженности. Россия также в разное время проявляла различную терпимость к белорусским долгам, в зависимости от интересов своей энергетики и внешней политики. До 2006 г. Россия была более терпимой к белорусским долгам за энергоресурсы, хотя иногда (в 2002 г.) требовала погашать долги. В 2006 г. президент В. Путин подписал распоряжение об изменениях в торгово-экономической и налогово-бюджетной политике в отношении Беларуси, что позволило уменьшить поддержку Беларуси и расширить рыночный подход в экономических отношениях. Москва мири-

лась с долгами Приднестровья за газ, но не с Молдовой. В июне 2005 г. «Газпром» потребовал погашения долга, связанного с исчезновением газа из хранилищ в Украине осенью 2004 г., стоит отметить, что этот вопрос не поднимался более полугода и поднимался только после «оранжевой революции». После парламентских выборов в Украине в октябре 2007 г., когда было очевидно, что правительство сформирует Юлия Тимошенко, «Газпром» потребовал урегулирования долгов. С января 2008 г. «Газпром» требовал, чтобы Украина погасила свои долги в результате увеличения поставок газа из Центральной Азии, хотя Украина ранее не была проинформирована об изменении состава природного газа. Требования в 2008 г. и долги Украины дали повод для газового конфликта в 2009 г. Возможность задержки Украиной погашения своих долгов на весь 2009 г., послужила поводом для прекращения поставок газа. В 2010 г. от Беларуси потребовали погасить свои долги за газ, и произошел кратковременный сбой в поставках газа. В ноябре 2013 г. «Газпром» и правительство России потребовали, чтобы Украина погасила долги за природный газ, что заставило Украину не подписывать DCFTA (Глубокая и всеобъемлющая зона свободной торговли) и Ассоциированное Соглашение с ЕС, но позже Россия меняет свою позицию, когда Украина отказывается подписывать упомянутые соглашения. В июле 2015 г. Газпром прекратил поставки природного газа в Украину, поскольку Украина не произвела «предоплату»¹.

Последние три типа инструментов зависят от условий в отношениях между поставщиком и потребителем. Угрозы по сокращению транзита могут быть использованы только против страны-потребителя, которая также является страной транзита. Угрозы повышения экспортных пошлин и их повышение зависят от условий торговли энергоресурсами между странами-экспортерами и потребителями. Если страна-экспортер имела льготы по уплате экспортных пошлин для конкретных стран и

решила отказаться от таких льгот, исходя не из экономических, а из политических интересов, это можно расценивать как обязательный инструмент. С другой стороны, более высокие цены на энергоресурсы могут быть отнесены на счет определенной страны, если освобождение от пошлин применяется к другим странам региона, это также может быть воспринято как инструмент внешней политики.

Анализ отношений России с постсоветскими странами показывает, что использование энергетических инструментов является избирательным, поскольку ответственные лица свободно интерпретируют условия, определяющие использование инструментов. Например, в 2006 г. поставки газа в Украину были приостановлены из-за отсутствия соглашения, тогда как в 2007 г. газ поставлялся в Беларусь без официального подписания соглашения. Такое свободное толкование лицами, принимающими решения, когда и как использовать энергетические инструменты, не позволяет вводить какую-то модель, объясняющую, какие именно энергетические инструменты используются страной-поставщиком. Рациональный подход предполагает, что вначале в интересах стран-поставщиков использовать менее строгие инструменты, которые потенциально могут привести к менее негативным последствиям для страны, которая применяет эти инструменты. Тем не менее, выбор инструментов не обязательно является последовательным, то есть ответственные лица, принимающие решения, не обязательно исходят из инструментов, которые имеют менее серьезные последствия, и переходят к инструментам, которые имеют более серьезные последствия. Выбор инструментов зависит от оценок, сделанных ответственными лицами, принимающими решения, и решений, основанных на этих оценках.

Инструменты влияния, как и инструменты принуждения, связаны с активными действиями государства-поставщика в отношении страны-потребителя.

Из ранее упомянутого анализа инструменты влияния определены и разделены на следующие пять типов в зависимости от их влияния на страну-потребителя. Первый тип инструментов - обещает снижение цен на

¹ "Russia halts gas supplies to Ukraine after talks breakdown", BBC, 1 July 2015, <http://www.bbc.com/news/world-europe-33341322>.

ресурсы и их снижение. Цена на природный газ для Украины была снижена в 2010 г., когда она подписала соглашение о продлении срока размещения Черноморского флота в Севастополе. Россия ввела скидки на природный газ, чтобы обеспечить свое военное присутствие в Украине и сохранить позиции для проектирования военной мощи в более широком географическом пространстве. Эта скидка была отменена после Крымского кризиса.

Цена на газ для Беларуси была снижена в 2006 г., когда она продала 50% акций Белтрансгаза (Белтрансгаз). Когда в 2010 г. Беларусь решила вступить в Таможенный союз, снижение цены на нефть было продлено. Когда в 2012 г. Беларусь решила вступить в Евразийский экономический союз, цена на газ была снижена. После того, как Украина не подписала Соглашение о создании зоны глубокой и всеобъемлющей свободной торговли, и ассоциации с ЕС, Россия предоставила большие скидки на природный газ¹. С помощью скидок Россия платила за благоприятную политику Украины и Беларуси.

Второй тип - предложения по увеличению транзита и его увеличению. После того, как Газпром приобрел Белтрансгаз, транзит газа через Беларусь был увеличен. «Газпром» пообещал, что, если 50% акций «Нафтогаза», который контролирует магистральные трубопроводы в Украине, будут проданы, транзит газа через Украину будет увеличен.

Третий тип - предложения по снижению экспортных тарифов и их снижению. До 2007 г. Россия не вводила экспортные пошлины на нефть, экспортируемую в Беларусь несмотря на то, что последняя не соблюдала двустороннее соглашение и не перечисляла часть собранных экспортных пошлин в бюджет России. Беларусь пользовалась освобождением от экспортных пошлин еще до вступления в Таможенный союз.

Четвертый тип - отсрочка или отказ от долгов. Россия не требовала, чтобы Украина оплачивала свои долги за газ, когда в 2004 г. на Украине проходила кампания президентских выборов и когда Россия поддерживала премьер-министра В. Януковича перед парламентскими выборами в 2007 г. Газпром долго терпел долги Приднестровья, но не терпел долги Молдовы. В ноябре 2013 г. была очевидна связь между решением Украины не подписывать DCFTA и Соглашение об ассоциации с ЕС и решением "Газпрома" отложить покрытие долей за природный газ.

Наконец, пятое - предложения по увеличению предложения ресурсов и увеличению предложения. В 2010 г. Россия предложила увеличить поставки газа в Украину в обмен на продажу 50% акций Нафтогаза Газпрому. Однако этот инструмент более ограничен, поскольку страны-потребители обычно импортируют необходимое количество энерго-ресурсов, и без возможности реэкспорта для получения прибыли нет стимулов для импорта большего количества ресурсов. В то же время страны-потребители импортируют энергоресурсы из стран-поставщиков, предлагающих лучшие цены, поэтому цена является более важным и более широко применимым инструментом.

Возможности использования указанных инструментов зависят от скрытой власти страны-поставщика над странами-потребителями. Эта скрытая сила естественным образом развивается в результате зависимости страны-потребителя от страны-поставщика - определенного геоэнергетического пространства. Скрытая власть развивается через контроль поставок и транзита. Скрытая власть определяет, насколько интенсивно страна-поставщик может использовать энергетические инструменты во внешней политике, чтобы влиять на поведение стран-потребителей. Россия доминирует в геоэнергетическом пространстве Восточной и Центральной Европы, и Центральной Азии, она одна может обеспечить необходимые поставки природного газа в Беларусь, Украину, Молдову, страны Центральной Европы, Балканы, Финляндия, Словакия, Греция и Турция. В то же время Россия контролирует альтернативный транзит из Цен-

¹ "Украина добилась снижения цены на российский газ в полтора раза" [Ukraine has reached an agreement to decrease Russian gas price for 1.5 times], Newsru.com, 17 December 2013,

тральной Азии в Европу и реализует проекты, позволяющие ограничить доступ других поставщиков в Европу. Шамбо отмечает, что чем больше зависимость, тем больше вероятность того, что использование инструментов даст ожидаемый результат [Shambaugh 1996]. Уровень доминирования страны-поставщика над страной-потребителем определяет силу ее переговорных позиций и возможности использования. Таким образом, чем больше доминирует Россия над энергетическим сектором страны-потребителя, тем больше у нее возможностей реализовать внешнюю политику применения энергетических инструментов.

Факторы, определяющие эффективность энергетических инструментов во внешней политике

Энергетические инструменты внешней политики используются для достижения определенных целей внешней политики, которые могут быть выявлены в результате действий государства. Однако они различны для каждого анализируемого случая или периода. Эффективность энергетических инструментов зависит от следующих трех переменных: цели внешней политики страны-поставщика; строгость и интенсивность используемых инструментов (последствия для страны-потребителя); барьеры страны-потребителя.

Эффективность использования энергетических инструментов напрямую зависит от цели. Чем выше политические и / или экономические требования, тем труднее ее достичь. Страна-потребитель будет более охотно противодействовать и терпеть инструменты, дающие негативное влияние дольше. В то же время более амбициозные цели заставят страну-поставщика применять более строгие инструменты. С этой точки зрения цель будет в некоторой степени влиять на выбор инструментов. Достижение целей внешней политики с помощью энергетических инструментов зависит от выбора и интенсивности инструментов. Когда страна-потребитель использует более строгие инструменты или более интенсивно, страна-потребитель имеет более ограниченные возможности отклонить политические или экономические уступки, требуемые страной-поставщиком. На этом этапе важно, как дол-

го страна-поставщик может использовать определенные инструменты. Чем дольше используется определенный инструмент, оказывающий негативное влияние на страну-потребителя, тем больше ущерб, тем самым увеличивая необходимость внесения изменений в политику в соответствии с позициями страны-поставщика. В качестве примера можно привести перебои в подаче газа, особенно в холодное время года. Перебои будут иметь разные последствия для стран-потребителей без альтернатив импорта, которые будут зависеть от продолжительности перерыва.

Но поставщики не могут постоянно использовать энергетические инструменты, которые оказывают наибольшее влияние, и они рационально используют инструменты, которые оказывают негативное воздействие на страны-потребители в кратчайшие сроки, чтобы избежать негативных последствий для себя. Поскольку государства стремятся проводить рациональную политику, для получения ожидаемых результатов они должны рационально стремиться выбирать инструменты, которые являются наиболее экономически эффективными и оказывают наименьшее негативное влияние.

Хотя иногда Россия почти одинаково использовала энергетические инструменты во внешней политике для достижения аналогичных целей внешней политики, но результаты были разными в случае Беларуси, Украины, Грузии, Армении и стран Балтии. Эффективность энергетических инструментов определялась барьерами в странах-потребителях. Барьеры позволили избежать использования энергетических инструментов или уменьшить их влияние. Эти барьеры можно разделить на следующие три типа: инфраструктурные, экономические и политико-социальные.

Инфраструктурные барьеры обеспечивают географическую диверсификацию поставок энергоресурсов и электроэнергии, а также диверсификацию видов энергоресурсов. Энергетическая инфраструктура оказывает большое влияние на геоэнергетические позиции, потому что развитие инфраструктуры изменяет скрытую власть основного государства-поставщика и позволяет уменьшить доминирование, тем самым

уменьшая возможность использования энергетических инструментов, а также снижает эффективность инструментов. Географическое положение страны ограничивает возможности географической диверсификации энергетики, например, отсутствие доступа к морю в случае Беларуси, не позволяет строить терминалы СПГ. Страна-потребитель не всегда может использовать инфраструктурные барьеры или создавать новые даже при благоприятных географических условиях, поскольку ее возможности для этого определяются ее экономическими возможностями и решениями ответственных лиц.

Экономический барьер и финансовые возможности зависят от существующих активов государства, наличия внешних финансовых активов, его национального бюджета и имеющихся избыточных бюджетных возможностей (Rondinelli D.A. & Cheema G.S. 2003). Экономические барьеры определяют возможности страны-потребителя терпеть использование энергетических инструментов и надежных альтернатив, требующих более высоких затрат. Экономические барьеры также важны для накопления резерва, а также продолжительности терпимости к росту цен на энергоносители.

Характер условий торговли энергоресурсами определяет возможности использования энергетических инструментов. Когда страна-поставщик предоставляет субсидии стране-потребителю, страна-поставщик может использовать повышение цены ресурсов до уровня рынка или регионального уровня цен в качестве необходимого инструмента. С другой стороны, снижение цены до уровня рынка или регионального уровня цен можно рассматривать как использование инструмента влияния. Торговля энергоресурсами по рыночной цене усиливает барьеры страны-потребителя. Применение рыночной цены и рыночных принципов в торговле энергоресурсами является лучшим инструментом для создания экономических барьеров и обеспечения оптимального развития промышленности и экономики, снижения уязвимости от искусственного роста цен. Возможности законного использования энергетических инструментов в определенной степени зависят от подписанных торговых соглашений. Использование энергетических инструментов напрямую влияет на экономику страны и, следовательно, на стабильность государства.

экономике страны и, следовательно, на стабильность государства.

Последствия использования энергетических инструментов во внешней политике для стран-потребителей и стран-поставщиков

Использование энергетических инструментов имеет неизбежные последствия как для страны, против которой они используются, так и для страны, которая их использует. Последствия могут быть целевыми и предвиденными, а с другой стороны, нецелевыми и непредвиденными.

Энергетические инструменты принудительного характера можно приравнять к санкциям, поскольку они должны иметь нежелательные последствия для стран-потребителей и заставлять их менять свою внутреннюю и внешнюю политику. Россия использовала принудительные инструменты в своей внешней политике чрезвычайно широко в случае Украины. Для достижения своей цели Москва угрожала сократить транзит газа и нефти и фактически сократила его, были озвучены угрозы повысить цены на природный газ, и они были увеличены, а поставки и транзит газа были прекращены. Используя эти инструменты, Россия также настаивала на том, чтобы Украина изменила свою внешнюю политику: присоединилась к Таможенному союзу и ЕАЭС; продлить срок дислокации Черноморского флота в Севастополе; сохранять пророссийскую ориентацию; снизить интенсивность сотрудничества с Западом; ограничить участие в противостоящих международных организациях.

Инструменты влияния влияют на уязвимость стран-потребителей, поскольку они увеличивают как вероятность использования обязательных инструментов, так и чувствительность к их использованию. Пример Беларуси - прекрасная иллюстрация такого случая. Постоянно субсидируя энергетические ресурсы, Россия поддерживает Александра Лукашенко, выживание которого напрямую зависит от экономической стабильности государства, в то время как экономическая конкурентоспособность страны зависит от низких цен на ресурсы. В обмен на дотации Москвы Минск продолжил свою

пророссийскую внешнюю политику, осуществил интеграцию в Таможенный союз, Единое экономическое пространство и Евразийский экономический союз, а также позволил российским компаниям расширить свои права собственности в энергетическом и других секторах экономики. Аналогичный случай с Арменией, которая полагается на гарантии безопасности России и более дешевые энергоресурсы для стимулирования экономического роста. Армения также присоединилась к Таможенному союзу и Евразийскому экономическому союзу.

Пример Украины иллюстрирует, как использование инструментов влияния влияет на политическую и экономическую ситуацию в стране, что делает страну чувствительной к отказу от инструментов влияния. Случай стран Балтии показывает, что, хотя на начальном этапе отказ от инструментов влияния приводит к экономическому спаду, это создает предпосылки для трансформации экономики и диверсификации, уменьшая влияние некоторых инструментов за счет создания рыночных условий и снижения концентрации рынка в геоэнергетическом пространстве.

Использование энергетических инструментов для достижения целей внешней политики имеет последствия не только для стран-потребителей, но и для стран-поставщиков. Когда страна-поставщик использует инструменты принуждения, она

может столкнуться с негативными реакциями и действиями стран-потребителей, которые вынуждают страну-поставщика прекратить использование этих инструментов, уменьшить влияние инструментов или иметь другие непредсказуемые последствия.

Пример России показывает, что использование таких инструментов влияния, как ценовые скидки, напрямую снижает доходы страны-поставщика, поскольку это оказывает негативное влияние на сбор бюджета. Однако очевидно, что энергетические ресурсы будут продолжать играть важную роль во внешней политике России.

Выводы

Энергетические ресурсы должны оцениваться как независимые инструменты внешней политики. Эффективность энергетических инструментов зависит от ряда переменных. Объяснение эффективности энергетических инструментов заслуживают более подробных исследований. Важно проанализировать, почему некоторые страны-поставщики используют энергетические инструменты в своей внешней политике более интенсивно, например Россия, по сравнению с другими, которые рассматривают энергоресурсы как элементы торговли, а не как инструменты внешней политики. В этом контексте большое значение будет иметь сравнительный анализ России и других стран-поставщиков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- Andreas Wenger*, "Russia's energy power: Implications for Europe and for transatlantic cooperation", in *Russian Energy Power and Foreign Relations*, eds. Jeronim Perovic, Robert W. Orttung, and Andreas Wenger (Routledge, 2009).
- Bobo Lo*, *Vladimir Putin and the Evolution of Russian Foreign Policy* (Blackwell Publ., 2003).
- Brenda Shaffer*, "Natural gas supply stability and foreign policy", *Energy Policy* 56 (2013).
- Cristopher Hill*, *The Changing Politics of Foreign Policy*, 136. (2003).
- Daniel Yergin*, "Energy security in the 1990s", *Foreign Affairs*, 67 (1) (1988).
- George E. Shambaugh IV*, "Dominance, Dependence, and Political Power: Tethering Technology in the 1980s and Today", *International Studies Quarterly*, 40, (1996).
- Joseph S. Nye*, *The Future of Power* (BBS Public Affairs, 2011).
- Karen S. Stegen*, "Deconstructing the "energy weapon": Russia's threat to Europe as case study", *Energy Policy* (2011).
- Michael A. Levi*, *Energy Security: An Agenda for Research* (CFR, 2010).
- Robert L. Larsson*, *Russia's Energy Policy: Security Dimensions and Russia's Reliability as an Energy Supplier* (FOI, 2006).
- Ахмед М.А.* Энергетический диалог Российской Федерации и Королевства Саудовская Аравия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018;18(2):342-355.

Глинская М.В. Внешние интересы личности, общества и государства в энергетической политике России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2009;(2):55-62.

Курьлев К.П., Володина Е.И. Третий энергетический пакет Евросоюза. Последствия и перспективы для России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2016. № 7. С. 36-39.

Черненко Е.Ф. Энергетическая дипломатия в орбите энергетической безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2010;(3):17-41.

Черненко Е.Ф. Энергетическая составляющая политики России в зеркале геоэкономики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2012;(4):57-69.

Сведения об авторе: Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского Государственного Университета (e-mail: ialimusa@mail.ru).

REFERENCES

Ahmed M.A. Energeticheskij dialog Rossijskoj Federacii i Korolevstva Saudovskaya Araviya // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye ot-nosheniya. 2018;18(2):342-355.

Glinskaya M.V. Vneshnie interesy lichnosti, obshchestva i gosudarstva v energeticheskoy politike Rossii // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye ot-nosheniya. 2009;(2):55-62.

Kurylev K.P., Volodina E.I. Tretij energeticheskij paket Evrosoyuz. Posledstviya i perspektivy dlya Rossii // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo. 2016. № 7. S. 36-39.

CHernenko E.F. Energeticheskaya diplomatiya v orbite energeticheskoy bezopasnosti // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye ot-nosheniya. 2010;(3):17-41.

CHernenko E.F. Energeticheskaya sostavlyayushchaya politiki Rossii v zerkale geoeconomiki // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye ot-nosheniya. 2012;(4):57-69.

About the author: Ibrahimov Alimusa Gulmusa, Ph.D. in political sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University (e-mail: ialimusa@mail.ru)/

Финансовый механизм и его роль в финансовой политике в исследованиях ученых СНГ

Ю.В. Тарарышкин

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье рассматривается сущность финансового механизма и его роль в финансовой политике в современных условиях. Исследуются вопросы теоретического обоснования подходов к формированию финансового механизма. Обозначаются новые направления построения финансового механизма в условиях развития интеграции на территории СНГ. Благоприятная экономическая конъюнктура, макроэкономическая стабильность и экономический рост, характерные для всех стран СНГ течение первого десятилетия XXI в., обеспечивали благоприятные условия для осуществления прорыва в развитии финансовых систем и достижения в короткие сроки показателей, сопоставимых в те годы с показателями финансовых систем некоторых стран Восточной Европы. Сегодня, с учетом масштабных турбулентных явлений в мировой экономике и политической нестабильности на постсоветском пространстве, реформы финансового сектора экономики должны проводиться наиболее интенсивно. Те страны, которым удастся грамотно использовать конкурентные преимущества, обеспечить системный подход и высокий уровень профессионализма при реализации реформ, добьются максимальных результатов в формировании и развитии своих национальных финансовых систем.

Ключевые слова: финансовый механизм, управление финансами, финансовая политика, финансовая интеграция, финансовый рынок.

Financial mechanism and its role in financial policy from CIS's scientists' point of view

Yu.V. Tararyshkin

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract. The present article deals with the essence of financial mechanism and its role in financial policy in modern conditions. The article highlights the questions of theoretical grounding of approaches to financial mechanism's formation. New tendencies of financial mechanism's formation in conditions of integrational development on the territory of the Commonwealth of Independent States (CIS) are also presented in the article. Favorable economic conditions, macroeconomic stability and economic growth, characteristic of all CIS countries during the first decade of the 21st century, provided favorable conditions for a breakthrough in the development of financial systems and the achievement in a short time of indicators comparable in those years with those of the financial systems of some Eastern countries Of Europe. Today, taking into account large-scale turbulent phenomena in the global economy and political instability in the post-Soviet space, reforms in the financial sector of the economy should be carried out most intensively. Those countries that will be able to competently use competitive advantages, ensure a systematic approach and a high level of professionalism in implementing reforms will achieve maximum results in the reform and development of their national financial systems.

Key words: financial mechanism, financial management, financial policy, financial integration, financial market.

Финансовый механизм является элементом управления и регулятором экономических отношений в государстве в целях реализации финансовой политики и успешного проведения ее в жизнь. В современной экономике он также служит инструментом осуществления финансовой политики любого хозяйствующе-

го субъекта. Финансовый механизм представляет совокупность способов организации финансовых отношений, применяемых обществом для обеспечения благоприятных условий в целях экономического и социального развития. Он рассматривается в действии и включает сложные элементы: виды, формы и

методы организации финансовых отношений, способы их количественного определения. Элементы структуры финансового механизма соответствуют разнообразию финансовых отношений, а их применение обусловлено множественностью финансовых взаимосвязей.

Значимый вклад в развитие теории финансового механизма внесли зарубежные и российские экономисты: А. Маршалл, Ф. Найт, П. Самуэльсон, Й. Шумпетер, А. Бабо, В.Г. Базарова, И.Т. Балабанов, С.В. Барулин, Б.Г. Болдырев, А.Г. Грязнова, Л.А. Дробозина, В.П. Иваницкий, А.Ю. Казак, В.В. Ковалев, В.И. Колесников, Е.В. Маркина, Д.С. Моляков, С.А. Мухин, В.М. Родионова, М.В. Романовский, В.К. Сенчагов, В.В. Ситнин, Н.Г. Сычев, В.П. Саморуха, М.А. Федотова, В.А. Слепов, С.И. Лушин, М.Г. Лапуста, В.К. Сенчагов и др.

Следует отметить, что Нобелевская премия по экономике за 2007 г. была вручена Л. Гурвицу, Р. Майерсону и Э. Маскину за «основополагающий вклад в теорию экономических механизмов»¹.

Однако в научной литературе до настоящего времени отсутствует единый подход к определению финансового механизма. При этом, как показал анализ исследований, проводимых научно-исследовательскими центрами, имеются лишь единичные научные разработки отдельных аспектов финансового механизма². На наш взгляд, обусловлено это тем, что финансы отражают состояние экономики, а, затажной мировой финансовый кри-

зис и конкретная специфика проблемных вопросов финансового механизма, не способствуют проведению научных исследований в области финансовой политики.

Всестороннее изучение литературы и информации Интернет-сайтов подтверждает, что, как правило, исследования проводятся точно по отдельным аспектам финансового механизма при подготовке докладов, научных статей и диссертаций, разработке учебников и пособий.

Роль финансовой политики в эффективности управления финансами на территории постсоветского пространства становится актуальной в период перехода к рыночной экономике (вторая половина XX в.). Обусловлено это необходимостью создания механизмов эффективного управления в условиях конкурентной борьбы за рынки сбыта, финансовые инвестиции и перспективы развития, а также в связи с обострением проблем, вызванных мировым финансовым кризисом.

В российской экономической литературе существуют различные точки зрения в отношении структуры финансового механизма. Одни ученые-экономисты полагают, что элементы финансового механизма совпадают с функциональными элементами управления финансами. Так, С. В. Барулин выделяет три элемента финансового механизма: финансовое планирование, финансовое регулирование, финансовый контроль. Ковалев В.В. отмечает, что финансовый механизм представляет собой систему организации, планирования и использования финансовых ресурсов³. По мнению Балабанова И.Т. финансовый механизм представляет собой систему действия финансовых рычагов, выражающуюся в организации, планировании, стимулировании использования финансовых ресурсов. Белозеров С.А. и Горбушина С.К. отмечают, что финансовый механизм является лишь частью фи-

¹ Измалков С. Б., Сонин К. И., Юдкевич М. М. Теория экономических механизмов (Нобелевская премия по экономике 2007 г., часть №1)/ Экономический Портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://institutiones.com/theories/259--2007-1.html>. – Дата доступа: 12.03.2018.

² Сычев В.А. Финансовый инжиниринг как основа управления финансовыми активами предприятия// Доклад на III-ом заседании семинара «Моделирование социально-экономических процессов и систем» (МСЭПиС)/ООО «НИЦ ЭММ» и ЮРГПУ(НПИ). – Руководитель семинара – к.э.н., доц., ген. директор ООО «НИЦ ЭММ» Кракашова О.А. (опубликовано: 7 мая 2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.slideshare.net/olgakrakashova/ss-34262135>. – Дата доступа: 18.03.2018.

³ Ковалев В.В. Финансовый менеджмент: теория и практика//Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика №1// ISSN:1026–356X eISSNЧ – СПбГУ, 2007. – С.198–201. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16272563>. – Дата доступа: 10.03.2018.

нансовой политики, с помощью которого осуществляется непосредственное управление финансами. Предлагаемые определения обусловлены толкованием понятия «механизм», под которым понимается система, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности, и, соответственно, финансовый механизм рассматривается применительно к определенному виду деятельности в процессе управления финансами [Горбушина 2013: 24-51], [Gorbushina, Niiazimbetova 2015: 229–238].

Другие же ученые придерживаются более сложной структуры финансового механизма, рассматривая детализацию финансового механизма на организационно- управленческие блоки (финансовое планирование и прогнозирование, оперативное управление и финансовый контроль) и используя другие критерии его классификации, основываясь на экономическом содержании финансов, включающих экономические субъекты (финансы домохозяйств, финансы организаций и государственных и муниципальных финансов). В этом случае финансовый механизм рассматривается с позиции сложной структуры его организации, характеризующейся разнообразием видов и форм организации финансовых отношений в рамках финансовой системы. По мнению Дробозиной Л.А. финансовый механизм представляет собой систему установленных государством форм, видов и методов организации финансовых отношений. Грязнова А.Г. и Маркина Е.В. понимают под финансовым механизмом совокупность видов, форм организации финансовых отношений, специфических методов формирования и использования финансовых ресурсов и способов их количественного определения. Родионова В.М. утверждает, что финансовый механизм включает виды, формы и методы организации финансовых отношений, способы их количественного определения.

Сычёв Н.Г. и Болдырев Б.Г. придерживаются позиции, что финансовый механизм представляет собой совокупность форм и методов организации управления и планирования финансов и использования в этих процессах денежных фондов, финансовых рычагов,

норм, нормативов, лимитов, стимулов, санкций, резервов, а также финансового законодательства¹.

С.И. Юрий и В.М. Федосов определяют финансовый механизм как комплекс финансовых методов и рычагов влияния на социально-экономическое развитие общества. В их трактовке финансовый механизм рассматривается как совокупность конкретных финансовых методов и рычагов влияния на формирование и использование финансовых ресурсов с целью обеспечения функционирования и развития государственных структур, субъектов хозяйствования и населения.

В Республике Беларусь вопросы финансовой политики исследуют ученые: Н.Е. Заяц, К.М. Фисенко, Е.Ф. Киреева, Т.В. Сорокина, Т.Е. Бондарь и др., и в большинстве своем они утверждают, что «Финансовая политика – это целенаправленная деятельность государства, связанная с мобилизацией финансовых ресурсов, их рациональным распределением...». При этом отмечают в качестве одной из главных задач финансовой политики – необходимость выработки механизма распределения и перераспределения финансовых ресурсов в соответствии с основными направлениями их использования.

Итак, руководствуясь изученными источниками литературы, можно выделить несколько подходов к определению сущности финансового механизма². Первый из них

¹ Сычев В.А. Финансовый инжиниринг как основа управления финансовыми активами предприятия// Доклад на III-ом заседании семинара «Моделирование социально-экономических процессов и систем» (МСЭПиС)/ООО «НИЦ ЭММ» и ЮРГПУ(НПИ)/. – Руководитель семинара – к.э.н., доц., ген. директор ООО «НИЦ ЭММ» Кракашова О.А. (опубликовано: 7 мая 2014 г.) [Электронный ресурс].– Режим доступа: <https://www.slideshare.net/olgakrakashova/ss-34262135>. – Дата доступа: 18.03.2018.

² Березкин Ю. М. О двух подходах к пониманию финансового механизма [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://berezkin.info/wp-content/uploads/2010/12/statya-o-finans.-mehanizme.doc>. –Дата доступа: 10.03.2018; Измалков С. Б., Сонин К. И., Юдкевич М. М. Теория экономических механизмов (Нобелевская премия по экономике 2007 г., часть №1)/ Экономический Портал [Электронный ресурс].– Ре-

можно классифицировать как организационно-структурный. Под финансовым механизмом понимают организационное строение финансовых отношений в государстве, и он направлен на упорядочение, структуризацию и организацию финансовой системы. В соответствии со вторым подходом финансовый механизм характеризуется как передаточный механизм финансовой политики. По третьему подходу финансовый механизм является многофункциональной и сложной структурной динамической системой, которая в пределах институциональных взаимосвязей объединяет специфические денежные обороты.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что различный уровень финансовой политики государств с их стремлением к разноректорному уклону обуславливает потребность в многообразии способов реализации финансовой политики посредством отражения в финансовом механизме.

В условиях открытой экономики государств финансовый механизм как организационная система рычагов и инструментов регулирования, объективно включен в систему внешних экономических связей. Поэтому средством согласования индивидуальных и общественных интересов в части мобилизации финансовых ресурсов и их использования становится интеграция финансовой политики, в результате которой национальная финансовая система подлежит улучшению за счет новых правил и стандартов путем открытия рынков для зарубежных субъектов хозяйствования и возможности выхода отечественных организаций на внешние рынки.

В современном мире финансы как экономический инструмент хозяйствования используются для осуществления интеграции в мировую экономику. Финансы, функционируя в международной сфере, оказывают существенное влияние на экономические интересы участников внешнеторговых операций и международных связей. Финансовый механизм, складывающийся во внешнеэкономической деятельности, служит инструментом реализа-

ции финансовой политики государства в сфере международного сотрудничества [Тарарышкин, Тарасов 2016: 48-51].

В рамках развивающейся интеграции на территории постсоветского пространства ставится цель осуществлять свободное перемещение капитала между отраслями и создавать масштабные инвестиционные программы в глобальном финансовом пространстве. Такие подходы будут способствовать созданию условий для роста производительности труда, факторов производства и финансового капитала, развития финансовых рынков и экономического роста государства в целом.

Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.¹ (далее – Договор о ЕАЭС) заложил основу формирования общего рынка финансовых услуг для обеспечения свободного движения капитала. Создание общего рынка финансовых услуг на пространстве Евразийского экономического союза (далее ЕАЭС) Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России представляет важный этап в развитии финансовой интеграции. Такая интеграция требует разработки единой системы финансовых услуг, обеспечивающей устойчивое развитие экономики государств-членов ЕАЭС, гарантирующей финансовую стабильность и защищающей от рисков потребителей финансовых услуг.

Согласно Договору о ЕАЭС государства-члены осуществляют согласованное регулирование финансовых рынков посредством:

- углубления экономической интеграции с целью создания в рамках ЕАЭС общего финансового рынка и обеспечения недискриминационного доступа на финансовые рынки государств-членов ЕАЭС;
- обеспечения гарантированной и эффективной защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг;
- создания условий для взаимного признания лицензий в банковском и страховом сек-

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (вместе с Приложениями 1–33) (ред. от 08.05.2015) [Электронный ресурс]: [подписан в г.Астане 29.05.2014]// КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

торах, а также в секторе услуг на рынке ценных бумаг, выданных уполномоченными органами одного государства–члена ЕАЭС, на территориях других государств–членов ЕАЭС;

- определения подходов к регулированию рисков на финансовых рынках государств–членов ЕАЭС в соответствии с международными стандартами;
- определения требований, предъявляемых к банковской деятельности, страховой деятельности и деятельности на рынке ценных бумаг (пруденциальных требований);
- определения порядка осуществления надзора за деятельностью участников финансового рынка;
- обеспечения транспарентности деятельности участников финансового рынка.

Формирование общего рынка финансовых услуг представляет длительный процесс до 2025 года, включающий согласованное регулирование финансовых рынков, гармонизацию законодательства в сфере финансового рынка, создание наднационального органа по

регулированию финансового рынка и определение его полномочий и функций. Государства–члены ЕАЭС предоставят поставщикам финансовых услуг национальный режим и режим наибольшего благоприятствования.

С учетом международных принципов, стандартов и международной практики осуществляется выработка гармонизированных требований в сфере регулирования финансового рынка в: банковском и страховом секторах, секторе рынка ценных бумаг. Гармонизация конкретных требований должна осуществляться при условии, что имеющиеся различия не будут препятствовать эффективному функционированию создаваемого общего финансового рынка ЕАЭС.

Таким образом, финансовый механизм, являясь инструментом финансовой политики государства, находится в постоянном развитии. В условиях расширения интеграции финансовый механизм в целях повышения эффективности его функционирования заточен на межгосударственную финансовую интеграцию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Горбушина С.Г. Субфедеральные финансы в новых условиях экономического роста: подходы, новации, российская практика // Публичные финансы: история и современность: монография/ под ред. С.С. Жуковой. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2013. С.24-51.

Тарарышкин Ю.В., Тарасов В.И. Евразийский экономический союз: финансовые аспекты внешнеторговых операций//Wschodnioeuropejskie Czasopisto Naukome (Fast European Scientific Journal) #7(11). Warsaw, Poland, 2016. С.48-51.

Gorbushina Svetlana G., Niiazimbetova Nodirabegim B. Public-Private partnership: world experience of establishment and development // Economic development: Processes and tendencies. III International scientific – practical conference. Vilnius, April 29, 2015.Т.1. Vilnius: Vilniauskolegija. 2015.Р. 229-238.

Об авторе: Тарарышкин Юрий Вячеславович, соискатель аспирантуры Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь (e-mail: tararyshkina@rambler.ru).

REFERENCES

Gorbushina S.G. Subfederal'nye finansy v novyh usloviyah ekonomicheskogo rosta: podhody, novacii, rossijskaya praktika//Publichnye finansy: istoriya i sovremennost': monografiya/ pod red. S.S.ZHukovoj. Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013. –S.24–51.

Tararyshkin YU.V., Tarasov V.I. Evrazijskij ekonomicheskij soyuz: finansovye aspekty vneshnetorgovyh operacij //Wschodnioeuropejskie Czasopisto Naukome (Fast European Scientific Journal) #7(11). –Warsaw, Poland, 2016. – S.48–51.

About the author: Tararyshkin Yuriy V., PhD applicant of the Belarusian State University Minsk, Belarus (e-mail: tararyshkina@rambler.ru).

ПРОБА ПЕРА

Украинско-турецкие отношения в 2014-2019 гг.: динамика, тенденции, перспективы

В.Н. Канарова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Аннотация: В статье рассмотрены украинско-турецкие отношения, которые после череды событий 2014 г., начали носить стратегический характер. Этому последовала и прозападная политика украинского правительства, и «самолетный кризис» между Россией и Турцией. В статье изучается украинско-турецкое сотрудничество в военно-политической, экономической, культурной сферах за 2014-2019 гг. Анализируя современное состояние украинско-турецких отношений, автор уделяет основное внимание поддержке Турцией территориальной целостности Украины, подписанию договора о зоне свободной торговли между странами и вопросу крымских татар. Проанализированы договоры и соглашения, которые действуют между черноморскими странами и выявлены направления дальнейшего развития отношений. В заключении акцентируется внимание на ряд противоречий, существующих между Украиной и Турцией, и дается общая оценка перспектив украинско-турецких отношений.

Ключевые слова: Украина, Турция, стратегические отношения, двусторонние отношения.

Ukrainian-Turkish Relations in 2014-2019: Dynamics, Trends, Prospects

V.N. Kanarova

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract: The article deals with Ukrainian-Turkish relations which, after a series of events in 2014, began to be strategic in nature. This was followed by the pro-Western policy of the Ukrainian government and the “airplane crisis” between Russia and Turkey. The article considers Ukrainian-Turkish cooperation in the military-political, economic, cultural spheres for 2014-2019. Analyzing the current state of Ukrainian-Turkish relations the author focuses on Turkey's support for the territorial integrity of Ukraine, the signing of an agreement on a free trade zone between countries and the issue of Crimean Tatars. The article analyzes the treaties and agreements between the Black Sea countries and the directions for the further development of relations are identified. In conclusion, attention is focused on a few contradictions that exist between Ukraine and Turkey and a general assessment of the prospects for Ukrainian-Turkish relations is given.

Keywords: Turkey, the Ukraine, strategic relationship, bilateral relations.

После событий, которые произошли на Украине в 2014 г., Турция, выступающая за целостность украинского государства, стала видеть в лице Украины стратегического партнера, а не просто регионального игрока. Изначально, Турция пыталась примирить два причерноморских государства (Россию и Украину), защищая крымских татар, но после событий 2015 г. данный процесс был прерван. 2015 год – «самолетный кризис»¹

между Турцией и Российской Федерацией – события, произошедшие в районе турецко-сирийской границы, дали толчок для активации украинско-турецких отношений. Благодаря этим событиям Киев и Анкара осознали, какую роль они играют во внешней политике обеих стран.

Становление украинско-турецких отношений ознаменовалось признанием Турцией независимости Украины 16 декабря 1991 г. и подписанием двух договоров в 1992 г. – Протокола об установлении дипломатических отношений и Договора о дружбе и сотрудничестве между Украиной и Турецкой Республикой. В этом же году в Стамбуле

¹ «Я говорю: извините»: что сейчас происходит в российско-турецких отношениях // НТВ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ntv.ru/cards/1181/> (дата обращения 23.10.2019)

была подписана Декларация о Черноморском экономическом сотрудничестве. Данные законодательные акты легли в основу, а в дальнейшем начало стратегических отношений между Украиной и Турцией.

На тот момент, Турция выделяла две причины заинтересованности в новом украинском государстве:

- Первая причина - собственные интересы Турции. Турецкая республика хотела развивать отношения с новыми союзными государствами, выделив Украину, как «одного из могущественных соседей»¹.

- Вторая причина – проживание на территории Украины, а конкретно на Крымском полуострове, крымских татар. Турция считала своим долгом предоставить им помощь и содействовать их развитию.

После перехода полуострова Крым в состав России и не признанием данных действий Западом, Турция заявила о поддержке территориальной целостности и суверенитета Украины. На Генеральной Ассамблее ООН в 2016, 2017 и 2018 гг., когда Украина выдвигала резолюции о нарушении прав человека в Крыму, Турция голосовала «за». Президент Турции Р.Т. Эрдоган заявил, что турецкие авиакомпании не будут осуществлять прямые рейсы в Крым². Важно отметить, что руководство Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ, которая проходит в Донбассе, осуществляется турецкими дипломатами с первых дней её создания.

Встреча президентов в Киеве в марте 2015 г. ознаменовала начало нового этапа двусторонних отношений. Эрдоган пообещал предоставить Украине кредит в 50 млн. долларов и 10 млн. долларов в качестве гуманитарной помощи³. Был затронут вопрос крымских татар и совместные мероприятия

по поддержанию их культурного развития. Президенты Порошенко и Эрдоган, договорились о совместной разработке и производстве самолета «Антонов», обсудили проекты в военно-технической, космической и энергетической сферах. Возобновился проект ТИКА, который реализуется Турцией с 2000 г. в 21 стране мира. Данный проект направлен на изучение тюркологии и повышения заинтересованности Турцией в Украине и др. странах. Более чем 10 университетов Турции и Украины установили партнерские отношения и заключили соответствующие соглашения по сотрудничеству в научной сфере.

Украинско-турецкое сотрудничество в 2014-2015 гг. было направлено на развитие двусторонних отношений в политической, экономической, гуманитарной и военной сферах. Важным шагом в энергетическом сотрудничестве стало подписание соглашений между Национальной акционерной компанией «Нафтогаз Украины» и Турецкой государственной нефтяной компанией «ТРАО» и Турецкой трубопроводной компанией «BOTAS»⁴.

Экономические отношения Украины и Турции носят положительный характер. Турецкая Республика является вторым экспортером по значимости рынка. В период 2014-2016 гг. доля Турции в структуре экспорта Украины составляла 7%, а импорта 2,3% [Циватый 2017: 113]. За этот период товарооборот между странами составил 4,6 млрд. долларов [Циватый 2017: 113]. В 2017 году Турция заняла 3 позицию по экспорту с показателем 5,8 %⁵. В 2018 г. картина наблюдалась следующая: товарооборот между странами уменьшился на 3,9 %, а сумма поставок в денежном эквиваленте со-

¹ Украина во внешней политике Турции // Изборник [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/ukrxhr/a12.htm> (дата обращения 23.10.2019)

² Турецкие авиакомпании не будут летать в Крым, - Эрдоган // Фокус [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://focus.ua/politics/314716> (дата обращения 23.10.2019)

³ Что президент Турции Эрдоган привез в Киев президенту Порошенко? // МК.RU [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.mk.ru/politics/2015/03/20/chto-prezident-turcii-erdogan-privez-v-kiev-prezidentu-poroshenko.html> (дата обращения 23.10.2019)

⁴ Делегация Национальной акционерной компании «Нафтогаз України» взяла участие у засіданні українсько-турецької робочої групи [Електронний ресурс] // Офіційний сайт НАК «Нафтогаз України» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://naftogaz.com/www/3/nakweb.nsf/0/B3B498CB703F47DEC2257C0000445F37> (дата обращения 23.10.2019)

⁵ Wirtschaftsdaten kompakt. Ukraine [Электронный ресурс] – https://www.gtai.de/GTAI/Content/DE/Trade/Fachdaten/MKT/2016/11/mkt201611222092_159830_wirtschaftsdaten-kompakt---ukraine.pdf (дата обращения 23.10.2019)

ставила 382,1 млн. долларов¹. Турция также заняла 3 позицию по экспорту агропродукции. Главными продуктами экспорта в Украину Турцией остаются фрукты и агропродукция. Киев в свою очередь продает Анкаре сталь, уголь, продукцию химической промышленности.

Страны подписали План действий по развитию двусторонних отношений на 2017-2019 гг. о защите инвестиций и изменениях по налогообложению для дополнительного толчка в двустороннем сотрудничестве.

Турция и Украина в марте 2018 г. в Одессе впервые провели заседание Совместного украинско-турецкого комитета по рыбному хозяйству. В ходе данного заседания обсуждался ряд вопросов: сотрудничество стран в области рыболовства и аквакультуры, возможность реализации совместных проектов по производству комбикормов для нужд аквакультуры, научные исследования в Черном море.

2019 год дал новый толчок в углублении экономических отношений между черноморскими странами. Мало того, что товарооборот только за первые месяцы 2019 г. увеличился на 28%, так правительства стран начали обсуждать введения зоны свободной торговли. После прихода к власти на Украине Владимира Зеленского, переговоры с Турцией о Соглашении по зоне свободной торговли продолжились.

В августе 2019 г. Зеленский посетил Турцию с официальным визитом. На встрече с Президентом Турции Эрдоганом они обсудили ряд вопросов, касающихся войны на Донбассе, статус Крымского полуострова, поддержку крымских татар, но главным вопросом в двустороннем сотрудничестве стала зона свободной торговли. Зеленский акцентировал внимание на привлечение турецких инвестиций, в частности и в восстановление Донбасса. Обе стороны надеются, что в скором времени придут к компромиссу, реализуют ряд совместных проектов и подпишут экономическое соглашение, кото-

рое будет способствовать углублению интеграции между странами. В рамках данной встречи был подписан Договор о сотрудничестве в рамках деятельности двустороннего Делового совета между Комитетом внешнеэкономических отношений Турции и Торгово-промышленной палатой Украины². Данный договор стал дополнением к подписанному в 1991 г. этими же организациями договору и направлен на дальнейшее развитие делового двустороннего сотрудничества Украины и Турции.

Произошла активизация и в сфере военно-технического сотрудничества. Сотрудничество происходит в рамках оборонной промышленности, растущего товарооборота военной техникой и технологиями, совместной разработкой различных проектов. У обеих стран существенные выгоды из этого сотрудничества: для Украины – это финансовая помощь, обучение военных и предоставление военной техники, а для Турции – долгожданное желание получить украинский комплекс защиты «Заслон-Л», который был выработан ещё в советское время.

Активный разговор правительств Украины и Турции в военной сфере начался в 2015 г., когда украинская делегация оборонного концерна «Укроборонпром» посетила Анкару и обсудила совместное сотрудничество и ряд предстоящих проектов. До этого в 2014 г. было подписано соглашение о военно-техническом сотрудничестве по производству военной техники. В 2016 г. бывший Президент Украины П. Порошенко посетил Турцию и в ходе переговоров Эрдоган предоставил партию военного снаряжения на сумму 810 тыс. долл. Как было выше упомянуто, Турция содействовала целостности украинского государства и осуществляла помощь не только в международном сообществе, но и в военно-финансовом плане. В этом же году была создана украинско-турецкая совместная группа по вопросам координации военно-технического сотрудничества и подписан план военного сотрудничества между Украиной и Турцией до

¹ Товарооборот Украины и Турции увеличился на 28% // Delo.ua [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://delo.ua/economyandpoliticsinukraine/tovarooborot-ukrainy-i-turcii-uvlichilsja-na-28-351792/> (дата обращения 23.10.2019)

² Украина и Турция подписали договор о развитии делового сотрудничества между странами // Интерфакс-Украина [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://interfax.com.ua/news/political/606196.html> (дата обращения 23.10.2019)

2020 г¹. Данный план был направлен на реконструкцию военных сил Украины и готовности их в последующем к НАТО.

Страны предполагали сотрудничать и в сферах ракетно- и самолетостроения. Но в 2016 г. США поставили блок на реализации данных проектов. США были обеспокоены чрезмерным усилением и расширением оборонного потенциала Турции, и передачей Турцией некоторых технологий Украине. Но Анкара и Киев продолжили сотрудничество в совместных проектах по разработке авиационных и электронных систем.

Начало 2017 г. понесло ещё большую активизацию военно-промышленного сотрудничества между Украиной и Турцией. Между «Укроборонпром» и Турцией был подписан Меморандум о взаимодействии в сфере ВПК². По нему Турция обязалась вкладывать финансы в украинские ВПК и совместно работать над новыми проектами. Также Анкара обязалась в течение 2017-2021 гг. предоставить финансовую помощь Киеву в сумме 15 млн. долл. Данные средства будут направлены на покупку турецкого оружия, обучения украинских военных в турецких учебных центрах. В обмен Турция желает получить украинские военные технологии, которые остались со времен СССР и превышают уровень турецких.

Сотрудничество военно-морских сил Украины и Турции также предполагает ряд совместных действий по развитию Черноморского региона. Обсуждаются вопросы региональной безопасности и выносятся на повестку соответственные проекты военно-государственного сотрудничества. Турция заинтересована в черноморском поясе безопасности от России и выделяет Украину, как важного игрока, который не сможет самостоятельно противостоять внешним угрозам.

Активное сотрудничество в военной сфере осуществляется и на уровне компа-

ний. Так, например, в 2019 г. украинская компания «Укрспецэкспорт» и турецкая «Baykar Defence» начали совместное сотрудничество в создании предприятия в сфере высокоточного оружия и ракетно-космических технологий. Ещё с 2015 г. украинско-турецкие представители начали совместную работу над проектами, но 2019 г. ознаменовал новый уровень сотрудничества передовых разработок двух стран.

По данным украинского веб-ресурса «Український мілітарний портал» сообщается, что в августе 2019 г. на территорию Украины были доставлены две тысячи 9-мм пистолетов-пулеметов МР-5, которые произведены на турецком предприятии МКЕК (Mechanical and Chemical Industry Company). Осенью этого же года Украиной было закуплено шесть турецких ударных беспилотников Bayraktar TB2.

Стратегическое партнерство между Украиной и Турцией не ограничивается в военной и экономической сферах. Сотрудничество в сфере туризма, культуры и науки также имеют огромное значение. Соглашение об отмене виз между Украиной и Турцией в 2012 г., а в 2017 г. поездки осуществляются без заграничных паспортов, углубило их туристическое сотрудничество. На современном этапе страны ведут переговоры о взаимном признании водительского удостоверения. Большинство украинцев, для отдыха, предпочитает Турцию и с каждым годом количество туристов растет. В 2018 г. Украину посетило около 300 тыс. турок, а украинцев Турцию около 1 млн. человек. В декабре 2016 г. на побережье Анталы состоялся бизнес-саммит по туристическому сотрудничеству и взаимодействию в сфере бизнеса. Целями данного саммита стали: повышение количества туристов в обеих странах, пути улучшения сотрудничества, развитие инфраструктуры Украины.

Культурная и научная сфера сотрудничества также не отстает от предыдущих. В 2007 и 2009 гг. было заключено два соглашения – Рамочное соглашение между Украиной и Турцией о сотрудничестве в сфере исследований космоса и Соглашение между правительствами стран в сфере науки и технологии. Они несли в себе реализацию совместных научно-исследовательских проек-

¹ Украина и Турция подписали план военного сотрудничества до 2020 года // ТАСС [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3286552> (дата обращения 23.10.2019)

² Меморандум о сотрудничестве подписали "Укроборонпром" и управление ВПК Турции // Интерфакс-Украина [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://interfax.com.ua/news/economic/542583.html> (дата обращения 23.10.2019)

тов в сфере фундаментальных и прикладных наук. За 2009-2018 гг. Турцией было профинансировано около 15 000 украинских проектов на общую сумму 1,2 млрд. долл.¹ Сотрудничество в сфере науки происходит не только на уровне проектов или университетов. Так как Турция в основном закупает украинские зерновые культуры, то страны решили продавать друг другу и семена. Так в Государственный реестр семенного материала Турции уже внесено 5 украинских сортов пшеницы, которые регулярно поставляются из Украины. А украинские фермеры предпочитают закупать в Турции семена подсолнечника, которые идеально подходят для выращивания в украинских климатических условиях.

Интерес к Турции в Украине возрос с открытием Культурного центра им. Юнуса Эмре и вновь активизировавшейся работы ТКА и его проекта «Туркология». В Турции также активно поддерживают развитие украинской культуры и в 2017 г. в Стамбульском университете открылось отделение украинского языка и литературы. Ежегодно проходят культурные дни/недели турецкой культуры в Украине и украинской культуры в Турции. В рамках распространения культур в странах Черноморского региона проходят выставки, национальные концерты, мастер-классы и развитие культурологических проектов.

Турция активно привлекает украинцев для получения высшего образования по программе «Турецкие стипендии» совершенно бесплатно. Данная программа финансируется правительством Турции и актуальна для всех ступеней высшего образования. Программа «Турецкие стипендии» покрывает не только стоимость обучения, но и проживание, перелет и страховку. Турецкие вузы стали популярны среди украинцев за счет европейских дипломов и квалифицированных методик преподавания. В Украине иностранные граждане, в том числе и турки, не имеют возможности учиться на бесплатной основе.

Отдельной составляющей украинско-турецких отношений является вопрос крымских татар. Осуществляется поддержка крымских татар Турцией на всех уровнях и это является одним из главных приоритетов сотрудничества Украины и Турции. Почти в каждом переговорах украинско-турецких делегаций, Эрдоган заявлял, что Турция будет защищать права и национальную идентичность крымских татар. В марте 2019 г. была 5 годовщина аннексии полуострова Крым. Представители украинской диаспоры и граждане Турции организовали акцию протеста против российской аннексии Крыма. Турция на государственном и на международном уровнях организывает ряд мероприятий, посвященных крымским татарам. Ведется активная идейно-политическая работа Турцией по защите крымских татар.

Исходя из этого, можно сделать выводы: взаимодействие Украины и Турции началось из-за кризиса российско-турецких отношений. Турция пытается вести свою игру с помощью важного Черноморского игрока – Украины. Турция признает, что без украинского игрока нельзя проводить региональную политику, но иногда своими действиями затуманивает украинско-турецкие договоренности. Обе страны наращивают товарооборот, Турция активно поддерживает Украину в её территориальной целостности и по ситуации с Крымом. Турция оказывает военную помощь, страны работают над рядом военно-технических и военно-промышленных проектах.

Сотрудничество Украины и Турции определенно вышло на новый уровень, но существует и ряд противоречий. Во-первых, хоть Турция выступает за территориальную целостность Украины, но не поддерживает введённые санкции против Российской Федерации. Во-вторых, существуют противоречия по подписанию соглашения зоны свободной торговли: ставка ввозной пошлины на сельхозпродукцию в Турции составляет 43 %, в то время как на Украине только 11 %. Киев обеспокоен накруткой себестоимости турецких товаров и услуг. В-третьих, нереализованного энергетического соглашения Турцией на поставки газа с помощью газотранспортной инфраструктуры Украины. Турецкая Республика не сдержала обе-

¹ За 10 лет Турция выделила \$1,2 млрд на научные исследования // Регнум [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2644096.html> (дата обращения 23.10.2019)

щение, начав реализацию проекта «Турецкий поток» с Россией, в обход украинскому государству.

Но, тем не менее, перспективы двусторонних отношений выглядят вполне эффективно и обе страны направляют свои действия на реализацию стратегического партнерства. Основными задачами украинско-турецкого сотрудничества на ближайшие

годы являются: подписание Соглашения о зоне свободной торговли, наращивание товарооборота до 10 млрд. долларов, увеличения уровня заинтересованности культурами между странами, увеличение турецких туристов на Украину за счет развития украинской инфраструктуры и поддержание стабильности Черноморского региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Внешняя политика стран СНГ: Учеб. Пособие для студентов вузов / Ред.-сост. Д.А. Дегтерев, К.П. Курылев. - М.: Издательство "Аспект Пресс", 2019. - 496 с. Переиздание одноименного учебного пособия 2017 г.
- Волович О.О.* Україна і Туреччина в контексті американсько-російського суперництва в Чорноморсько-каспійському регіоні / О. О. Волович, М. О. Воротнюк, Є. В. Габер // Туреччина у сучасному світі: пошук нової ідентичності: збірник статей та аналітичних матеріалів. – Національний інститут стратегічних досліджень (Регіональний філіал у м. Одесі). – Одеса: Фенікс, 2011. – С.352–355.
- Григорьевская А.Д., Нахнюпа А.А., Смолик Н.Г.* Влияние украинского кризиса на трансформацию политико-правовых основ внешней политики Украины (2014-2018 гг.) // Журнал "Постсоветские исследования". 2019. Т.2. №2. С.1042-1054.
- Гуцин А.В., Ханова И.Е.* Экономика Украины в условиях кризиса 2017 г. // Журнал "Постсоветские исследования". 2018. Т.1. №1. С.31-38.
- Ибрагимов А.Г.* Украинский кризис в контексте противостояния между Западом и Россией // Журнал "Постсоветские исследования". 2019. Т.2. №2. С. 1014-1020.
- Курылев К.П.* Интеграция в ЕС как один из приоритетов внешнеполитического курса Украины // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2012. №2. С.76-91.
- Курылев К.П.* Украинский кризис и международная безопасность. Москва, 2018.
- Курылев К.П., Станис Д.В.* Этноконфессиональная ситуация на Украине как фактор внутриполитической нестабильности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5-3 (43). С. 114-117.
- Мощенко О. М.* Туреччина–Україна: сучасний стан та перспективи співробітництва в Чорноморсько-близькосхідному регіоні / О. М. Мощенко // Гілея: науковий вісник. - 2016. - Вип. 105. - С. 346-352.
- Паюк К.А.* Україна і Туреччина: на шляху до реалізації стратегічного партнерства // Вісник ОНУ ім. І.І. Мечникова. Соціологія та політичні науки. 2014. Т.19. №.1. С. 111-117.
- Паюк К.А.* Україна і Туреччина: нові кроки на шляху реалізації стратегічного партнерства // Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки. 2015. Т. 20. № 1 (22). С. 96-101.
- Протопопов А.С.* Исторические параллели // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014; (4). С. 20-24.
- Пугачова В.М., Шеремет О.О.* Перспективи формування зони вільної торгівлі між Україною та Туреччиною // Міжнародний науково-виробничий журнал "Економіка АПК". 2017. №10. С. 74-77.
- Циватый В.Г.* Украина – Турция: политико-дипломатический диалог геополитических соседей начала XXI века (институциональное измерение). Проблемы постсоветского пространства. 2017. – С. 109-117.

Сведения об авторе: Канарова Виктория Николаевна, аспирантка кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: 1032165193@rudn.ru).

REFERENCES

- Grigor'evskaya A.D., Nakhnyupa A.A., Smolik N.G.* Vliyaniye ukrainskogo krizisa na transformatsiyu politiko-pravovykh osnov vneshnei politiki Ukrainy (2014-2018 gg.) // Zhurnal "Postsovetskie issledovaniya". 2019. T.2. №2. S.1042-1054.
- Gushchin A.V., Khanova I.E.* Ekonomika Ukrainy v usloviyakh krizisa 2017 g. // Zhurnal "Postsovetskie issledovaniya". 2018. T.1. №1. S.31-38.
- Ibragimov A.G.* Ukrainskii krizis v kontekste protivostoyaniya mezhdu Zapadom i Rossiei // Zhurnal "Postsovetskie issledovaniya". 2019. T.2. №2. S. 1014-1020.
- Kurylev K.P., Stanis D.V.* Etnokonfessional'naya situatsiya na Ukraine kak faktor vnutripoliticheskoy nestabil'nosti // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 5-3 (43). S. 114-117.
- Kurylev K.P.* Integratsiya v ES kak odin iz prioritetrov vneshnepoliticheskogo kursa Ukrainy // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya. 2012. №2. S. 76-91.
- Kurylev K.P.* Ukrainskij krizis i mezhdunarodnaya bezopasnost'. Moskva, 2018.
- Moshchenko O.M.* Turechchina–Ukraina: suchasniy stan ta perspektivi spivrobitnitstva v Chornomors'ko–bliz'koskhidnomu regionu / O. M. Moshchenko // Gileya: naukovi visnik. - 2016. - Vip. 105. - S. 346-352.
- Payuk K.A.* Ukraina i Turechchina: na shlyakhu do realizatsii strategichnogo partnerstva // Visnik ONU im. I.I. Mechnikova. Sotsiologiya ta politichni nauki. 2014. T.19. №.1. S. 111-117.
- Payuk K.A.* Ukraina i Turechchina: novi kroki na shlyakhu realizatsii strategichnogo partnerstva // Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Sotsiologiya i politichni nauki. 2015. T. 20. № 1 (22). S. 96-101.
- Protopopov A.S.* Istoricheskie paralleli // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. (4). S.20-24.
- Pugachova V.M., Sheremet O.O.* Perspektivi formuvannya zoni vil'noi torgivli mizh Ukrainoyu ta Turechchinoyu // Mizhnarodni nauko-virobnichii zhurnal "Ekonomika APK". 2017. №10. S. 74-77.
- Tsivatyi V.G.* Ukraina – Turtsiya: politiko-diplomaticheskii dialog geopoliticheskikh sosedei nachala KhKhI veka (institutsional'noe izmerenie). Problemy postsovetskogo prostranstva. 2017. – S. 109-117.
- Vneshnyaya politika stran SNG: Ucheb. Posobie dlya studentov vuzov / Red.-sost. D.A. Degterev, K.P. Kurylev. - M.: Izdatel'stvo "Aspekt Press", 2019. - 496 s.
- Volovich O.O.* Ukraina i Turechchina v konteksti amerikans'ko–rosiiskogo supernitstva v Chornomors'ko–kaspiskomu regionu /O. O. Volovich, M. O. Vorotnyuk, E. V. Gaber // Turechchina u suchasnomu sviti: poshuk novoï identichnosti: zbirnik statei ta analitichnikh materialiv. – Natsional'nii institut strategichnikh doslidzhen' (Regional'nii filial u m. Odesi). – Odesa: Feniks, 2011. – S.352–355.

About the author: Kanarova V. N., graduate student of the department of Theory and History of International Relations Department, RUDN University (e-mail: 1032165193@rudn.ru).